

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses and black branches with leaves. The roses are stylized with multiple layers of petals, and the branches are thin and curvy. The leaves are simple, pointed shapes.

Балнохи

"Я не дам тебе
упасть"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Балнохи

Я не дам тебе упасть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50807302

SelfPub; 2020

Аннотация

Действие происходит в послевоенное время в Англии. Главный герой Кол является психотерапевтом. Он умён и весьма популярен у женщин. В один обыденный день, как это обычно бывает, в психиатрическую лечебницу привозят узницу концлагеря. Кол не может остаться в стороне, ведь он понимает, что психически здоровую девочку хотят продержать в стенах лечебницы до конца жизни. В результате он увозит её к себе домой и даёт ей имя Каллиста. Тело девушки изувечено и невозможно представить, что творится в её голове. Но и Кол не совсем здоров. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	11
Часть 3	25
Часть 4	34
Часть 5	43
Часть 6	50
Часть 7	62
Часть 8	70
Часть 9	87
Часть 10	104
Часть 11	113
Часть 12	122
Часть 13	137
Часть 14	143
Часть 15	159
Часть 16	177
Часть 17	190
Часть 18	207
Часть 19	230
Часть 20	244
Эпилог	267

Часть 1

О, Англия!

Как ты прекрасна, как ты неповторима, как ты волшебна, как ты таинственна.

О, твои туманы! В них так и хочется утонуть. Как, люблю я твои улочки, твой потёртый кирпич и твой весенний аромат.

Ах, эта поганая война! Сколько бравых ребят она унесла. Ох уж эти немцы! Разгромили, разграбили..., а, сколько жизней забрали!

Ладно, не будем о плохом. Страна поднимается, люди хотят жить и забыть этот кошмар, но не всем удаётся. И, тут я хотел бы вам представить нашего сорванца...:

Кол Майклсон. Хороший парень, как по мне. Красив, умён, богат, добр и одновременно жесток. Что нужно ещё? Это, вопрос конечно интересный...

Ему было примерно лет двадцать семь отроду. Кол вырос в довольно богатой многодетной семье. От куда он родом сложно сказать. Его родители невероятно влиятельные люди и в состоянии обогнуть весь земной шар и заселится на любой клочок суши. Поэтому двери в мир для него были распахнуты широко-широко. Сейчас он остановился в Англии, в тихом местечке в близи речки Девон. Местечко знатное, мечта любого поэта.

Как, я уже говорил, он был красив. Да, у него были каш-

тановые, вечно взъерошенные волосы. Карие, можно сказать ореховые глаза. Спортивное телосложение, в общем, гора мышц, что можно было заметить только, когда Кол лишится части своего гардероба. В его лице были и милые черты деревенского паренька, и мужественные, даже жёсткие черты солдата.

Ох, сколько красавиц он попортил. Любил он женщин, но всего лишь, как объект. Не было трепета и любви, не было нежности в его сердце.

Будь это прекрасная парижанка или страстная итальянка, он "осушал" их. Его друзья смеялись над ним и тихо завидовали, а он лишь говорил: "Они для меня пустышки", "Мне с ними скучно", "Я могу просчитать их ходы наперёд", "Они, могут лишь меня удовлетворять, на большее они не способны", "Они не вызывают у меня никаких чувств". Жёстко, но честно. Он мог заполучить любую, но он не хотел любую. Он хотел – "Свою".

Чем, занимался Кол Майклсон, кроме обольщения бедных девушек?

Он лечил людей. Сейчас, он очень нужен людям, пережившим войну, ведь не все смогли перешагнуть ад. И, в столь нелёгкий час, для них нужен лекарь души и сердца. Психиатр, кем и являлся Кол. Несколько лет назад он выучился на психиатра. Ему нравилась его роль. Он любил возиться с ними, распутывать паутину их разума. Порой можно было сказать, что ему было приятнее общаться с сумасшедшими,

чем с образованными и здравомыслящими людьми.

Он был многолик: вот он взрослый-ребёнок, вот он тиран, вот он нежный и заботливый, и не проследишь за сменой.

Сорванец, герой любовник, мистер " Каменное сердце", уже известный многим психиатр...

Дорогой и любимый всеми Кол Майклсон, найдёшь ты свою погибель в собственном царстве...

POV Кол

Трррр!.. Какого чёрта! Что это за жутко раздражающий звук?! Телефон...

Чертыхаясь, не открывая глаза, я поплёлся в коридор.

– Кол Майклсон. Чем могу помочь? – сонно пробурчал я.

– Здорова, Кол! Как утро, а важнее, как ночка? – из трубки активно звучал голос моего надоедливого коллеги-друга Джереми Гилберта.

– Как обычно. Если, ты звонишь в такую рань, только, чтобы спросить у меня про это, то ждёт тебя на работе неприятный сюрприз! Тебе совсем нечем заняться на дежурстве?!

– Нет, не только по этому, – его голос изменился.

– А, почему? – сколько можно тянуть... говори уже...

– К нам привезли пациентку, ты должен приехать. Я думаю, она тебя заинтересует. Нам ни известно о ней ничего, кроме того, что она была в концлагере. Через несколько часов придут анализы по крови и прочей всячине. Приезжай.

– Через час буду, – я положил трубку на место. Уже, заинтересовала...

Что, это за запах? Вкусно...

Быстрыми шагами я пошёл на кухню, кто-то хозяйничает у меня дома...

– Что ты ещё тут делаешь?

– Доброе утро, Кол! Ох, ты бы оделся, – у стола стояла девушка этой ночи. Дебора, кажется. Я же ей ещё ночью говорил уйти, а она тут. Прилипла, мать её. – Я приготовила нам завтрак. Присаживайся, – а поесть не мешало бы.

– Почему, ты не ушла? – она поставила передо мной тарелку с едой, чашку кофе и бутерброды.

– Ну, я не могла уйти после такой ночи. Да, и поздно было уже. Неприлично, молодой, незамужней девушке слоняться по ночному городу, – неприлично запрыгивать первому встречному в постель, дура.

– Спасибо, за завтрак. Можешь идти.

– Но...

– Мне пора на работу. Приятно, было пообщаться, – наконец-то я выпроводил пиявку из дому. Где вся моя одежда?

Примерно через час, как и договаривались, я вошёл в двери лечебницы и почти сразу встретился с Джереми.

– Так, что за пациентка? – спросил я, по пути к её палате.

– Как, ты сам знаешь, сейчас строго следят за всеми этими концлагерьями, фашистами. Если, получается, то закрывают. Так, вот, буквально день назад прикрыли один такой лагерь, и нашли её там. Они сразу повезли её к нам, видишь

ли, по словам генерала, её содержали не в общих комнатах и норах. Она находилась в каком-то заброшенном здании, в отдельной, ужасной комнате. И, выглядит она очень необычно. На руке нет номера. По результатам она полностью здорова, ей примерно шестнадцать лет. Она всех боится, тело всё в синяках, ранах, некоторые из них немного загноились и очень истощена. Вот, её дверь. Посмотри, – через решётку в двери, я увидел девушку. Она была в какой-то ужасно перепачканной серой ткани, которая играла роль платья. Девушка сидела спиной к двери, в самом углу комнаты, прижав ноги к груди и обняв их, закрывая голову руками. Сложно понять, какая у неё кожа, т.к. вся она была перепачкана грязью и кровью.

– Как её зовут? – не отрывая от неё глаз, спросил я.

– Неизвестно.

– Я возьмусь за неё. Эй, повернись ко мне, – попросил я её. Судя по реакции тела, она поняла меня. Поэтому, она ещё больше вжалась в угол и начала трястись.

– Она ужасно боится. Кол, я думаю, немцы ставили над ней опыты. Если убрать всю грязь и привести её в порядок, то она будет прекрасна. Может, как в той книжке, типа, как сделать идеальную девушку, – начал смеяться Джереми.

– Замолкни. Дай мне ключ.

– Ты собираешься к ней зайти? Это не очень хорошая идея. Не понимаю, как ты к ним так хорошо относишься, – опять он завёл свою песню...

– Они такие же люди, как и мы. Просто они брошенные и напуганные, – я отворил дверь, а она начала рыдать. Да, она первая такая у меня. Я решил снять больничный халат, может, в обычной одежде она будет бояться меня меньше, – закрой за мной дверь, вдруг она подумает убежать.

Медленными, тихими шагами я приближался к ней. А, у неё оказывается кровавые, длинные волосы. Они сейчас грязные и запутанные, ей срочно нужна ванна. Я присел перед ней на колени и положил свою руку на её ладонь. Она затряслась ещё больше и начала громко рыдать.

– Не бойся меня. Я не причиню тебе зла, – она же ещё совсем ребёнок. Я обязан ей помочь. Что бы хоть, как-то её успокоить я начал гладить её по голове. Меня это всегда успокаивало. Через несколько секунд она нерешительно подняла голову. Джереми был прав. У неё были довольно милые черты лица. Необычные глаза, один серо-голубой, а другой зелёно-голубой. Это были, заплаканные, но ясные глаза. Пышные ресницы, красивые кровавые брови. Пухлые губы. Но, под глазами были синяки, скулы впали, губа была рассечена. Они избивали её. Я улыбнулся ей. Она тут же отодвинулась от меня и опять закрылась. Я, молча опять подошёл к ней, наклонился и поцеловал в лоб, – Я спасу тебя. Я не дам тебе упасть ещё ниже.

Молча, я вышел из палаты. Джереми выжидающе смотрел. Я жестом указал на курилку, нужно чуток никотина...

– Что, скажешь? – выпуская облако дыма, спросил надо-

едливый друг.

– Опыты ставили, но не над ней. Скорее всего, над родителями, от туда цвет глаз и волос. Что, сказал главврач о лечении?

– Колоть, как и всех.

– Нельзя. Она просто напугана.

– Но, её реакции. Когда мы ставили необходимые прививки, она укусила меня. А когда закрыли в палате, то она кричала и металась по ней.

– Она с рождения в концлагере, что ты от неё хочешь... Один писатель сказал, что ясные глаза, признак разума. У неё ясный взгляд. Джер, она ребёнок, испуг и психологические травмы можно вылечить и без лекарств. Ей, просто нужны тепло и забота. Думаешь, можно договориться с главным?

– После последнего раза, думаю, он и слушать тебя не станет. Сам, знаешь, он не одобряет твои методики.

– Я просто отношусь к ним по-человечески, а не как к скотине. Я заберу её. Если, позволить её "лечить" ей станет только хуже. Я заберу её... – выбросив, бычок в окно, я пошёл к маразматичку-параноику или, как его называю все – главный врач психиатрической лечебницы Номбери.

Часть 2

POV Кол

Вот она, чёртова дверь в кабинет Адама Номбери, нашего тупого главврача! Ну, была, не была. Вспомнив все правила приличия, я постучал в дверь.

– Войдите! – в кабинете было всё, как обычно. Шкаф во всю стену с книгами, кушетка, стол за которым восседал "Врач". Он был высокий, худой, лысый с мелкими серыми глазами, с большим носом и всегда в очках.

– Что, тебе нужно Майклсон? – Номбери показал на стул напротив себя, чтобы я сел.

– И, вам доброе утро доктор Номбери. Я хотел поговорить с вами о новой пациентке, которую с концлагеря привезли, – его физиономия приняла недовольный, даже оскорблённый вид. Чёрт! Всё-таки придётся просить о помощи Ника.

– Да-да, я помню её. Сумасшедшая. Ты опять хочешь практиковать свою методику? – аррр, глупый баран!

– Она не сумасшедшая! Она просто напугана. В связи с пережитым она получила психологическую травму. Её можно вылечить без лекарств. Она не должна оставаться здесь, обстановка лечебницы ещё больше её напугает. Пожалуйста, позвольте забрать её к себе! Я её вылечу, она будет такой же здравомыслящей, как мы с вами, – несмотря на мои унижения, он стукнул кулаком по столу и встал на ноги.

– Довольно! Я не желаю слушать этот бред, она будет здесь лечиться! Она сумасшедшая и будет проводить своё время с такими же, более того будет получать двойную порцию лекарств! – Нет. Он убьёт её. Кретин! Я встал со стула и пошёл к выходу.

– Я всё равно добыю своего! – напоследок сказал я.

Чёрт, чёрт, чёрт! Всё-таки придётся просить помощи у Ника. Сколько времени? Обед, придётся позвонить попозже. А, пока можно сходить до неё. Надо придумать ей имя.

В коридоре я застал повариху Дорис. Дорис это, очень милая, недавно закончившая школу девушка. Несколько раз мы "дежурили" вместе. Ну, а сейчас ей сделал предложение один паренёк, у него отец здесь. Но, в памяти ещё свежо воспоминанье... Хе-хе...

– Здравствуйте, доктор Майклсон. Как ваши дела? – она мило улыбнулась мне и остановила свою тележку.

– Привет, Дорис. Сколько раз я тебе говорил называть меня по имени и на "ты". Не чужие всё-таки люди, – подмигнул я ей, от чего она засмеялась.

– Хорошо, Кол.

– Ты была уже у девушки с концлагеря?

– Нет ещё. Ты взялся за эту бедняжку?

– Да. Я хочу забрать её к себе. Она, ведь, просто сильно напугана и имеет некоторые психологические травмы, связанные с годами проживания в концлагере.

– Я полностью согласна с тобой. Я тоже не увидела в ней

безумия. Номбери согласился? – это мне и нравится в Дорис, она видит в этих людях тоже, что и я. Может быть у нас бы, что-то и получилось...

– Конечно же, нет! Этого старого маразматика никто не переубедит. И, поэтому я решил позвонить своему старшему брату Никлаусу, ну ты помнишь его, – она кивнула, – У него есть определённое влияние на Номбери, и уже, сегодня она будет у меня дома и в скором времени поправится.

– Желаю удачи, – усмехнулась она. Над чем, чёрт побери, она насмехается. Вспомнил, почему у нас не получилось, у неё ужасный характер.

– Дай мне, её порцию. Я сам отнесу и накормлю её.

– Хорошо. Похоже, ты совсем увлёкся.

– Как всегда, Дорис. Как идёт подготовка к свадьбе? – из вежливости спросил я.

– Голова идёт кругом. Уже совсем ничего не хочется, – подавая поднос сказала она.

– Ну, ничего. Всё наладится, – дружески хлопнув по плечу, сказал я и пошёл к палате э... Нужно придумать ей имя...

Она была на том же месте, где я её и оставил. Я спокойно вошёл в палату, она ни как не отреагировала.

– Детка, пора кушать, – пропел я и сел напротив неё. Никакой реакции. Это начинало меня напрягать.

Отставив поднос с едой в сторону, я пододвинулся к ней в плотную, чтобы услышать её дыхание.

Фух, она всего лишь спит.

Я аккуратно положил её на матрас и укрыл одеялом. Она хрупкая, лёгкая, небольшого роста и... милая.

– Как же мне тебя назвать? – спросил я спящего ребёнка и сел рядом. В голову пришло отличное имя, – Может Каллиста? А, что? Думаю, тебе подойдёт. Каллиста, Калли... – Решено. Тебя будут звать Каллиста. Я провёл пальцами по её гладкой щёчке.

Вдруг, её глаза распахнулись, не успел я что-либо предпринять, как Калли опять вжалась в стенку.

– Не бойся меня. Я не причиню тебе зла, – она исподлобья на меня смотрела. – Я хочу тебе помочь, Каллиста, – у неё округлились глаза, – Теперь тебя зовут Каллиста или Калли. Тебе нравится? Я думаю, тебе подходит это имя. Я принёс тебе еду. Позволь мне накормить тебя, – как можно ласковее говорил я. Она не отрывала от меня своих глаз. Я положил поднос себе на колени и похлопал по полу напротив себя, чтобы она села. Калли медленно, как кошка перебралась на указанное место. Отлично! Она начинает мне доверять.

Она пристально смотрела мне в глаза. Она боялась меня, но чувство голода или что-то ещё двигала её ко мне.

Взяв в одну руку тарелку с кашей, а в другую ложку я начал кормить её.

– Я хочу забрать тебя к себе, – между делом сказал я. На, что она немного отстранилась и посмотрела на меня непонятным взглядом, толи дерзость толи что... – Ешь, ешь. Я же говорил тебе, я не причиню тебе зла. И, ты понимаешь,

что я тебе говорю. Тебе нельзя здесь оставаться, это тот же концлагерь для тебя, только условия лучше и физически с тобой ничего делать не будут. Тебе понравится у меня дома. Я помогу тебе адаптироваться, научу читать и писать и другим вещам. Говорить, я думаю, ты умеешь... Ведь так? Я буду тебе, как отец или, как старший брат...

Она опустила глаза, похоже, что-то вспомнила. Я протянул ей кружку с чаем, Калли положила свои худые, грязные руки на мои и подтянула кружку ко рту. Через несколько минут она оторвалась от кружки и опять ушла в угол палаты. Жаль, что у меня дома нету круглой комнаты..

– Спасибо... – уже в дверях услышал я её мелодичный, хотя и хрипловатый голос. Торжественная улыбка повисла у меня на лице, я оказался прав.. как обычно...

– Скорее всего, сегодня, ты уже будешь у меня дома... – не оборачиваясь, напоследок сказал я.

Через несколько минут я уже сидел в собственном кабинете и набирал номер Ника.

Чёртов, Ник, не берёт трубку!

Третья сигарета пошла в ход. Где, чёртова зажигалка! Перетряся, все ящички я наконец-то её нашёл и только-только я начал закуривать, как услышал голос старшего брата.

– Никлаус Майклсон.

– Здравствуй, Ник. Это Кол, мне нужна твоя помощь, – сделав пару затяжек, произнёс я.

– Чей-то разгневанный папаша опять "шьёт" на тебя де-

ло? – Он теперь всю мою жизнь будет вспоминать тот случай, ну смейся, смейся...

– Нет, это касается придурка Номбери. К нам поступила девушка с концлагеря. Она просто сильно напугана, ей нужна реабилитация, но он этого не понимает и собирается пичкать её таблетками. Этот старый хрыч погубит её. Позвони ему, убеди или прикажи, чтобы он разрешил мне забрать её.

– Девушка, разумеется, очень красива и мила. И, ты не смог удержаться? – Ах ты, наглая морда! Успокойся, Кол.

– Тут другое. Я просто хочу ей помочь. Она чуть ли мне в дочери не годится. У меня даже в мыслях не было спать с ней.

– Ладно, не оправдывайся, – и не собирался. Чёрт, сигареты кончились – Через час можешь забирать свою "доченьку", – сукин сын... вот нужна будет тебе моя помощь я ох, как пошучу...

– Спасибо, Ник.

Так, нужно сходить в аптеку и взять всяких бинтиков и прочей фигни. Что-то нужно из одежды... Похоже, придётся ехать в торговый центр...

Обратно в клинику я вернулся уже на закате.

На крыльце стоял Джереми. Он быстрыми шагами подошёл к машине. К добру ли это?

– У тебя всё-таки получилось сукин ты сын! – на всю улицу заорал Джереми, затем улица залилась хохотом.

– Получилось, получилось, – закрывая машину и всё ещё

смеясь, сказал я.

– Но, как? – в коридоре спросил он.

– Знаешь, хорошо быть Майклсоном. Где она?

– Пока в палате. Номбери злой, как собака. Грозится тебя уволить.

– Я уже думал об этом. Поможешь мне "погрузить" Калли? – Джереми удивлённо поднял брови.

– Калли? – я состроил невинную рожицу.

– Ну, ей же нужно имя, – оправдывался я у её палаты, – Я войду один.

Она лежала на матрасе, завернувшись в одеяло. Я тихо подошёл и наклонился над ней.

– Калли, пора уезжать, – промурлыкал я ей на ушко. Она вздрогнула и, наверное, даже задержала дыхание, – Не бойся. Вставай, Каллиста, – она не реагирует, – Я знаю, ты не спишь. Ну, хорошо. Я сам тебя отнесу.

Я резко подхватил её на руки и сразу прижал к себе. На обеде всё же было хорошо. Калли хотела закричать, но я жёстко заткнул ей рот ладонью. Наши лица были напротив и в крайне близком расстоянии. Была бы на её месте другая девушка я бы её уже трахнул за этот взгляд. О, чём я думаю...

– Я не причиню тебе боли. Верь мне, – прошептал я. Она так на меня смотрела, как забитый щенок. Какая она хрупкая, комочек страха и боли. Я закутал её в одеяло, чтобы никто её не видел.

– Пошли, – пробурчал я Джереми на выходе из палате.

Калли спокойно лежала на моих руках. Я чувствовал её дыхание на своём плече. На крыльце я бросил Джереми ключи, чтобы он открыл машину и переложил покупки с заднего сидения на переднее.

– Всё готово.

– Спасибо, Джереми.

– Езжай, давай, а то ты очень подозрительно смотришься с ней на руках. Она в порядке?

– Да, – нет. Нужно ехать, а то под одеялом ей душно.– Пока, Джер. Увидимся.

Я положил её на заднее сидение.

– Ложись, как тебе удобно, Каллиста, – она и не двинулась. Я сел за руль и на всякий случай заблокировал двери и окна.

Мы были уже на полпути к дому, как она села и вылезла из-под одеяла. Всю оставшуюся дорогу она смотрела в окно. Как же хочется курить. Управляя одной рукой, а другой, рыская в пакетах, я нашёл пачку сигарет. Вернувшись в исходную позицию, я увидел в зеркало заднего вида Калли изучающую меня, когда она увидела, что я её заметил, она быстро опустила глаза вниз и вжалась в сидение.

– Ты боишься меня? – выпуская клубы дыма, прошептал я. Она кивнула головой, – Если, тебе что-то обо мне сказали плохое, то не верь им. Это они зло, я, лишь хочу помочь, – Калли опять кивнула, не поднимая головы, прижала свои но-

ги к груди.

Примерно через час мы приехали домой.

– На своих двоих до дома дойдёшь, не убежишь? – Она затрясла головой в знак отрицания. Я разблокировал двери, сгрёб все покупки с переднего сидения, открыл её дверцу, загрузился по-полной покупками с багажника, а она так и не вылезла из машины. Фух.... спокойно Кол, это пустяк, не срывайся на неё. – Каллиста, я сегодня "немного" устал и я буду тебе очень благодарен, если ты сама войдёшь в дом, – она нерешительно вышла из машины. Калли встала напротив меня, опустив голову вниз и рассматривая собственные пальцы. Хорошая фигура, но нужно хорошо кушать. Чёрт, о чём я... – Иди вперёд к двери, я за тобой.

Она шла, неуклюжа, немного качаясь. Ей неловко в моей компании. Я её понимаю, мы впервые увиделись утром, а сейчас вечер и она уже у меня дома. Она встала сбоку от двери и всё разглядывала собственные грязные руки. Чёрт, руки заняты.

– Калли, не могла бы ты достать ключи из моих брюк и открыть дверь, руки заняты, – она не поднимая головы, подошла ко мне и дрожащими руками взяла ключ. Калли подошла к двери и не знала, куда ключ девать. Я решил, молча понаблюдать, что она предпримет. Через минуты две она вставила ключ в скважину, повернула и раскрыла дверь.

– Молодец. Проходи, знакомься с новым домом, – она

нерешительно прошла в коридор. Даа, у меня всё-таки уютно и красиво. Совсем не похоже на холостяцкую берлогу, ну так имея столько баб... – Смелее, я пока разложу покупки.

Буквально за минут десять-пятнадцать я всё разложил, приготовил ванную для Калли и переоделся в домашнее.

– Каллиста, – звал я, выходя из ванной в коридор. Нашёл Калли я в гостиной, она рассматривала книги, – Калли, – машинально повторил я, она быстро захлопнула книгу и отстранилась к стенке, опустив голову и опять рассматривая свои руки. Я подошёл к ней и опустился на колени, такой психологический приём.

– Почему, ты боишься меня? – я положил свои руки на её. Она отдернула их и повернулась ко мне спиной, – Поговори со мной. Я должен знать, как тебе помочь.

– Я была одна среди мужчин. Меня защищал, только Святой Отец. А когда его не было, то они приставали ко мне... Я забивалась в углы, но они всё равно меня касались..., – и она опять замолчала. Малышка...

– Бедняжка, я ничего подобного не собираюсь с тобой делать. Не бойся меня и моей заботы. Я хочу тебе помочь. Пойдём в ванну, тебя нужно помыть и обработать раны. Пойдём со мной. – Она послушна, поплелась в ванну.

Мы вошли в ванну, я закрыл на всякий случай дверь.

– Раздевайся, – она подняла на меня свои щенячьи глазки, – Не бойся. Я всего лишь тебя помою и обработаю все ра-

ны. Ты ведь не знакома со всеми этими процедурами? – она потрясла головой и скинула с себя тряпку. – Садись в ванную, – Калли послушно начала садиться, но вода для неё оказалась горячей, я добавил немного холодной и она помаленьку села. Она начала немного вздрагивать и шипеть. – Щиплет? – она кивнула головой и виновато посмотрела на меня. – Ничего страшного, потерпи немного, – она опять кивнула. Я сел на рядом стоящий стул и взял кувшин с тёплой водой. – Запрокинь голову и закрой глаза, – она сделала всё, как я сказал. Я намочил её волосы и начал щедро лить шампунь. У неё красивые и очень длинные волосы. Я начал массировать ей голову и заодно проверять на наличие травм. Всё в порядке. Я помыл ей голову, на три раза, чтобы наверняка. Вытер голову и замотал её в мягкое полотенце. – Можешь открыть глаза, – она открыла их и сразу стала ощупывать голову. – Это полотенце, оно впитает воду с волос. Сядь так, чтобы не намочить голову. А, лучше встань и придерживай полотенце руками, – она сделала всё, как я сказал. Намылив мочалку, я начал её мыть.

Начал с шеи: чистая, тонкая. Руки: худые, тонкие, кое-где синяки, на предплечье след от пореза, костяшки рук разбиты в кровь и был виден гной, пробитые вены от откачивания крови для фашистам. Грудь: на ключице и под рёбрами порез, бока в синяках. Спина практически вся в ссадинах и синяках. Ноги тоже во множественных синяках и порезах. Когда я закончил свою работу, я протянул ей полотенце и

заметил, что она вся покраснела. Хах... интересно...

Я закутал её в полотенце, взял на руки и понёс в её новую спальню. Она удивлённо на меня посмотрела...

– Нужно обработать и замотать твои раны, – она опять кивнула и опустила голову.

Я принёс её в комнату и посадил на кровать, на столе уже лежало всё что нужно.

– Начнём с ног, – она ели улыбнулась и кивнула. Раны на ногах были не такие глубокие, но всё равно она чуть ли не заехала пяткой мне в челюсть. Дальше пошли руки, сложнее всего было с костяшками. Дошло до слёз и визга, но я, же сильнее.

– Калли, надо обработать вторую ладонь, – упрасивал я её, она забилась в угол и не давала мне вторую руку, – Я знаю, как это больно, но нужно обработать, чтобы рука не загнила и тебе её не отрезали. – Грубо высказался я, она заревела. Я перешёл к ней на пол и обнял её, она всё придерживала свою обработанную кисть и плакала. Калли была не против, что я её обнял и поглаживаю по голове, неужели и в правду так больно, – Прости, но я должен, – прошептав, я заломил ей вторую руку, придавил её своим телом так, что она не могла пошевелиться и начал обрабатывать вторую кисть. Она кричала, пыталась биться, но нет. Я всё сделал быстро – обработал, вычистил, замотал. А, потом мы довольно долго просидели на полу. Я сидел на полу, прижав её нервно вздрагивающие тело к себе, она сидела на одном моём колене и при-

жимала свои ладони к груди. Полотенце слетело с головы, я весь был облеплен влажной сетью волос. Чтобы она успокоилась, я поглаживал её одной рукой по плечу и поцеловал в чистый лобик. Сначала она рыдала, постепенно она стала успокаиваться.

– Калли, мне ещё тебе тело нужно обработать и, наверное, распухшую губу. Такой боли больше не будет, обещаю, – она опять молча, кивнула. Дальше и в самом деле всё прошло по сравнению с руками гладко. Губу я не стал обрабатывать, должна и так зажить. Из шкафа я достал плавки, пижаму и халат.

– Вот, одевай. В этом ты будешь спать. В халате обязательно, так если что. Давай я тебе расчешу? – она кивнула и молча села на кровать.

Я очень долго расчёсывал её волосы, какие же они длинные и спутанные, но зато какие потом стали мягкие и волнистые.

– Ты хочешь, есть? – она затрясла головой. – А, пить? – она кивнула, – я принесу тебе соку.

Я поставил на тумбочку банку с соком и стакан.

– Захочешь пить, пей. Если, хочешь, есть, скажи. Ванная с туалетом ты знаешь где. Ну, в общем, это твоя спальня, можно сказать твой дом. На сегодня всё, хочешь, осмотрись, хочешь спать ложись. Сегодня я буду спать на матрасе у твоей кровати, вдруг ты убежишь. Хорошо? – она кивнула – Так, что ты хочешь чем-нибудь заняться?

– Я спать.

– Спокойной ночи, Калли. Скоро приду, – надо бы перекусить, курнуть да спать.

Набив желудок, я пошёл на балкон и выкурил две сигареты. Что она пережила... Как она жила... И, она всё ровно осталась человеком. Всё-таки она сильная, хоть и такая хрупкая... Насыщенный сегодня денёк был... Хах...

Ну, ладно последнюю сигаретку и спать...

Часть 3

Он шёл по лесу. Кругом деревья с красной листвой, трава насыщенно зелёного цвета с каким-то голубым отливом, небо голубое с серыми тучками, меж деревьев и откуда-то с дали плывёт туман. Лес красив и таинственен. Он хочет познать его. От куда-то слышатся женский голос и "бьёт" холод в спину. Он идёт в туман с какой-то дикой жадной узнать, что за ним.

Внезапно поднимается ветер и срывает с Леса маску. Деревья теперь голые, худые, на ветках повязаны окровавленные бинты. Вся листва теперь на земле, будто кровь это. Теперь лес был обнажён перед ним, он поражал своей наготой. Что-то надвигалось на него, он уходил в туман и пришёл... Перед ним была река, он услышал своё имя, но поблизости никого не было. Голос волнительно повторял его имя, звук исходил от реки, точнее от самой воды. Он наклонился и опустил голову в воду, свист оглушил его и он... проснулся...

Он быстро подскочил на ноги со своей подстилки. Шум в доме сбил его с толку, и он не сразу понял, что происходит. Свистит кипящий чайник, с гостиной слышатся какие-то крики, в доме прохладно, все окна распахнуты настежь, кровать Каллисты пуста.

– Какого хрена? – вслух выругался Кол. И, тут до него до-

шло, это голос Каллисты доносится с гостиной. Он бегом побежал туда и увидел интересную картину: его сестра Ребекка вертелась вокруг дивана, пиная его, размахивая кулаками и гневно ругаясь на Калли, которая, как зверёк забилась в углу за диваном, закрыв голову руками, рыдая и крича на весь дом.

– Ребекка, твою мать! Какого, хрена ты творишь!?

– Убиваю это шлюху!

– Отойди от неё, – спокойно произнёс Кол, но сестра так его и не услышала, тогда он подошёл к ней, немного отстранил от дивана, но она его не послушала. – Я, сказал, отстань от неё! – закричал Кол и оттолкнул Ребекку, но не рассчитал сил, она упала и больно ударилась о кресло. Он наклонился и отодвинул диван, чтобы взять Каллисту, но она не давалась ему.

POV Кол

Какого хрена, тут творится! С утра по рани и такая хреновень!

– Каллиста, это я – Кол. Пожалуйста, дай мне тебя защитить, – но, она наоборот вжалась ещё сильнее в угол и зарыдала с новой силой. Я протянул руку и одним рывком вытянул её наружу. Вдруг, она стала колотить меня, да ещё и Ребекка налетела на неё, – Ребекка твою мать, уйди!

Я опять отталкиваю ее, и она отлетает в противоположный угол гостиной к камину и падает на пол. Каллиста, тоже сошла с ума и пытается убежать от меня. Я заламываю

ей руки за спину, прижимаю спиной к своей груди, другой рукой сгибаю её ноги в коленях и прижимаю её ноги к её же животу. Её раны кровоточат, пора менять повязки... Чёртово утро!

– Я отнесу её в комнату, и мы с тобой поговорим! – пригрозил я Беке, на что она своеобразно с жестикулировала.

Сегодня, за столь ужасное, необъяснимое поведение, Калли придётся пожить в специальной комнате. Это бывший погреб, внутри всё обшито матрасами, даже железная дверь с внутренней стороны обита подушками. Комната выглядела, даже милой и уютной, ведь в ней нельзя было причинить себе боль.

– И, с тобой я тоже поговорю... после... – предупредил я Калли и оставил в этой "мягкой" комнате. Как, только я закрыл дверь, с обратной стороны что-то ударилось об неё и упало на мягкое. К моему огромному сожалению, это была Калли. Что с ними? Почему, они себя так ведут?!

Беку я нашёл на кухне, она уже налила чаю и нарезала бутербродов.

– Что за драки Бека? – садясь за стол, спросил я.

– Это ты, мне лучше скажи, что это за очередная шлюха? – отхлебнув чая, вопросом на вопрос ответила Ребекка.

– Она не шлюха, Бекс, – усмехнувшись, ответил я. Ребекка, отставила чай и облокотилась о спинку стула, и внимательно стала меня слушать. – Она моя пациентка. Её привезли с концлагеря, они думали, что сумасшедшая, но они оши-

бались. Она с рождения в концлагере и поэтому у неё специфическое поведение. Она очень напугана, но она разумна. Я вчера её привёз, обработал раны, накормил, спать уложил. Всё было нормально, мы даже немного говорили. Я хочу ей помочь. Почему, ты на неё напала? – Бека опустила глаза, потом подняла на меня свой уже обеспокоенный взгляд.

– Она хотела убить тебя, – почти шёпотом произнесла она.

– Ты... ты уверена? – я не верю... Она не могла? Зачем ей это?

– Она сидела у твоего матраса на коленях с растрёпанными кровавыми волосами, держа в обеих руках нож над твоей спиной. Сначала, я не поняла, что у неё в руках из-за висящих бинтов. Эта картина навсегда, застрянет в моей памяти, – сердцебиение молотом отзывалось в ушах.. Я не могу в это поверить...

Конец POV Кол

Слова Ребекки засели в его голове. Он нахмурил брови, опёрся руками о стол, опустил голову. "Почему, она так сонной?" – повторял он этот вопрос раз за разом. Ребекка, положила свои ладони на руки Кола.

– Я боюсь представить, чтобы было с тобой, если бы я не пришла. Кол, люди не всегда поступают так, как мы хотим. На этот раз ты не сможешь помочь. – Кол, поднял на неё свой суровый взгляд. Секунда и на место милого, доброго Кола, встал жестокий, черствый Кол Майклсон. Ребекка хочет по-

мочь ему, но люди не всегда поступают так, как мы хотим.

– Зачем, ты пришла? – закурив сигарету, спросил обманчиво спокойный Кол.

– Все наши завтра соберутся в поместье Хентрикс. В двенадцать дня, соизволь приехать. Мы давно не собирались, так что вот так вот... Думаю мне пора идти... – Ребекка хорошо знает своего брата и поэтому сразу увидела перемену. Она знала, что сейчас лучше оставить их одних. Почему-то, она всегда была уверена, что Кол сам способен принимать верные решения и справляться с собственными демонами.

Ребекка быстро ушла из этого дома. Кол, выкуривая одну за другой сигарету, принялся готовить покушать Каллисте. Всё это время, она не выходила у него из головы. Он раз за разом прокручивал в голове все моменты с ней, от первой встречи, до ночи. Ничего такого не было, он не мог понять, что же случилось.

Всё было готово. Он аккуратно составил на поднос отбивную с пюре, чай, булочки. Захватил аптечку. Закурив сигарету и выпив для самообладания бокал коньяка, он отправился в "мягкую" комнату.

Каллиста лежала в позе зародыша в углу. Он тихо зашёл в комнату.

– Вставай! – приказал он ей, как не старался он сдержаться себя, ему это не удалось. Она быстро и робко поднялась и подошла к нему. – Снимай пижаму, – всё ещё в приказном тоне говорил он. Каллиста сняла хлопковую пижаму, цвета

песка. Абсолютно все раны на её теле кровоточили. Кол спокойно стал снимать бинты, не обращая внимания на болезненные вскрики Каллисты. Каждую рану он заливал перекисью, сильно промачивал и опять заматывал бинтами. Сильнее всего присох бинт к костяшкам рук, пришлось отрывать вместе с кожей. Кол, жёстко оторвал бинт от костяшек, от чего тонкая струйка крови полилась по ладони. Каллиста изо всех сил пыталась стоять спокойно, она лишь тихо плакала, зажмурив глаза. Колу не было её жаль, ему даже было приятно причинять эту необходимую боль.

– Ешь, – закончив свою работу, опять приказал Кол. Она смиренно села напротив подноса, Калли попыталась взять в руки ложку, но кисти ужасно болели, после обработки. Он видел это и лишь усмехнулся, её беспомощности. Она очень хорошо слышала его смешок и, не вставая, отодвинулась в угол. Он сверху вниз смотрел на неё, не моргая, злоба закипела в нём. Она не смотрела на него, она боялась и лишь по ногам следила за его передвижением.

Кол подошёл к ней и тихо с язвительностью спросил:

– Больно? – она промолчала и ещё больше вжалась в стену. – Больно? – громче спросил он, она молчит. – Больно?! – заорал на неё разгневанный Кол, на что она выпалила со слезами своё "Да". Он встал и заходил из стороны в сторону.

– Хорошо, как думаешь, нож в спину больше этого?! – её нервно затрясло от его слов. Он несколько минут постоял, пристально смотря на неё. – Опять молчишь... – Кол опу-

стил голову и сел напротив неё.

– Почему? Зачем? Я ведь желал тебе только добра. Я ведь хотел сделать из тебя нормального для общества человека. Я понимаю, что ты многое пережила. Я просто хочу тебе помочь. Я ничего от тебя не требую. Я хотел стать тебе отцом, наставником, старшим братом. Не ищи в моих поступках корысти и не сравнивай меня с другими людьми, – с каждым словом его тон от тихого и спокойного становился всё громче и жестче. Он говорил искренне, оголил перед ней душу, а она всё молчала. Она, кажется, даже не дышала под его натиском.

Кол всматривался в её лицо закрытое прядью волос. Кол смотрел, и смотрел... он ожидал ответа, но с каждой секундой ожидания, его взгляд становился всё холоднее, а желваки так и ходили.

– Почему ты молчишь?! – подскочив с места, заорал Кол. Как же ему хотелось, услышат её голос, её ответ. Любой, но чтобы он был. Нет, ничего хуже неизвестности. Обезумев злобою, он подскочил и поднял её за плечи, так чтобы их глаза были на одном уровне. – Ответь мне! – Закричал, Кол. Она опустила голову и не проронила ни словечка. Он ушёл в своё безумие с головой. Ещё крепче схватив Калли за плечи, он начал её сильно трясти, повторяя свою последнюю фразу. В этой бешеной тряски она выглядела, как тряпичная кукла. В какой-то момент Каллиста подняла свою голову, и Кол что-то там увидел и... впился в её опухшие, рассечённые гу-

бы. Он познал вкус её губ и сошёл с ума. Это вкус пьянил, не отпускал.

Через несколько минут он своими сильными руками прижимал её израненное тело к своему и вкушал... и вкушал вкус её губ. Безумие отходило в свою тесную комнатку. И, вот до него доходит, что он творит. Он целует ребёнка. Он возбуждён и желает трахнуть этого ребёнка. В ужасе от собственных желаний и мыслей он распахивает глаза и отбрасывает Каллисту на матрасы.

Несколько минут они оба не шевелились и всё смотрели в пол, восстанавливая дыхание и разум. Он быстро посмотрел на Каллисту, она сидела на том же месте, обняв свои колени. Он быстро развернулся и пошёл к выходу.

– Это ничего не меняет. Прости за эту вольность. Ешь, пока еда горячая, – спокойно сказал он у двери и, обдумывая своё поведение, ушёл прочь. Каллиста смотрела вслед уходящего человека и не могла понять, что случилось. С ней такое впервые.

Почему же она хотела его убить? Она действительно боялась. В её голове выстроилась определённая теория, что за каждым теплом идёт боль. Когда, она была в концлагере, эта теория всегда подтверждалась. За данную одежду, чтобы она в зимние вечера не замёрзла, в неё летела заточка из сворованной ложки от какого-нибудь похотливого мужлана. За еду, шла игла в вену, чтобы взять кровь для раненных фашистских солдат...

– Почему, я это сделал? Какого хрена?! – закуривая сигарету на балконе, разговаривал сам с собой Кол. Он не мог найти ответа на этот вопрос, что случилось с ним крайне редко. Он просто это сделал? Просто так? Нееет. Выпуская клубы дыма, он прикоснулся к губам, вспомнив этот поцелуй, когда он отвёл ладонь, то увидел на пальцах кровь. Вот, что его так опьянило. Её кровь.

Он выкинул недокуренную сигарету и быстрыми шагами пошёл смывать с себя кровь. В ванной он тщательно вымыл руки и умыл лицо холодной водой. По привычке он посмотрел в зеркало. И, с горечью всё осознал. Он, произнёс вердикт :

– Из-за этого она хотела убить меня, она увидела всё наперёд. Я не смогу ей помочь...

Комментарий к

С этой части повествование будет вестись от третьего лица, иногда от первого или второго.

Часть 4

Ночь была душной, напряжённой, стояла гробовая тишина. Все двери и окна были закрыты на затворы. Плотные, однотонные шторы не дают пробиться сияющему лунному свету. Ни кто не спал, но причины были разные. Каллиста не могла уснуть из-за боли, а Кол из-за собственных мыслей.

Утро было таким же. Кол принял своё решение. Он встал со своей кровати без сил, позвонил в клинику. Там он получил положительный ответ на свою просьбу. Он выкурил последние сигареты и молча, в тишине приготовил завтрак.

Он тихо зашёл в "мягкую" комнату, она лежала в углу, свернувшись клубочком. Каллиста затаив дыхание ждала, что он сделает. А, он, молча сел напротив неё...

– Сядь, – металл пробивался в его голосе. Она неуклюжа, падая, кое-как села. Он видел эти ужасные последствия вчерашнего гнева. – Прости меня. Ешь.

– Я...я не могу...– со слезами на глазах сказала она. Кол, молча начал её кормить. Он не смотрел на неё, его взгляд был устремлён к тарелке. Её же взгляд был устремлён на тело Кола, облачённое в белую футболку и серое трико.

– Сейчас ты примешь ванную, я помою тебя. Потом я соберу тебя, и мы поедем в клинику, она станет твоим домом, – монотонно сказал Кол, не поднимая взгляда. Каллиста обеспокоенно подняла голову и потерянно стала смотреть на Ко-

ла, её глаза "бегали" по его силуэту.

– Я не хочу уезжать...

– Это не тебе решать, – произнёс Кол вставая. – Я не смогу тебе помочь и лишь, поэтому ты переезжаешь. Пошли в ванну, – не оборачиваясь, со стойким металлом в голосе сказал Кол.

POV Каллиста

Горячая вода будто забирала мою боль. Когда я легла в ванну, сначала мне было очень больно, но потом, когда вода стала бледно розовой, мне стало легче. Там где я была раньше, вода была ледяная, она будто обжигала, тело ужасно болело. Там никто меня не мыл, никто не кормил, никто так не заботился. Только Святой Отец, он всегда был добр.

Мой спаситель зашёл в ванну с какими-то вещами, зачем они ему?

– Встань, – он всё ещё злится и не смотрит мне в глаза. Я встала, а он сел на стул стоящий рядом с ванной. Мне было неприятно так стоять, потому что его голова была на уровне моих ног, но он похоже не испытывал стеснения. – Я начну снимать бинты, если будет больно, скажи, можешь держаться за мою спину, – я кивнула. Он начал с ног, он практически не касается меня руками. Его пальцы ловко снимают повязки, сегодня нет боли.

Это всё странно, почему он делает это всё...

Неужели он не такой, как все? Он такой же, как Святой

Отец? Неужели хорошие, добрые, бескорыстные люди существуют? Святой Отец говорил мне о людях за пределами лагеря, я не верила ему, потому что в моей голове не укладывалась мысль, что существует мирная жизнь за пределами лагеря. Для меня мир являлся лагерем, ведь я до недавнего времени не знала другой жизни. Почти с самого моего рождения меня воспитывал Святой Отец, он рассказывал мне разные истории, обучал, чему мог. Он был хорошо образован, я ему безмерно благодарна, если бы не он, то я не знаю, кем бы была...

Пока я витала в своих мыслях, он уже убрал все бинты с ног и осмотрел раны под ними. Теперь он снимал бинты с живота, они всё равно тяжело снимались и он приблизился к моему животу, наверное, чтобы безболезненно снять их.

Его дыхание. Оно... от него моё тело покрылось мурашками. Мне очень стыдно и не комфортно, я чуть ли сквозь землю не провалилась в этот момент.

Конец POV Каллиста

Идеальнее тела он не видел, а ведь через его кровать прошло не мало женщин, и все они были хороши собой. Её кожа, несмотря на все уруны, была идеальной. Такая нежная, бархатистая, как у младенца, кожа цвета фарфора. Её божественная фигура, уже большую, но не до конца сформированную грудь. Он пугался собственных мыслей о ней, как о женщине и старался отвлечься.

Она же рассматривала ванную комнату, рифления на каменной кладке потолка и пола, золотые краны, форму ванны и раковины. Она рассматривала каждую мелочь, но её взгляд застыл на огромном старинном зеркале во весь рост. Она впервые увидела своё отражение. Подумать только, она и не знала, насколько красивы её кровавые волосы, её фигура, и какая хрупкая она на самом деле. Но, первым она заметила, то, что она отличается от других.

– Почему я такая? – спросила она у Кола.

– Что ты имеешь в виду? – сразу не сообразив, о чём она спросил Кол.

– Мои глаза и волосы, они не такие как у всех. Почему? – он тяжело вздохнул, ведь он не знал, как ей это более доступно объяснить.

– Я не знаю, как тебе объяснить. В общем, над твоими родителями ставили опыты, и это отразилось на то, какой ты родишься. Понимаешь? – она, молча, кивнула. – Но, это не точно. Может фашисты специально хотели получить тебя такой, может так получилось случайно. Об этом знали только они, никаких документов о тебе не нашлось, к большому сожалению.

Она опустила голову и замолчала.

Через минут десять Кол принёс Каллисту в спальню, завёрнутую в большое полотенце. Она не хотела уезжать, но не как не могла на него повлиять, ей оставалось только сесть и ничего не делать.

Он принёс платье, нижнее бельё, бинты, прочие вещи и положил на кровать.

– Туда куда я тебя повезу, нужно появиться в отличном виде, так что придётся одеть всё это и замаскировать твои волосы, глаза, ссадины и синяки. Встань твои раны нужно забинтовать, – она легла на кровать и смотрела ему в глаза, ей вдруг стало безразлично, что полотенце распахнулось и теперь она обнажённая и мокрая лежит перед ним. – Я так понимаю это протест. Этим ты ничего не изменишь, я могу всё сделать и без твоей помощи.

На этот раз он начал с рук. Его злило то, что она сопротивляется ему, знала бы она как ему сейчас эмоционально тяжело. Часть его хочет оставить её, начать реабилитацию, а другая говорит нужно отдать Кетсии, она ей поможет. Как говориться, рождённый ползать, летать не может.

Он тоненько забинтовал раны, чертыхаясь, потому что делать это ему было крайне неудобно, из-за бойкота Каллисты. Закурив сигарету, он посадил Калли к себе на колени. Быстрыми, ловкими движениями надел нижнее бельё, пепел с сигареты чуть ли не упал на нежную кожу Калли. Матерясь, он посадил её на кровать, но она снова легла.

Настала очередь чулок, раньше он обожал надевать их на женщин. Но, после Калли, он, скорее всего, спокойно смотреть на них не сможет, без нервного тика. Ведь, когда он начинал одевать их, она в свою очередь начинала трясти ногами, и они слетали, но он всё равно победил.

Дальше всё одевалось так же, Кол матерился, на чём свет стоял, а Калли сопротивлялась. Но, Кол все, же победил. Когда он занялся волосами, ему казалось им конца, края нет.

С горем пополам он прибрал её волосы в какой-то незамысловатый пучок, но выглядел он хорошо. Теперь он взялся за косметику, он имел в этом деле опят, ведь столько раз он замазывал синяки перед работой. На израненные руки он надел тоненькие перчатки, а на голову посадил на шпильки маленькую шляпку с вуалью, чтобы замаскировать цвет волос и глаз.

Каллиста была готова. Она лежала на кровати и смотрела в потолок, а Кол, облокотившись о комод с фужером коньяка и уже одевшись в брюки и рубашку, просто смотрел на неё. Допив и поставив фужер на комод, Кол подошёл к кровати.

– Давай по – человечески Калли. Твой так называемый бойкот ни как не повлияет, пустая трата времени. Я не изменю своего решения, – и никакой реакции в ответ. Он, молча, взял её на руки и пошёл на выход, по пути он взял вещи, которые купил для Калли. Она уже не сопротивлялась.

Он посадил её на заднее сидение. Они ехали, молча, она расслаблено сидела, смотря в окно, сквозь чёрную вуаль, а он включил радио погромче и смотрел только вперёд. Около маленького магазинчика он остановился, чтобы купить сигарет, на выходе из магазина он сразу закурил. Нервы ведь ни к чёрту.

Они ехали долго, проехали луг и озеро. Калли впервые

увидела такую красоту, Кол возможно бы и остановил машину, чтобы она насладилась этой красотой, но время поджимало. Они ехали три часа.

Около большого белого здания он остановился. Калли не понравилось это место с первого взгляда, холодок по телу даже пошёл.

– Сейчас я выйду из машины и открою твою дверь. Ты сама выйдешь и сама пойдёшь, но можешь опереться об меня, – она, молча, кивнула, деваться ей, же некуда.

Они зашли в клинику, выглядели они как супружеская пара. Калли опиралась о руку Кола и немного, ели заметно телом. Он красивый, молодой и она восхитительная, цепляющая взгляды. В холе, какой-то мужчина в больничном халате проводил взглядом Калли, Кола это немного взволновало.

– Сейчас мы зайдём в кабинет, ты сядешь на стул рядом со мной. Там будет женщина, не откликайся ей и смотри в пол, – подходя к кабинету, сказал Кол, она опять молча, кивнула.

Они зашли. Кабинет был маленьким, уютненьким. За столом сидела молодая, чернокожая женщина. Она училась вместе с Колом, и взгляды были у них схожи.

– Здравствуйте Кол. Я так понимаю это Каллиста?

– Она самая. Всё готово? – садясь, проговорил весело Кол.

– Да, только нужно кое – что уточнить, – она достала тоненькую папку и открыла её. – Как мне её записать? Имени мало.

– Запиши её на мою фамилию, – Кол уже думал над этим.

– Тогда тебе нужно усыновить её, больше никак.

– Хорошо, я сделаю документы и привезу их на этой неделе. Хорошо? – немного подумав, проговорил он.

– Вполне. Значит – Каллиста Майклсон. Опекун – Кол Майклсон. Дата рождения?

– Калли примерно шестнадцать лет, а день и месяц напиши день весеннего солнцестояния.

– Хорошо – усмехнувшись, сказала Кетси, – Тогда свидетельство о рождении тоже сделай, – Кол кивнул. – И, ещё. Калли сними шляпку, – так как и говорил Кол, не послушалась. – Кол я хочу увидеть.

– Хорошо, – Кол аккуратно снял шляпку. Кетси удивлённо уставилась на неё.

– Боже мой! Она невероятна! И, не жалко такую красоту от себя отрывать? – язвительно спросила она.

– Нет другого выбора, – сухо ответил он.

– Ну, что ж пошлите в палату.

Кетси была весёлой и радушной, Калли не боялась её и даже подумала, что здесь тоже может быть хорошо.

– Кто тот мужчина? – спросил Кол у Кетси, находясь около палаты Калли. Он указывал на мужчину стоящего в холе, который "пожирал" взглядом Калли.

– Это мой муж Сайлас.

– Он нормальный?

– Вполне, – с улыбкой на лице произнесла Кетси.

– Я принесу вещи Калли.

– Не нужно. Мы всё предоставим, – остановила его Кетси, – Что ж Кол, тебе пора идти.

– Точно. Прощай Калли, – она обернулась к нему лицом. В этот момент их глаза встретились, его сердце остановилось. Что же ты дурак наделал...

Часть 5

Как же прекрасны дети, как же прекрасна их пора.

Порой сидишь на лавочке в каком-нибудь дворике или парке и наблюдаешь за их игрой. Они так прекрасны, милы и беззаботны. Они играют, радуются каждой мелочи жизни. Они действительно живут, а не существуют. Многие из них не знают, как жестока и непредсказуема жизнь, и поэтому они счастливы, и поэтому я им завидую. Их крохотное, доброе сердце ещё не знает предательства, безответной любви, смерти дорогих людей и метафорической смерти себя. Их душа ещё светла, чиста и открыта, потому что ещё не нашёлся тот человек, который плюнет в неё и пройдёт следом. Душа их жива, но через лет десять, может раньше или позже она почернеет и сгниёт, но к счастью не со всеми это случится.

Останется свет, это люди – мечтатели. Они сумасшедшие, ей богу – сумасшедшие, как слушаешь их разговоры, так сразу понимаешь, что они сумасшедшие. И, поэтому я восхищаюсь ими, несмотря на все трудности жизни их сердце – доброе, душа – живая. Они не боятся влюбляться и любят, как будто этот день последний в жизни и верят. Верят всем сердцем, что всё не напрасно и существуют ещё такие же сумасшедшие люди. Они лучики света, в нашем тёмном царстве.

А, пока, дети играют в песочнице, радуются каждому дню, любят всем своим крохотным сердцем, а любящие родители ограждают их, от этого чёртова мира. Они почти всегда улыбаются, они искренние.

Я сижу на скамейке, кормлю голубей, а несколько мальчишек гоняют мяч, весь двор залит смехом. Красота!

Среди этих мальчишек был и наш Кол. Тогда он был ангелом во плоти, а сейчас – он противоречив и совершил немало ужасных поступков. Он отдал её Кетси. Да, он доверял Кетси, но всё равно опасался и нервничал. Предчувствие странная штука, вроде и чувствуешь, что что-то случится плохое, но и думаешь, что это бред и не предаёшь этому значения.

Он ехал, молча, и уверял себя, что всё сделал правильно. Сейчас, он держал путь в поместье Хентрикс к своей «семье».

Семья Майклсонов представляла собой некий клан. Во главе семьи отец – Майкл. Он был крупным предпринимателем, он один из немногих сумел сохранить своё состояние во времена войны и увеличить его в несколько раз после неё. Супруга Майкла – Эстер, мать всех Майклсонов. Она была знаменитым врачом и могла поставить тяжелобольного человека на ноги с помощью трав. Она была главой больницы и всегда пила отвар ромашки. Самым старшим был Фин, он был любимчиком Эстер и работал под боком матушки – хирургом. Далее шёл Элайджа – дипломат. Потом был Клаус

– предприниматель и судья. Почему так? Всё просто, судьёй он хотел быть, наверное, с самого рождения и это у него получилось. А, предпринимателем, видите ли ещё сильнее он хотел доказать «отцу», что он не пустое место. Он сколотил своё дело сам, без чьей-либо помощи. Видите ли, он невероятно восхитительно пишет картины. Они прекрасны, но хоть и жестоки иногда. Он продал несколько десятков картин и сделал своё дело, какое это дело – не знаю. И, бизнес у него получился колоссальный, поэтому отец семейства и ненавидел его больше самого заклятого врага. После Клауса шла Ребекка. Она была директором школы-интерната. Это был её личный рай, ведь по каким-то причинам она не могла иметь детей. Последним был наш Кол – непослушный мальчик.

Сейчас, Кол ехал в поместье на встречу с семьёй. Он не любил их, но сейчас ему нужна помощь Ника. Почему он не любил семью? Потому что её нет. Всё это притворство, все друг друга ненавидят, а встречаются только из-за обязательств и помогают, потому что их фамилия громка, а это тяжёлый груз. Ведь нужно следить за репутацией и прочим, а у Кола с этим всегда были проблемы. Но, иногда у «детей» проявляются родственные чувства, но «родители» – сгнили и погрязли в работе.

Он едет на обед пропитанный лицемерием, фальшью и гнилью. Как это всё мерзко...

Поместье, в которое ехал Кол, было в двух часах езды

от клиники Кетсии. Он отлично его помнит, ведь они часто собирались всей семьёй там с давних пор. Поместье было старое, каменное, обросшее плющом и с запустелым садом. Дорожки заросли, пруд превратился в болото, скульптуры и фонтаны покрылись мхом, осталась лишь тропа к дому. Когда Кол был маленьким, сад процветал, за ним ухаживали, а сейчас по каким-то неясным ему обстоятельствам сад гниёт и семья сгнила.

Кол прибыл, припарковался у дуба и на выходе из машины выкурил сигарету. Как же он не хотел этого обеда, кто бы знал. Он рад бы был провести часочек в палате с душевно больным, а не этой муке под названием «Обед с семьёй».

Ну, что ж, он натянул весёлую улыбку и зашёл в дом.

Как только Кол вошёл в дом, он сразу услышал вопли «дорогой» семейки. Судя по голосам, они были в гостиной и все в сборе. Он тихо зашёл в гостиную и улыбнулся.

– Здравствуй дорогая семья!

POV Кол

Лицемерные снобы, как же я вас ненавижу.

– Дорогой мой, – вот и «полетела» мамаша обниматься.

– Здравствуй сын, – рукопожатие отца

– Здравствуй Кол, – отозвались Элайджа с Финном и их ладони, затем подошла с теми же словами и сестрица.

– Здравствуй брат, – с барной стойки крикнул Клаус, пожалуй самый нормальный из семейки. Через минуту он подошёл ко мне и подал фужер с коньяком, как к месту.

– Ну, что ж пойдёмте все к столу, – сказала мама и мы стайкой пошли в столовую. Дома я сделал её такой же – кирпичные стены покрашены белой краской, большое окно во всю стену, большой чёрный стол и стулья в цвет, камин у одной стены тоже белый, а по другую стену длинный комод, на нём всегда много цветов и свечей. Всегда светло и всегда уютно.

Как же скучно, скорей бы это всё кончилось, один плюс хоть наемся, и готовить не придётся. Так, каждый говорит, о своих новостях, скоро и до меня дойдут, о Каллисте не буду говорить.

– Кол, а какие у тебя новости?

– Да, никаких. Всё по-старому – работа и мерзкий главврач, – спокойно ответил я.

– А, как же эта Каллиста? – чёртова Ребекка... Так и думал, что она меня подведёт...

– Кол, у тебя опять очередная интрижка?! – возмутился отец, ведь он всё время думает, что моими «похождениями» я испорчу репутацию семьи.

– Нет, папочка. Каллиста это его пациентка, которую он привёз домой и она вчера чуть – ли его не убила. Убила бы, если бы я не вмешалась. – Чёртова Ребекка! Ну, зачем ты всё рассказала?! Я закатил глаза и облокотился на спинку стула, чтобы слушать гневные восклицания моей семейки.

– Ты совсем с ума сошёл, они же больные на всю голову, они не соображают что творят! Какого чёрта ты потащил её

домой! Вот теперь будешь знать! Уходи с клиники, иди работать в школу! Дошлохался?! – всё это я услышал от своей треклятой семейки...

– Дорогие мои, – начал я, – Этой девочке нужна была помощь, ей всего шестнадцать лет. В моей клинике ей бы причинили, только вред и поэтому я решил взять её к себе. Но, пошло всё не так, как я предполагал... Я увёз её, не беспокойтесь. Увёз её в клинику, где работает знакомый врач, который не причинит ей зла. Только мне нужна помощь с документами. Ник, ты мне поможешь? – ну, рассказывать, так всё сразу...

– Конечно, помогу, – улыбнулся Ник. Единственный, кто не наорал на меня. Он такой же, как я, но он позорит семью незаметнее, нежели я.

Дальше мы ещё несколько часов просидели в поместье, разговаривали о всякой всячине. Я рассказал Нику о бумагах и о той ситуации, когда я чуть ли не умер от ножа в спину. Как он отреагировал? Он посмеялся.

Конец POV Кол

Время 00:00.

Кол едет по мокрому шоссе домой. Он в приподнятом настроении, ведь с документами всё получится и завтра он навестит Калли, ну и без бутылки рома тут не обошлось.

А, в это время, в тёмной палате клиники Кетси. В палату к Каллисте зашёл светловолосый, молодой мужчина. Она попыталась спрятаться под кроватью, но ей это не помогло,

он оказался сильнее. Она попробовала отбиться и это не помогло. Она стала умолять оставить её в покое, но ей это не помогло, ведь у этого человека нет сердца.

Через несколько минут его похотливые руки оголили её малолетнее тело, а грязный язык стал издеваться над ним...

Часть 6

Я люблю рассветы. Знаешь, так сидишь в плетеном кресле с тёплым пледом, отличной книгой и чашкой чая, на какой-нибудь террасе или веранде. И, вдруг, ты начинаешь понимать, что понятия жизни не укладывается в наши бытовые реалие. Во время, когда ночная тишина отходит и солнце всё ближе и ближе, ты улавливаешь красоту природы, как всё вокруг оживает. Это, как весна после зимы. Оживает природа, оживают животные, оживают чувства.

В один из таких рассветов проснулся и наш Кол. Он очнулся из-за какого-то шума доносящегося из кухни, кто-то опять хозяйничал там. Ерша волосы левой рукой, он поплёлся посмотреть кто же там.

Кухня его мне нравилась. Она была средних размеров, уютная и светлая. Как зайдёшь в неё через массивную дубовую арку ты увидишь кухонную стенку в форме буквы "П" из белого "дерева". Кухонная стенка – хорошая, со всеми примочками и бытовой техникой. Стены те, которые "несущие" – из кирпича покрашенного белой краской, "возведённые" – дубовые, благородного цвета дерева. По левую сторону от кухонной стенки стоит столик с круглой столешницей и двумя стульями в белом цвете. На стороне столика находилось окно во всю стену, во французском стиле.

Подходя к кухне, Кол почувствовал бодрящий запах ко-

фе. Он, сразу понял, кто его утренний гость и решил подкрасться.

– Я услышал твои шаги с самой спальни, так что даже не надейся... – раздался бодрый голос Никлауса Майколсона.

– Твою ж мать, Ник! – по-детски обиделся Кол, а потом спокойно спросил, – Ты купил, что-нибудь к кофе?

– Свежие булочки, только что из пекарни, – пропел Ник, разливая бодрящую жидкость по кружкам. Кол уселся за столик, поставив локти на столешницу и положил голову на раскрытые ладони.

– Ты выполнил мою просьбу? – спокойно спросил Кол, смотря на брата.

– Конечно. В прихожей портфель в нём пакет со всеми документами, – Кол, сорвавшись со своего места, пулей полетел в прихожую за документами, Ник усмехнулся его эмоциональному действию, как всегда. На обратном пути Кол открыл пакет и проверил все документы. Когда он зашёл обратно в кухню, Ник уже сидел за накрытым столиком и пил кофе.

– Что я буду должен? – спросил Кол и не зря. Никлаус поставил кружку и с недовольством обратился к брату.

– Разве я не могу просто оказать услугу своему младшему брату?

– Возможно, но ты сделал больше чем нужно. А, это странно, выходит тебе что-то нужно, – садясь за столик, говорил Кол, – Ты даже аттестаты об образовании сделал и во-

дательские права с визами и паспортом, – отламывая булочку, продолжал Кол.

– Ну, это на будущее. Ты прав, мне кое-что нужно от тебя – некая формальность, – отхлебнув кофе, сказал Ник.

– И, какая же формальность? – подавившись завтраком, спросил Кол

– Я хочу её увидеть, поедem в клинику вместе, – улыбаясь как чеширский кот, произнёс Никлаус, – это формальность. Я могу её увидеть и без твоего разрешения, – Кол недоверчиво посмотрел на него, но деваться ему было некуда. Лучше дать Нику добровольно что-то, чем играть в кошки-мышки.

– Хорошо, только я её с тобой одну не оставлю и не про- си, – допивая кофе пробурчал Кол.

– Конечно-конечно, – улыбаясь промурчал Никлаус. – Ты когда собираешься ехать?

– Сейчас соберусь и в путь, только по-пути заеду в кли- нику. Нужно уволиться.

– Я уже сделал это за тебя, – торжественно воскликнул Ник, на что младший брат выпучил на него глаза.

– Как? Когда? – непонимающе спрашивал Кол.

– Я понял ещё вчера, что ты там не останешься, твои до- кументы у Кетси на столе.

– Оперативно... – не зная, что ещё ответить сказал Кол. – Поедем в одной машине?

– Да, в моей. – Кол только кивнул и пошёл собираться...

POV Кол

Чёртов Ник! Надо было ему увязаться? Зачем ему Калли? Ещё и на водительское сидение уселся, когда же мы приедем?

– Может, тебе лучше будет работать на дому? Или открыть собственную клинику? Зачем тебе все эти проблемы с начальством, зависимость? – К чему это он?

– Своё дело – это слишком хлопотно, как по мне, лучше быть под крылом у кого-то и выполнять свою работу...

– А, хлопоты с начальством тебя не беспокоят? – с сарказмом проговорил Ник.

– Беспокоят, но я к этому привык. Мне это даже необходимо, чтобы кто-то злил меня и подгонял, – и это истинная правда, на что брат усмехнулся и продолжил наш разговор...

– Она красива? – Ох... ну только не это, вот его пристальный взгляд. Жди беды...

– Она необыкновенна, – на что мой серьёзный брат разразился хохотом, – Это правда!

– Наш малыш Кол, похоже, влюбился! – пихнув меня кулаком в бок, задыхаясь хохотом, прокричал Ник. Чёртов ублюдок...

– Да, ну тебя! Вот увидишь её и поймёшь всё! – я обиделся на него и отвернулся к окну. Наконец-то он замолчал!

Ах, знал бы ты, что я недавно с ней сделал. Но, нет! Нет, я не влюбился! Такого просто не может быть, она ведь ребёнок ещё совсем.

Через примерно полтора часа мы приехали в клинику. Всё было, как обычно, те же коридоры и санитары. Мы напрямик пошли к палате Каллисты, но на ней весел замок.

– Что за чёрт!

– Зря, ты её здесь оставил, – прочитал нотацию Ник.

– Вот только ты ещё не начинай! – выругался я на брата и чуть ли не бегом пошёл к Кетси.

Кабинет был открыт, она была у себя. Я молнией залетел в кабинет. Она со своим странным муженьком заполняла какие-то бумаги. И, начался разнос, Ник молча, стоял в проходе облокотившись о косяк.

– Я тебе доверился, а ты! Куда ты её дела!?! – не выдержал я.

– Что такое? Что случилось? Кол успокойся, прошу тебя, – в полном недоумении проговорила Кетси, а её стервятник почему-то даже не шелохнулся.

– Каллиста... на её палате весит замок! Где она? Что с ней?

– Кол, я ничего не понимаю... Я отдала её под личный контроль Сайласа... Дорогой? – Твою ж мааать! Дура набитая, у него на лице написано, что он ублюдок, как ты могла ему доверить Калли.

– Она буйная. С ней всё хорошо, она в своей палате, замок... для страховки... – и дальше заполнять бумаги...

– Я забираю её, – но тут стервятник ожил...

– Зачем? Я уверяю вас, здесь ей будет намного лучше! Забрав её, вы сделаете, только хуже, – запаниковал, но почему? Кетси бросила на него какой-то двусмысленный взгляд.

– Каллиста возвращается домой и без всяких возражений, у нас все бумаги, вы не имеете права держать её насильно и без разрешения моего брата. Отдай ключ, – включился и Ник, тут ты к месту сукин сын.

– Но... – начал Сайлас, но Кетси не дала ему закончить.

– Отдай ключ! – железным тоном произнесла Кетси – Кол я не думала, что это принесёт какие-то неудобства. Прости. Сейчас мы все вместе пойдём в палату и ты увидишь, что ничего страшного не случилось, – заверяла меня она, но что-то мне подсказывало, что ситуация плачевная. И, так мы все вчетвером пошли к Калли.

Кетси сняла замок и отошла в сторону. Я открыл дверь, в палате было темно и очень тихо.

– Кетси, включи свет, – она тут же выполнила мой приказ. Палата осветилась светом ламп, но Каллисты не было видно нигде. Все стены были измазаны в крови и кровавых отпечатков ладоней и пальцев. Я убью его. Мы обернулись к Сайлосу, но его и след простыл. Я уже хотел закрывать дверь и собирался с мыслями, чтобы не прикончить Кетси, как вдруг услышал, какой-то звук. Как будто мышка где-то пискнула, или слышный звук. Я встал на колени и посмотрел под кровать.. – Фух, она здесь, – прошептал я взволнованным Нику и Кетси. Она была под кроватью в какой-то ночной сорочке.

Лежала в самом углу, свернувшись клубочком, – Каллиста, – по-отцовски произнёс я и в ответ услышал вопли и рыдания. Она начала кричать шкребсти стену и говорить, что-то не разборчивое – это из-за рыданий. Я потянулся к ней и начал вытягивать её из-под кровати, но она сопротивлялась и кричала. Она била руками и ногами, кусала за руки, пыталась царапаться, но у неё не было ногтей... – Калли перестань мне сопротивляться. Это – я, Кол! Я забирал тебя к себе домой, помнишь меня? Я пришёл за тобой... – Она перестала бороться и медленно подняла голову и исподлобья посмотрела на меня. Калли узнала меня и ещё сильнее заплакала, – Успокойся, я с тобой, – я усадил её на колени, обнял и начал слегка покачиваться, чтобы она успокоилась. Сзади я почувствовал, чьё-то дыхание. Это был Ник.

– Ты был прав, она необыкновенна, – прошептал он – Осмотри её.

Я послушал брата и немного отстранился от неё.

– Каллиста позволь мне тебя осмотреть, – она кивнула. Я положил её на кровать, Ник подошёл ближе, Каллиста стала снова рыдать и вжиматься в стенку. – Не бойся. Он мой брат, он не причинит тебе зла, – прошептал я, поглаживая её распухшую щёку. Она закрыла глаза и легла обратно. Урон оказался серьёзным, эта похотливая сволочь издевался над ней. Её губа была порвана; шея и всё тело было в фиолетовых засосах; распухшая грудь; синяки и ссадины на животе, боках, спине, бёдрах и ягодицах; отсутствие ногтей на паль-

цах; разодраны сами пальца; следы от тушения сигарет о тело. Больше всего нас с Ником привлекли, странные отметины на теле, но как оказалось позже это не отметины, а загнанные шипы роз под кожу.

– Калли, как он это сделал? – слезы покатались по её распухшим щекам, он бил её по лицу. – Нам нужно знать.

– Он бил меня цветами, – без лишних слов я завернул её в свой пиджак и пошёл вон к машине.

– Благодарю Бога, что мне не до вас! – напоследок сказал я Кетси пару ласковых слов.

Я сел на заднее сидение машины и положил Калли на свои колени, она плакала. Я поцеловал её в темечко и прошептал, что всё хорошо. Ника долго не пришлось ждать, он забрал мои документы и все бумаги с упоминанием о Калли.

– К маме в больницу? – заводя машину, спросил Ник

– Пожалуй, надо вытащить шипы и проверить, как бы он чего её не лишил, – Ник усмехнулся и поехал прочь от этой проклятой клиники, а мне было не до смеха. Всю дорогу Ник посматривал на нас, но это меня мало волновало, сейчас Калли заснула. Похоже, она действительно мне доверяет, хоть я и виновник всего этого кошмара.

В больнице всё пошло, как по маслу. Калли поняла меня, мама не стала задавать лишних вопросов. Мы с Ником пока ждали в коридоре.

– Думаешь он её насиловал? – ни с того ни с сего спросил

Ник.

– Я не уверен, но все эти следы... Конечно, не дай Бог, ведь это сильная психологическая травма. Зачем я её увёз...

– корил я себя.

– Ты не виновен, ну не во всём. Это Кетси виновата. Ты всё исправишь.

– Я постараюсь. Я всё думаю, зачем он бил её розами и почему шипы так глубоко впились в её кожу.

– Мне кажется, он специально, хотел, чтобы шипы остались в теле. Он маньяк, судя по поведению, надо выловить и посадить.

– Он маньяк, но тюрьма ему не поможет. Горбатого могила исправит...

– Ты к ней слишком трепетно относишься, больше чем обычно, – задумчиво произнёс Ник. Зачем ты лезешь не в своё дело? А, может ему всё рассказать?

– Я просто хочу ей помочь. Она ребёнок, напуганный до чёртиков.

– Я конечно, не психолог, но в твоих движениях, что-то не так. Ты как только увидел её, как будто разум потерял. Ты что-то скрываешь... Поделись со мной, я всё пойму.

– Я не хочу разговаривать... – открестился я. Я не хочу изливать душу и вспоминать свой безрассудный поступок. Я виноват – я исправлюсь.

Через некоторое время, дверь маминого кабинета отворилась, и она вышла с какими-то бумажками.

– Ну, как она?

– В целом стабильно, Кол. Я обработала все раны, перебинтовала пальцы и вынула все шипы, – на последнем она сделала акцент, но не стала спрашивать. – Значит, так. Повязки менять регулярно, давать побольше жидкостей и сна. Обследование провела, она здорова, просто истощена.

– Можно один некорректный вопрос... Она девственница? – мама осмотрела меня с ног до головы.

– Да. Можешь забирать её и хорошо покорми, – она развернулась и ушла. Ну, и на этом большое спасибо.

Домой мы ехали, молча, Калли сидела на заднем сидении, а мы с Ником на передних. Никлаус, как всегда за рулём.

Прибыли домой мы в полной тишине. Когда мы кушали, то немного поговорили:

– А, почему она так выглядит? – спросил Ник, не стесняясь, Кали. А, ведь она совсем рядом сидела и я кормил её с ложки. Она ведь не может сама.

– Над её родителями, скорее всего, ставили опыты и вот, что получилось, – спокойно ответил я.

– Интересно, – произнёс Ник, поглядывая на Калли, она засмушалась и опустила голову вниз.

– Ты хочешь спать? – как можно добрее спросил я, на что Калли кивнула. Я потянулся, чтобы взять её на руки, но она оттолкнула их, – Что такое?

– Я сама хочу пойти.

– Ну, и я пойду восвояси, – вставая из-за стола, сказал

Ник, – Пока Кол. Доброй ночи, Каллиста. – И, он ушёл. Наконец-то.

Калли медленно встала и пошла к комнате, я за ней.

– Тебе надо в туалет? – она кивнула, – Левая дверь. Ты справишься сама? – она опять кивнула, – Я пока приготовлю тебе пижаму и кровать, – снова кивок.

Через несколько минут Калли вернулась целая и невредимая в комнату.

– Вот пижама – показал я на кровать. – Сама оденешься? – она опять кивнула, – Ну, тогда доброй ночи, Каллиста. Я пошёл к себе, если что не стесняйся, зови.

– Не уходи.

– Что?

Конец POV Кол

– Не уходи. Мне страшно одной, – Каллиста боялась, что снова придёт Сайлас и снова начнёт вытворять эти странные вещи.

– Если, ты так хочешь. Я выйду, пока ты переодеваешься, – она замотала головой, – Не уходить? – она кивнула, – Ну, раз тебе так хочется, – смущаясь и садясь в кресло, произнёс Кол, – Мне тут тогда можно покурить? – Каллиста снова кивнула и скинула больничную сорочку, – я открою окно на время, – она опять кивнула. Как не старался Кол отвернуться, он всё равно смотрел на её тело, даже окно его отражало. Когда она надела пижаму и запрыгнула в кровать, Кол

включил ночник и сел в кресло.

– Ты тоже, – тихо прошептала Калли.

– Что я тоже? – разволновался наш Казанова...

– Раздевайся и ляг ко мне... – прошептала Каллиста, не смотря на него. Ей так было страшно, что сердце, как, будто в тесках. "А, вдруг Сайлас затаился под кроватью или за шторкой?" – вертелось у неё в голове. Кол послушно и с опаской снял с себя лишнюю одежду и остался в одних плавках. Он тихо лёг на край кровати, но матрас с шумом прогнулся от тяжести его тела. Кол смотрел ей в затылок и не мог не о чём думать, кроме того, что же она пережила за этот день и о том поцелуе. А, Калли взяла его одну руку и положила его ладонь под голову. Кол, машинально придвинул её ближе, теперь же он её обнимал. Калли, сначала вздрогнула, Кол испугался собственных движений. Но, она обмякла и чмокнула Кола в ладонь, которая была у неё под головой. Теперь ей спокойнее, но она глупая девочка ещё не понимает, что это конечно не маньяк Сайлас, но и не спаситель её мечты...

Часть 7

Как же быстротечно время...

Вот ты ребёнок и вот ты уже старик. Но, время тянется невыносимо долго, когда боль засела в душе. И, боль не уходит. Боль – штука медленная, протяжная, вцепиться в твою душонку и конец! Ты либо живёшь с ней и плачешь в тёмном углу, либо сдаёшься и умираешь. Время быстротечно, оно затирает язвы, шрамы и порезы. Но, увы, боль остаётся навсегда, мы всего лишь учимся с нею жить, мириться с собственными чувствами и со всех сил идём к свету. Как же мы глупы, когда думаем, что со временем всё забудется и пройдёт. О, нет, мой друг! Не пройдёт! Ты либо умрёшь, либо станешь сумасшедшим. Я умер, не телесно. Нет! Вместо сердца насос, а вместо души кусок обгоревшего пергамента. Я надеваю маску радости, равнодушия, счастья и существую. Любовь не самое главное? Любовь и есть самое главное в нашей чёртовой жизни. Самый злобный человек, излучает добро на объект своей любви. И, он любит не хуже доброго самаритянина. Я хотел бы стать сумасшедшим, но где мне взять сил? Скажи мне друг, где? Где взять сил, когда внутри пустота? Где взять сил, когда ты и сам не хочешь сражаться, искать выход?

Как же мы глупы. Знаешь, почему я такой? Я любил всем сердцем, всем своим гнилым существом, а сейчас любовь

покинула меня. По моей вине покинула. Пустота исчезает, когда я вижу свою любовь, чувствую её. А, смысл? Любовь ушла от меня, так же как и пришла, внезапно и неожиданно. Плакать не нужно. Любить можно и работу, животных, своё дело. А, людей полюбить я, увы, больше не смогу. Сердце – насос, душа – обгоревший кусок пергамента.

Как быстротечно время, но, увы, боль и пустоту оно не забирает...

И, вот уже прошло три месяца с окончательного возвращения Каллии домой. Она окрепла и даже освоилась. На всеобщее удивление Ребекка узнав о том, что Калли снова у Кола, не стала ругать и истереть, а стала помогать. Ребекка хорошо ладила с детьми и решила помочь Колу с Калли в педагогическом плане. Она учила её писать, читать, считать. Так же она рассказывала обычные вещи о жизни, что хорошо, что плохо, как нужно и правильнее себя вести. Она даже немного учила её домашнему хозяйству, вообще всему, что пригодиться в жизни. Кол был не против, но относился к этому с опаской. По его мнению, Ребекка не образец для подражания. Но, Каллиста хоть юна и незнакома с жизнью, не так уж и глупа. Представления о жизни она уже имела и в своём характере имела некую упрямость и поэтому отсеивала некоторые советы Ребекки. Упрямая, глупенькая девочка...

Прошло три месяца, сейчас конец августа. Конец и начало

новой поры, для наших любимых героев...

Это было обычное утро, Кол проснулся и сразу поплёлся в ванну умываться. В последнее время Кол делал завтрак вместе с Калли, так сказать приобщение к хозяйству. Да, и Калли это нравилось.

Он тихо пошёл в её спальню, но Каллисту там не обнаружил. "Кровать заправлена, халата на стуле нет, значит, она где-то дома", – подумал Кол. Он нашёл её в гостиной, она сидела на подоконнике и пила зелёный чай с корицей.

– Доброе утро, Калли. Когда ты проснулась? – стараясь скрыть свою злобу, по поводу чая произнёс Кол. Почему он злился? Видите ли, после того как Калли вернулась домой, Ник стал каждое утро присылать ей подарочки. Каждое утро один и тот же набор – две кружки горячего зелёного чая с корицей и две горячие, только что из пекарни булочки. Без записки или чего-либо ещё, но Кол сразу понял, что это Ник. Почему? Наверное, что-то из детства.

– Доброе утро, – произнесла она, смотря в окно и не поворачиваясь к Колу, – Может час, а может и два назад. Пейте чай, пока не остыл.

Да, она обращалась к нему на "вы", а это случилось после очередной беседы с Ребеккой. Та буквально приказала, обращаться к Колу на "вы" и Калли почему-то послушалась. Кол всегда усмехается, когда слышит такое обращение к нему, как и сейчас. Ему это казалось таким нелепым и забавным.

Сейчас он взял ещё горячий чай и встал рядом с ней и

тоже стал смотреть в окно. Из окна шёл вид на сад, он ещё цвёл и благоухал.

– Ты не боишься его пить? Вдруг там отрава? – ехидно спросил Кол, изучая её лицо.

– Вы не боитесь, и я не боюсь, – в её словах был смысл, ведь первую такую посылку нашёл Кол и, поняв, что это Ник, отдал её Каллисте.

– Я могу ошибаться, – тихо произнёс Кол

– Можете, – на выдохе произнесла Калли и пошла на кухню.

– Сегодня ты грустнее, чем обычно. Что-то случилось? – идя за ней по пятам, спросил Кол

– Да, – тихо произнесла Калли.

– И, что же? – садясь за столик на кухне, заинтересованно спросил Кол.

– Я хочу выйти на улицу. Хочу вдохнуть свежий воздух, – робко смотря на Кола говорила Калли, – С того момента, как вы вернули меня я не выходила из дома. Можно я хотя бы выйду в сад, хотя бы на часок? – Кол погрузился в раздумья. Он не хотел, чтобы какой-то глаз видел её. Ведь люди, злы и глупы, они не понимают, что видят и несут ахинею, ломая тем самым людям жизни.

– Хорошо, только не одна, а со мной. И, нужно будет собрать цветы, то завянут так – не сорванными. Иди, одевайся, – Калли сразу порозовела, заулыбалась и с криком "Спасибо" кинулась к нему на шею, поцеловала в щёку и молнией

унеслась в комнату одеваться. Кол несколько минут просидел, прижав ладонь к поцелованной щеке. – Дурная, – со смешком произнёс Майколсон и пошёл тоже одеваться.

В саду росло много цветов, разных мастей. Они вышли в сад, на улице была прекрасная погода. На Калли было простое серое платье, а на Коле простые брюки и свободная, льняная рубашка.

– Давай наденем перчатки, – подзывая, сказал Кол. Она подошла к нему и протянула свои руки, они уже почти зажали. Он бережно одел на её тонкие, худые ладони садовые перчатки.

– А, зачем они?

– Чтобы ты не запачкала и не поранила руки, – улыбаясь, произнёс Кол, – Так, смотри. Вот это садовые ножницы, – он указал на секатор, – ими ты должна срезать цветы. Срежь вот так, – он срезал мак и подал его Калли, она приблизила его к носу и засмеялась детским хохотом, – потом поставить нужно цветок в ведро с водой. Когда мы закончим, то поставим цветы по вазам. Всё поняла?

– Ага, – радостно ответила Калли, принимаясь за работу.

Больше всего Калли понравились тюльпаны. Она срезала цветы, кружилась и танцевала с ними, это было так нежно и мило. Кол, как влюблённый школьник наблюдал за ней и тоже радовался. Когда она кружилась, он вспомнил один момент, произошедший несколько недель назад:

<i> Калли помогала с книгами в домашней библиотеке,

там же стояло и фортепьяно.

– Что это? – показывая на фортепьяно пальцем, спросила она

– Это фортепьяно, музыкальный инструмент, на нём играют необыкновенные мелодии, – усмехнувшись над глупышкой, ответил Кол.

– А, как играть на нём?

– Ну, Калли нужно учить ноты и многое другое. Я не могу тебе объяснить, – по-доброму ответил Кол.

– А, вы умеете?

– Умею.

– Поиграйте для меня, пожалуйста? – Кол немного посмеялся над её просьбой, но согласился. Он сел за пыльное фортепьяно и начал играть первую вспомнившуюся мелодию. С первых нот, Калли стала кружиться и смеяться. Это детское веселье, было по-душе скверному Колу. Поиграв немного, он закрыл фортепьяно и принялся за книги.

– Что это?

– Это «Mather,s journeg». Тебе понравилось?

– Очень. Вы сами сочинили? – Кол опять начал смеяться.

– Конечно же нет. Это мелодия Шопена. Это знаменитый композитор по классу фортепьяно.

– Композит по классу фортепьяно? -глупышка.

– Это человек, который сочиняет подобные мелодии.

– Понятно, – улыбнувшись, ответила Калли и снова принялась за работу.</i>

Кол, молча, наблюдал за ней. Она изменилась, она больше не та испуганная девочка. Шрамы почти сошли, раны почти затянулись. Долго заживала губа, этот подлец порвал ей губу своими зубами. Её волосы блестели кровью и спускались до ступней. Её кожа так и осталась цвета фарфора. Губы были пухлыми, скулы красивые и чёткие, глаза яркие. Её вес практически пришёл в норму, но она так, же худа и кости таза и рёбра торчат. Она невероятно красива как внешне, так и внутренне.

В своих раздумьях Кол не сразу заметил происходящего. Каллиста закончила со всеми цветами и подошла к разросшемуся кусту алых роз. Она стояла напротив него и смотрела на них своими испуганными глазами. Кол подошёл к ней и положил руку на плечо.

– Не бойся. Тебе больно их видеть? – беспокойно смотря на Калли, говорил Кол.

– Очень, – застыв, произнесла Калли.

– Знаешь, что мы с ними сделаем? Мы сорвём их и сожжем. Ты сама кинешь их в пламя, – Калли подняла голову и посмотрела ему в глаза. – Вперёд?

– Вперёд, – произнесла Калли, не моргая, смотря на розы.

Она с яростью кинулась на розы, как питбуль на беззащитную кошку. А, Кол, смотрел на зрелище с замершим сердцем.

Через некоторое время они расставили вазы с цветами по всему дому и молча, стояли перед камином, смотря, как пла-

мя поедает розы.

– Стало легче?

– Немного. Я пойду спать.

– Так рано?

– Я устала. Спасибо за этот день, Кол.

– Всегда, пожалуйста, моя дорогая Каллиста, – он поцеловал её в лоб, и она пошла в свою тёплую, надёжную кровать.

Часть 8

Что ты знаешь о нормальности? Какими критериями ты подвергаешь человека, чтобы понять, нормален он или нет?

И, вообще, кто же такой этот "нормальный человек"?

Ты, наверное, скажешь, что это человек с правильными моральными устоями, жизненными целями, человек образованный и т.д.

Но, у всех людей разные взгляды на мораль и жизнь, следовательно "нормальный человек", для всех разный. Как-то всё вязко не находишь? Понятие "нормальности", такое же не точное, как и посолить пищу "на глаз".

Мне кажется, что в нашей жизни нет ничего "нормального" или "не нормального". Ты это поддерживаешь или нет, вот и всё.

В нашем гнилом обществе принято мнение большинства, к моему огромному сожалению. От этого и пошло понятие "нормальности" и "ненормальности". Раньше, к примеру, пятидесятилетние мужики трахали детей, а сейчас это считается педофилией. Педофилия – это психическое заболевание, это "не норма" для человека, но кто так сказал? Так сказала большинство. Раньше братья женились на сёстрах. А, сейчас это опять-таки психическое отклонение, "не норма". И, опять – это мнение большинства. А, если в таких, по мнению большинства, ненормальных отношениях присутствует лю-

бовь? Что тогда ты мне скажешь? Разлучить их, потому что это не нормально? На гильотину, вас сударыня! Никогда! Ты слышишь никогда не надо идти против любви! Лучше договорать и любить, нежели гореть и любить тех, кого посоветует большинство.

Не смотри ни на кого! Не слушай большинство! Это твой путь, твоя дорога, твоя чёртова жизнь! Тебе решать какой быть, кого любить, что делать по жизни! Будь собой и не позволяй всему этому дерьму затопить тебя!

...

Шёл сентябрь...

Сентябрь начался, как-то по-особому скверно – то дождь, то солнце. Черета за черетой. Мерзость – одним словом.

...

– Не понимаю, как это получилось, – говорил виноватым голосом Кол Майклсон в прихожей, приставив телефонную трубку к уху. – Да, да, хорошо. Ты сможешь подъехать? Хорошо. Привези, пожалуйста, всё что нужно. Спасибо, – он повесил трубку.

Кол, который был чернее тучи, поплёлся на кухню, взял поднос с зелёным чаем с корицей, малиновым вареньем, булочкой и пошёл в спальню.

Спальня Кола, в отличие от спальни Каллисты была необычайно тёмная и холодная. Нет узоров, плетений, цве-

тов, лёгких тканей, только однотонные плотные шторы, кожа и чёрное дерево. Шторы были раздвинуты, из окна лился серый, пасмурный свет. Спальня была большая, соединённая с ванной. В спальне стояла громадная кровать с белыми простынями, двумя подушками и одеялом. В одеяле можно было запутаться, до того оно было громадным. У окна, стоял чёрный письменный стол со стулом. У противоположной стены платинный шкаф забитый книгами и одеждой. У прохода в ванную стоял комод. У кровати стояло две тумбочки.

Кол, молча, зашёл в спальню и поставил поднос на тумбочку.

– Кушай, – на кровати лежала Каллиста. Она была сонная и какая-то болезненная, простуда тяжело сказывается на ней. Калли неуклюжа села, но заботливый Кол всё-таки подошёл и поправил подушку за спиной и поставил поднос ей на колени.

– Спасибо, – одними губами прошептала она.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кол, садясь на край кровати.

– Спасибо, хорошо, – прошептала Калли, отхлёбывая тёплый чай, но Кол ей не поверил и приложил свои губы к её лбу, на что та вздрогнула и застыла.

– Врунья. У тебя горячий лоб, – Каллиста опустила голову, – Скоро приедет врач. Он осмотрит тебя и привезёт некоторые лекарства.

– Вы не боитесь ему меня показывать? – задала она во-

прос, на что Кол недовольно хмыкнул.

– Этот врач – моя мама. Она тебя уже осматривала, когда...

– Я помню, – прервала Каллиста, ведь было из-за чего...

– Поешь немного, – улыбнувшись и похлопав по плечу Каллисту, прошептал Кол и пошёл вон, ждать Эстер.

Через половину часа к дому подъехал новенький, серебристый Кадиллак. Из него гордой ланью вышла Эстер. Она не выглядела на свои года – это была стройная женщина, с копной пшеничных волос, с безупречным маникюром, в украшениях из чистого золота. На ней были чёрные лодочки, официальный костюм и бежевое пальто. При ней был небольшой саквояж.

Она быстрым, уверенным шагом пошла в дом, её у порога уже ждал Кол. Появление матери он ожидал с тревогой. Она была сама себе на уме, никогда не знаешь чего от неё ожидать, а это ужасно его напрягало.

– Здравствуй мама, – поприветствовал её Кол лёгким объятием и поцелуем в щёку.

– Здравствуй Кол, – фальшивой улыбкой одарила Эстер своего сына. – Ну, и как она? – снимая пальто, спросила Эстер.

– Жар, недомогание, в общем, простуда, но температура не спадает уже четвёртый день...

– И, ты волнуешься... – с ухмылкой закончила за него фразу Эстер, хищно бросив на него взгляд.

– Верно, – опуская глаза, проговорил он.

– Что ж, веди меня к ней. Я осмотрю её.

Кол, молча, повёл её в спальню к Каллисте. Эстер с готовностью и какой-то яростью зашла в спальню, чего Калли испугалась. Бледный ребёнок вжался спиной в кожаную спинку кровати.

– Здравствуй, Каллиста, – весело крикнула Эстер, на что та ещё сильнее вжалась в спинку.

– Не бойся, Калли. Всё хорошо, – мелодично проговорил Кол, вставая у кровати.

– Калли? – задорно произнесла Эстер, что-то её явно забавляло. – Не против, если я буду тебя так называть? – "любезно" спросила Эстер.

– Так меня только Господин Кол называет, – тоненьким голосом произнесла Каллиста.

– Господин Кол? – удивлённо посмотрев на того, спросила мать.

– Это всё Ребекка, – закатив глаза, объяснил Кол.

– Ясно, – с улыбкой произнесла Эстер. – Ну, что ж Кол, тебе нужно на немного выйти. Не волнуйся Каллиста, я не причиню тебе вреда. Кол будет стоять за дверью.

Калли молча, кивнула и лишь посмотрела вслед уходящего Кола. Осмотр продлился примерно двадцать минут. Эстер вышла из спальни и жестом позвала Кола за собой.

– Что-то серьёзное? – спросил Кол у матери, которая наливала себе чай.

– О, нет, с её здоровьем в целом всё хорошо. Просто с непривычки к таким погодным условиям, она так заболела. Я оставила рецепт и лекарства на комод в спальне, – отпив немного чая, проговорила она.

– Тогда зачем ты меня подозвала? Ты хочешь о чём-то поговорить? – садясь напротив нее, спросил Кол.

– Да, – её глаза блеснули. – Я хотела поговорить о тебе и Каллисте.

– Что-то не так? – с опаской спросил Кол.

– Ваши отношения. Не заигрался ли ты с ней? – с наглостью проговорила она.

– Заигрался? Я помогаю ей, без меня она пропадёт, – яростно говорил он. Но, знаешь, Кол в чём-то она права.

– Ты уже ей помог. Она уже четвёртый месяц у тебя, ты не можешь ей больше ничего дать. Пора бы её отпустить.

– И, куда же? На улицу? – со злобой отвечал Кол.

– Нет, конечно. К примеру, в приют Святой Марии?

– Нет. Я обещал ей, что больше её не брошу, – замотав головой, проговорил Кол. Эстер протянула свои руки к нему и, взявшись за его руки начала говорить:

– Я всё понимаю. Но, посмотри с другой стороны, вдруг ты ей причинишь вред. Тогда ты погубишь её окончательно.

– Я не причиню ей никакого вреда, – Эстер ухмыльнувшись, убрала руки и встала с места.

– Я знаю о твоих похождениях и пристрастиях! Я не хочу, чтобы люди говорили, что мой сын – педофил, – закричала

Эстер.

– Закрой свой рот! – вскрикнул Кол и метнул свой взгляд в коридор. – Следи за своим языком, она может услышать, – уже тише проговори он.

– А, что не так?! Ты старше её на одиннадцать лет. Она очень красива, как телом, так и личиком. Она необычна, а это тебя привлекает. Я ещё тогда заметила, как вы друг на друга смотрите! Если, ты захочешь её поиметь, она не будет сопротивляться, потому что боготворит тебя!

– Я никогда не причиню ей вреда и не трону её! Убирайся! – сжав кулаки, прошипел Кол. Эстер грозовой тучей прошла мимо него к прихожей.

– Никогда, не говори – никогда! – напоследок крикнула Эстер и ушла, хлопнув дверью.

Кол лишь стоял на своём месте, и старался успокоить в себе разожжённый пожар. В проходе появилась Каллиста. На ней была шёлковая сорочка и махровый халат. В руках она держала поднос.

– Всё в порядке? Я слышала крики, – беспокожно озираясь, спросила Калли.

– Почему ты не в постели!? – крикнул на неё Кол. Попалась под горячую руку малышка.

– Простите, я лишь хотела принести поднос, – виновато зашептала Калли.

– Принесла?! Ставь и марш в кровать, – спиной к ней рычал Кол. Она быстро поставила поднос на стол и пошла вон, –

Стой! – она замерла в проходе. Кол обернулся к ней лицом. – Посмотри на меня, – она обернулась к нему. – Ты слышала, о чём мы разговаривали?

– Я слышала крики, но не смогла разобрать слов.

– Хорошо. Иди в постель, – рыкнул Кол. Она тенью вернулась в спальню, в которой она тонула. Кол взял пачку сигарет и пошёл нервно курить на улицу. Он всё обдумывал и обдумывал её слова. "Если, ты захочешь её поиметь, она не будет сопротивляться, потому что боготворит тебя!", всё вертелась и вертелась эта фраза у него в голове. " Нет, ну нет. Я никогда не сделаю этого" – всё повторял и повторял себе Кол. Но, когда он потянулся за третьей сигаретой, он вспомнил тот поцелуй. Он нервно докурил сигарету и пошёл налить себе коньяку.

Пробыв в своих раздумьях несколько часов, он решил пойти к Каллисте и попросить прощение за то, что накричал.

– Калли, – постучав в дверь, зашёл Кол. Она лежала под одеялом, отвернувшись к окну. Он решил посмотреть рецепт, что же там написала Эстер. Рецепт оказался довольно обычный и сейчас нужно принять таблетки. – Каллиста, нужно принять таблетки, вставай, – ласковым голосом произнёс Кол, а она всё неподвижно лежала. – Каллиста, – подойдя к ней ближе, прошептал он. Кол сел напротив неё на корточки, а она отвернулась от него. – Ты обижаешься? Ну, хорошо. Прости меня, за то, что накричал. Просто мать, как всегда устроила взбучку. Я не хотел. Ты простишь меня? – она по-

вернулась к нему и их взгляды, как-то по-особому встретились.

– Конечно, прощу, – с лёгкой улыбкой прошептала она, на что Кол радужно ей улыбнулся.

– Сядь, – она послушалась его, он взял таблетки и стакан с водой, который стоял на тумбочке. – Вот на – выпей эти таблетки и запей водой, – она выполнила его приказ. Он улыбнулся и погладил её по голове. – Тебе, что-нибудь нужно?

– Нет, я хочу просто полежать.

– Конечно. Если, что-то нужно – зови.

– Хорошо. – Кол ушёл из спальни и пошёл в гостиную. Он включил телевизор, лег на диван и не заметил, как уснул.

Его разбудили, какие-то лёгкие толчки. Он открыл глаза и перед собой увидел Каллисту, за окном уже давно стемнело, только луна освещала комнату.

– Каллиста, что такое? – сонно спросил Кол.

– Мне приснился кошмар. Не могли бы вы лечь со мной, я не могу уснуть. Мне страшно, – детским голосочком прошептала она.

– О, Калли... – усмехнулся Кол вставая. – Хорошо. Иди в кровать. Я сейчас пойду, проверю, всё ли закрыто, переоденусь и приду, – она кивнула и пошла обратно. Кол проверил все двери и окна, всё было закрыто. Он пошёл в ванну и сменил рубашку с брюками на футболку и пижамные брюки. Перед сном он выкурил сигарету и пошёл в спальню, ему не впервой спать в одной кровати с Калли, ей часто сняться

кошмары.

Окно в спальне так и не было зашторено, луна освещала кровать. Он лёг с противоположной стороны Калли и ни ко- ем образом не касался её.

– Обнимите меня, пожалуйста, – и эта просьба для него не нова. Кол развернулся и прижал её к себе. Теперь Каллиста была полностью во власти своего Господина, а ей это даже нравилось. Они оба не спали. Каллиста смотрела на полную луну, а Кол на её затылок.

– Расскажи мне, что тебе приснилось.

– За мной гнался Сайлас. Я убежала от него, повсюду были разбросаны розы. Шипы впивались мне в ноги. Я долго бежала, но вот, я увидела вас. Вы прогнали Сайласа и поцеловали меня.

– Поцеловал, – в ступоре повторил он это слово...

– Да, и после этого всё исчезло. Остались только я и вы, ни Сайласа, ни роз, ни боли.

– И, тебя это не испугало? Сайлас творил же с тобой подобные вещи... – Каллиста развернулась к нему лицом и прошептала, смотря в глаза.

– Вы не такой. Он – злой, а вы – добрый.

– Ты можешь ошибаться... – смотря ей прямо в глаза, говорил Кол. Луна явно влияла на них.

– Могу. Но, я вижу в вас доброту ко мне и чтобы вы не сделали со мной, это всё во благо. – Кол не мог оторваться от её глаз.

– Мама была права, – прошептал Кол, не соображая, о чём говорит.

– О чём вы? – рискнула спросить Калли.

– Она сказала, что ты боготворишь меня. Сказала, что ты не будешь сопротивляться, если я захочу тебя, – прошептал Кол, безумно смотря ей в глаза.

– Я не понимаю, о чём вы. Что значит, если вы захотите меня? – сдвинув брови и немного отстранившись, прошептала она. Глаза Кола блеснули в свете луны. О, Господи, что на уме у этого мальчишки?!

– Вот это, – прошептал Кол и одной рукой резко, но в тоже время и нежно привлёк её детское личико к своему и впился в её пухлые губы. Она упёрлась ему ладонями в грудь и пыталась оттолкнуть, но всё безуспешно. Он ловко орудовал своим языком, в её ротике. Одно движение и малышка Каллиста уже под сумасшедшим Колом Майклсоном. Он на секунду отстранился от неё и припал своими горячими губами к её щекам, скулам, шее, ключицам, груди...

– Нет, не надо, – закричала она, впившись пальцами в его плечи, – Господи, остановитесь! Я всё поняла! Пожалуйста, остановитесь... – заплакала она, но Кол её не слышал. В его ушах клокотала страсть! Он отбросил одеяло, куда-то в сторону и вкушал, и вкушал её тело. Калли беспомощно лежала под ним, она пыталась пошевелиться, убежать, но всё бесполезно! Ты, во власти хищника!

– Ты божественна, Калли, – прошептал ей на ухо Кол и

разорвал ночную сорочку. Теперь её полные груди обнажились перед ним. – Тебе не убежать. Ты сказала, что я добрый. Помнишь? – улыбаясь, говорил он, поглаживая её лицо.

– Пожалуйста... – прошептала жертва.

– Всё, чтобы я не сделал с тобой, это всё во благо, – оскандившись, прошептал Кол. – Ты сама говорила, – торжественно завершил он и лёг между её ног. Он опустил немного ниже и стал посасывать и покусывать её девственные соски. – Тебе это нравится. Я вижу это по твоему телу, ты выгнулась мне навстречу, твои соски набухли. Не сопротивляйся, милая. – Прошептал он и со всей силой ударился своею напряжённой плотью, об её секретное местечко. Калли испустила стон. От испуга ли? Кол торжественно засмеялся.

Куда-то в кучу полетела его футболка. Он снова начал сосать её соски, то нежно целуя их, то прикусывая, то оттягивая, в это же время он бился об неё пахом. Он причинял и боль, и наслаждение. Каллиста кричала, била его руками, но всё бесполезно, и она отчаялась.

Он немного отстранился от неё и чуть-чуть поднялся, лунный свет осветил его мускулистое тело. На ней всё ещё оставался распахнутый халат, он вытащил пояс и связал ей руки.

– Так, ты не причинишь себе боль, – улыбаясь, прошептал Кол. Калли, что-то ответила ему, но что непонятно. Он опять поцеловал её и вдруг отстранился. Она ответила ему на поцелуй. Он удивлённо заглянул в её заплаканные глаза. Кол взял её лицо в свои руки и припал к губам, и она снова

отвечала ему. Неумело, неуклюжа, но отвечала, и это возбудило его ещё сильнее. Он опускался ниже, покрывая поцелуями и засосами каждый дюйм её кожи и вот, он остановился напротив белой ткани её трусиков. Он поднял победный взор на неё, а она нервно сглотнула.

Трусики он аккуратно снял и положил в тумбочку. К чему такая обходительность? Все границы были нарушены ранее.

Она застыла в ожидании, что он сделает дальше, что за безумство он совершит ещё?

Кол опять поднялся верх и стал легонько гладить и сжимать её большую грудь, но при этом смотрел на её лицо. Из её глаз текли слёзы, она немного постанывала. Что за, гамму чувств испытывал этот ребёнок? Ей было безумно страшно, больно и приятно. А, если говорить серьёзно, она вообще не понимала, что происходит. Магия луны, дети мои...

Сладкая истома покрыла её сознание, а Кол уже хрипел от похоти.

Он опустился к её промежности и снизу вверх лизнул её секретное местечко. Каллиста вскрикнула и резко сжала ноги, но Кол не позволил ей, этого сделать.

– Ты так приятно пахнешь. Ты такая гладкая, как ребёнок, – глядя её лобок, шептал Кол. – Ах, да, ты и есть ребёнок. – Он поцеловал её лобок и резко поднялся вверх, развязал ей руки и, смотря прямо в глаза, прошептал. – А, сейчас я сделаю тебя девушкой.

– Кол, – молитвенно прошептала она. Он издал низкий,

протяжный стон и медленно вошел в нее. И замер от избытка нахлынувших чувств. Наслаждение. Тепло. Она.

Калли почти беззвучно вскрикнула, слёзы начали душить её, но наслаждение и пульсирующее тепло, подобно рассвету отгоняло тени её боли. Она вскрикивала, тяжело стонала, на его медленные, ритмичные движения. Не останавливаясь, он поднял голову и посмотрел ей в лицо, по её щекам текли слёзы. Схватив девчущку за ягодицы, он резко вошёл в неё, от чего она невольно вжалась в него и вскрикнула, а он слизал её солёные слёзы.

Его плоть была велика и разрывала её изнутри, она ведь была такой маленькой. Лужа крови, была уже под ними.

Кол, упиравшись в спинку кровати руками, выходил из неё и ударялся с новой силой, хрипя ей в шею. Каллиста – растаяла, она впиалась пальцами в его спину и держалась, чтобы не сорваться с этой грани между болью и наслаждением. В какой-то момент Каллиста замерла, молния ударила в неё, волна наслаждения прокатилась по ней и она обмякла. Её веки потяжелели, она закрыла глаза, расслабилась и уснула.

А, что же Кол? Ему, как всегда было мало. Сорванец, грубо схватив её за бёдра, входил и выходил из неё снова и снова. Уже не жалея её, не думая, что под ней лужа крови. Он ничего не думал. Он лишь хотел насытиться ею, дойти до пика, упасть без сил и раствориться.

Рыча, говоря, что-то бессвязное и делая последние жесто-

кие рывки, он излился. Но, нет, не в неё. О методах предосторожности он никогда не забудет, таков он есть.

Он замер. Выдохнул горячий воздух на её бледную шею и рухнул на неё сверху. Калли уже спала, а Кол не мог даже пошевелиться.

Эстер оказалась, права. Его естество, взяло верх, он совершил это деяние...

Утро.

Солнечный свет забрезжил в окнах. На улицах была идиллия – птички пели, люди радовались новому дню, погода прекрасная и т.д., и т.п....

Но, в огромной спальне Кола Майколсона, всё было не так.

Одеяло весит на торшере, подушки раскинуты около кровати, футболка лежит на полу. На огромной кровати лежала пара. Белые простыни под ними, были скомканы и окровавлены. Маленькая девочка лежала на середине кровати, на спине, раскинув руки и ноги в стороны. Её голова была повернута на бок, рот едва приоткрыт, а лицо закрыто сетью волос. На ней был распахнутый махровый халат и порванная шёлковая ночная сорочка. Её нижняя часть одежды была испачкана кровью, как и бёдра, живот, таз. На ней лежал двадцатисемилетний мужик. Его голова лежит на её вогнутом животе. Его руки обнимают её хрупкое тело. Его тело спокойно лежит меж её ног. На нём лишь приспущенные пи-

жамные брюки. Он тоже испачкан в крови.

Кровь стала символом недавнего согрешения...

Но, к сожалению, это не всё.

Молодой мужчина ворвался в дом и тихо, с осторожностью шёл в спальню. Он тихонько открыл дверь, просунул голову и увидев наших героев, выронил револьвер из рук. Он с шумом упал на пол.

Каллиста, резко подняла голову и увидела его – это был Сайлас.

– Кол! Кол! – пытаюсь разбудить его, кричала Калли.

– Как ты посмел это сделать! – закричал Сайлас и вот, наконец, наш безумец проснулся. Сайлас надвигался на них, к счастью он забыл про револьвер.

– Сайлас! Какого чёрта, ты тут делаешь? – поднимаясь с кровати, на ходу надевая брюки, говорил Кол.

– Ты обесчестил её! – кричал Сайлас, а бедная Каллиста вжалась в угол. – Я знал! Я знал, что между вами, что-то не так!

– Убирайся отсюда, – надвигаясь на Сайласа, прошипел Кол.

– Я убью тебя, – прошептал Сайлас и кинулся на Майклсона. Они сцепились и начали драться, в драках они были оба профи. Это даже была не драка, это был танец.

Но, вдруг произошло, что-то невообразимое. Наша малышка Калли встала из угла, схватила брошенный револьвер и выстрелила в него...

Комментарий к

Часть 9

Какие же монстры могут скрываться в глубинах человеческой души?

Какими монстрами являются люди?

Только представьте, что в каждом человеке сидит монстр. У кого-то меньше, у кого-то больше. Ты, конечно же, скажешь, что есть хорошие люди? Я тебе не верю. В каждом человеке, есть что-то скрытое, что-то тайное. И странная вещь, даже у злого человека, есть секрет. И этот секрет, знаешь какой? К примеру, у одного человека есть в сердце одна маленькая девочка, которую он никогда не тронет и сделает всё ради неё – она его дочь. А, знаешь, кто этот человек? Он убивает людей, как мух.

Забавно да? У хорошего человека – тёмная тайна, а у злого – светлая.

Я пришёл к выводу, что ты либо таишь в себе монстра, либо ты монстр на показ, но где-то внутри горит лучинка света.

Нет хороших людей, нет добрых и святых.

Так, что не лей слёзы, когда тебя кто-то предаст. Если, ты думала, что он хороший и никогда не причинит тебе боли... Ты ошибалась...

Все грязны и порочны. У всех скелеты, у всех монстры. Нет доброты и чистоты.

Но, и это не конец света....

Ты можешь любить и монстра, и хорошего человека с огромным монстром внутри. Любовь, она ведь одинакова. Она только, либо есть, либо её нет...

Но, и любовь странная штука. Гнильё не умеет любить, оно как паразит высасывает жизнь, любовь, всё светлое...

Знаешь, чем я хочу закончить?

Большинство людей – гнильё. Значит, любовь сгинет скоро с наших улиц...

А значит не важно, каков монстр, важно гниёшь ты или нет...

Ты думаешь, что я бедный, обжёгшейся, раненный человек? Тебе жаль меня?

Мне не нужна, твоя чёртова жалость!

Это было весьма обыкновенное утро.

Каллиста в рваной, окровавленной одежде стояла посреди комнаты. Побледневшая, с растрепанными волосами, трясущимися ногами и руками, рыдая и роняя револьвер из рук, она села на колени. Калли выстрелила в того, кого боялась, кого ненавидела, ведь он причинил ей много боли. Выстрел оказался в голову – она его убила.

Калли вошла в стадию истерики и не знала, что делать. Она лишь забилась в угол и рыдала, смотря на кровь текущую из его головы.

Тот, что выжил, сбросил с себя труп и тяжело дыша, встал над ним.

Он осмотрел тело и пошёл к Калли, та ещё сильнее затряслась и всё ещё не могла оторвать свой взгляд от бездыханного тела.

– Всё хорошо. Я всё улажу, – спустившись на колени перед ней, прошептал невредимый Кол.

– Ничего уже не будет хорошо! – вскрикнула Каллиста и оттолкнула его от себя. Кол спокойно выдохнул, прикрыл глаза и поднял её с места. – Не трогай меня! – закричала та, всё ещё плача и махая руками.

– Прости меня, Калли. Я вынужден это сделать, – прошептал ей Кол. Он взял её на руки, крепко сжал ей руки и понёс в знакомую ей комнату. Это была та самая – "мягкая комната".

Он положил её там, и ни сказав, ни слова пошёл прочь. Она, как и тогда метнулась за ним, но не успела.

По правде говоря, Кол не очень-то и соображал, что делает. Он знал, что сам задачу с трупом решить не сможет и конечно он знал, кто ему может помочь в этом нелёгком деле, но вырисовывается новая проблема. Прошлая ночь. Он не соображал, что вчера было или просто не давал себе думать об этом. Он лишь только знал, что никто об этом не должен знать и что нужно убрать все следы.

Он пошёл в коридор к телефону, набрал знакомый номер, немного подождал и прошептал в трубку:

– Мне нужна, твоя помощь. У меня труп в спальне, – по

ту сторону он услышал отрывистое – " Скоро буду".

Теперь дело оставалось за малым – убрать "следы". Сначала он переоделся – надел свежие простые, льняные брюки и наипростейшую рубашку. Кол умылся, смыл кровь с рук. Дальше, он пошёл в спальню, решил подстроить так, будто Калли тут спала одна, Сайлас к ней неожиданно нагрянул, и она его застрелила, в целях самообороны.

Перед этим он зашёл в кладовку, взял чистые простони. Ведь, те что были на кровати ужасно испачканы. Стараясь не смотреть на следы вчерашнего, он скомкал грязные простыни и бросил их в угол. Чтобы всё казалось правдоподобнее, он небрежно постелил свежие, белоснежные простыни. Кол поднял подушки и одеяло, внимательно осмотрел, как бы они не были испачканы. Они оказались чисты, он так же небрежно бросил их на кровать.

Кол отошёл немного подальше, посмотреть, правдоподобна ли картина со стороны. Всё выглядело вполне естественно, осталось только избавиться от окровавленных простыней, но, вдруг раздался звонок в дверь. Помощь стояла на пороге, а простыни не уничтожены. Кола будто молнией поразило, недолго думая он схватил их и бросил в кладовку, немного успокоившись, он пошёл встречать Никлауса.

Кхым, наш Кол нисколько не переживает, что в его спальне труп и что даже, если Ник ему и поможет избавиться от него, то тело где-то да и может "всплыть". Ему всё равно было на убитого, он спокойно переходил его, когда

прибырался в спальне. Его лишь волновало, как бы кто не узнал, что он двадцатисемилетний молодой мужчина, заслуженный психиатр, представитель знатной семьи этой глухой ночью изнасиловал, лишил невинности собственную пациентку, хрупкого ребёнка, шестнадцатилетнюю девочку, дитя над которым насмехались и издевались все кому не лень.

POV Никлаус

Кол позвонил мне, когда я собирался уже выходить из дома и ехать к нему, чтобы привезти завтрак для Каллисты. Что натворил он опять? Хоть бы с этой девочкой всё было хорошо. Я взял свою машину, сам сел за руль и поехал к бедаге.

После того, как я позвонил в дверь, Кола пришлось несколько минут подождать, что очень странно для него.

– Здравствуй брат, – прошептал нервный Кол и высунул голову на улицу, посмотреть, нет ли кого рядом или что-нибудь ещё.

– Здравствуй, – сухо произнёс я, заходя в дом. – Где тело?

– В спальне, – прошептал тот. Чем же ты напуган? Видеть трупа или убивать для тебя ведь не впервой.

– Я принёс Калли завтрак, где она? – совершенно спокойно произнёс я.

– Оставь на кухне, для Калли случившееся большое потрясение, она не покажется тебе, – словно зомби, не оборачиваясь, прошептал Кол.

– Как скажешь, – Что-то тут не так...

Кол зашёл в спальню и встал около двери. Солнце уже господствовало на небе, комната была ярко освещена его лучами. Плотные шторы были раздвинуты, кровать не заправлена. В целом всё, как обычно, но у кровати на полу лицом вниз лежал труп, вокруг головы огромная лужа крови. Всё с виду обычно, но мне кажется, что-то тут не так...

Кол не сдвинулся с места, он стоял на прежнем месте и молчал. Меня привлекла одна вещь, он, не моргая, смотрел на кровать.

Я сел на корточки и перевернул тело. Это же чёртов Сайлас!

– Каллиста цела?

– Да.

– Как это произошло? – поднимаясь, задал вопрос я и кое-что заметил. Живот Кола был в крови, он надел рубашку, что бы скрыть от меня это. Зачем?

– Калли последние дни болеет, и поэтому спала в моей спальне. Я спал в зале. Я проснулся от её крика, сразу побежал сюда, когда вбежал он уже был мёртв, а она билась в истерике. Я увёл её в специальную комнату, где она не поранится.

– Он точно не причинил ей вреда?

– Точно, – ладно. Разберемся с трупом, а потом разберусь с тобой.

– У тебя в машине большой багажник?

– Да, он должен влезть.

– Значит так, иди, подгони свою машину к входу с открытым багажником. У тебя есть чемодан, что ли какой-нибудь?

– Да.

– Чемодан принеси мне. Я пока заверну его в простынь. Револьвер его?

– Да. Возьми простони с кровати..., – и он ушёл. Я аккуратно взял револьвер, стёр отпечатки пальцев и вложил в руку Сайласа, в общем, схема проста. Я решил не брать простыни с кровати, а взять их в кладовой.

Пять лет назад именно я помогал Колу выбирать этот дом и поэтому знал его до мелочей, собственно как и самого брата.

Я зашёл в кладовую, ничего там не изменилось – всё те же полки и ящики, забитые до предела, по всей комнате. Но, что это лежит на полу? Это какая-то ткань. Я поднял её и внимательно осмотрел.

– Чёрт возьми! – выругался я. Это была простынь перепачканная в крови и сперме, совсем свежая. Почему Кол скрыл её? Если, он просто обесчестил какую-то девушку, то никого это не волновало, да и он никогда этого не скрывал. А, если это простынь перепачкана кровью кого-то другого? Опять он бы не стал её прятать от меня. А, если это от Сайласа и Калли? Нет, такого не может быть. И, опять же Кол рассказал бы. Его живот! Его живот в крови и он хотел это скрыть, эти простони в крови и сперме, тоже скрыты. Хоть бы моя теория не подтвердилась!

Я взял испачканную простынь и чистую, для Сайласа и пошёл обратно в спальню.

У Кола был довольно странный ритуал, когда он лишал невинности какую-либо девушку, то снимал с неё трусики и клал в тумбочку. Так я его и проверю. Выдвинув ящик тумбочки, я обнаружил там белые трусики.

– Ах, ты чёртов сукин сын! – Головоломка сложилась, Кол сделал это с Каллистой.

Злоба закипела во мне, на что же он способен! Ну, погоди, ты у меня получишь!

Через несколько минут я услышал шаги Кола. Как только его левая нога ступила на порог, я не сдержался и что есть мочи ударил кулаком в морду, тот с неожиданности от удара повалился на пол.

– За что? – детским голосом промычал Кол.

– За это – рыкнул я и кинул ему в лицо окровавленную простынь и трусики Калли. Он медленно стащил их с лица и бешено посмотрел на меня. – Ну? Может, ты потрудишься объясниться?

– Я виноват – я всё исправлю.

– Давно? – уже более менее спокойно спросил я.

– Давно, что? – спросил он поднимаясь.

– Давно ты помогаешь до неё?

– Я никогда до неё не помогался, – с усмешкой прошептал он.

– А, это тогда что означает?! – указал я на простынь. Кол

взялся за голову, прикрыл глаза и провёл ладонями по лицу.

– Я потерял голову, Ник. Но, я так сожалею. Я так ненавижу себя...

– Ты просто пришёл и изнасиловал её, подонок, – проговорил я. Мне так хотелось курить, но от злости, я не мог открыть пачку сигарет.

– Не делай из меня монстра, Ник! В какой-то степени она сама виновата! – Да, он в конец ахренел, подлый мальчишка!

– Да, что за чушь ты говоришь! Она ребёнок, сам же дурак говорил мне это. Ты совсем от рук отбился Кол! Надо тебе трахаться, найди шлюху! У тебя их много, зачем лезть к ребёнку!? – накинулся я на него с кулаками и кажется, пару раз ударил по лицу. Какой тут успокоиться, ещё эти чёртовы сигареты никак не откроешь.

– Ник послушай меня, – стирая кровь с разбитой губы, проговорил Кол, так тебе и надо. – Позволь рассказать, как всё было.

– Ну, хорошо. Только без подробностей! – садясь на стул, проговорил я.

– Каллиста спала в моей спальне, а я на диване в гостиной – это правда. Ночью она пришла ко мне, разбудила и сказала, что ей приснился кошмар, попросила, чтобы я лёг с ней. Такое часто бывает, я просто лажусь на противоположную сторону и сплю спокойно до утра. Иногда она просит меня обнять ее, и мы можем проспать в обнимку всю ночь и не более. Этой ночью, что-то пошло не так. Я обнял её и между

нами завязался разговор, её слова странно на меня повлияли. Ник, я потерял голову, я не соображал что делаю. Я лишил её девственности, – он опустил голову. Что ж, я верил его словам. За Колом потеря над собой контроля наблюдает. Если потерял голову, то может натворить таких делов, что ух, не огребёшься потом. – Утром я проснулся от её крика, перед кроватью стоял Сайлас, между нами завязалась драка, и вот я услышал выстрел и его тело обмякло. Каллиста выстрелила в него. Недолго думая я увёл её в другую комнату и запер, ну, а потом ты всё знаешь сам.

– Что она сказала?

– Смысл её слов был в том, что я самый лучший, умный и, что я никогда не причиню ей зла и боли, что всё мною сделанное всегда будет во благо. – А девочка, похоже, влюбилась в него.

– Почему ты собирался скрыть это всё от меня? – подавая младшему брату сигарету, сказал я.

– Я боялся, твоей реакции и того, что ты потом будешь манипулировать мною или расскажешь кому-нибудь об этом. Я боялся, что ты... что ты заберёшь её у меня.

– Я, конечно, ещё тот лис, но манипулировать детьми, никогда не буду. А, она сама-то хочет с тобою остаться, после того, что ты с ней сделал?

– Ну, ей некуда уходить и... – он опустил голову и затушил сигарету, – ...всё.

– Не всё, ты что-то не договариваешь, – я вижу тебя на-

сквозь Кол. – Отвечай.

– Я помню, что она конечно не сразу, но она отвечала мне.

– Что? – Твою ж мать...

– Сначала она ревела, кричала, не отвечала на поцелуи, но потом она тоже целовала меня, – он посмотрел на меня недоумевающим взглядом, так хватит развозить всё это, я как-никак пришёл помочь избавиться от трупа.

– Ну, так вот, Сайласа завернём в простыни, погрузим в чемодан и отвезём на стройку. Там есть огромная яма, в три часа дня её засыпят землёй и всё в ажуре.

– А работники не уберут его из ямы?

– Владелец – я. Думаешь, я позволю?

– Кто тебя знает Ник... – как старикашка произнёс Кол.

– Я не позволю.

– Ну, тогда давай погружать? – потирая ладони, проговорил Кол.

– Постой, есть ещё кое-что. Вам следует уехать из Англии.

– Зачем? Труп уберём и всё в порядке.

– Не забывай дорогой мой братец, кто такой Сайлас. Он муж Кетси, а она весьма высокопоставленная персона в Англии и не глупа. Она сложит "2*2" и сразу поймет, откуда ноги растут.

– Но, если я уеду, то это утвердит её возможные догадки.

– И пусть, но ты будешь в безопасности, Каллиста будет в безопасности.

– Ладно, но куда?

– У меня есть маленькое поместье во Флоренции, перебирайтесь туда, но взамен я заберу этот домик. Дом на дом, обмен честный, – Кол немного подумал и согласился. – Неси бумаги на дом, сегодня же я перепишу документы задним числом.

– Когда привезёшь?

– Сегодня. Твои счета, я тоже переведу в итальянский банк, если хочешь?

– Если не трудно и если по доброте душевной.

– Хватит искать подвох, мы всё-таки семья.

Кол кивнул, и мы начали "поковать" Сайласа. Вся семья видит во мне угрозу, и они получают то, что ожидают. Лишь только по своей вине, но в данной ситуации я не буду отплачивать этой монетой Колу. Эта девочка Каллиста, для неё – всё мой младший брат и я не хочу её лишать этого.

– Пообещай мне одну вещь? – сбросив труп в яму, сказал я.

– Какую?

– Кол, никогда не обижай её, если, что-то случится – я узнаю об этом и тогда тебе несдобровать.

– Я не обижу её, то, что было, больше никогда не повториться.

– Никогда не говори – "никогда". – Крикнул я уходя.

Семья всегда будет самым святым и дорогим. Семья превыше всего.

Конец POV Никлаус

Кол вернулся домой в весьма расстроенных чувствах. Откровенно говоря, он не знал, что делать дальше. Он не знал, как вести себя с Калли, он не знал, что ему сейчас делать, что говорить. Он не находил себе места, его сердце кажется сейчас выпрыгнет из груди и убежит куда-нибудь, поймает такси и уедет к чертям собачим.

Он зашёл туда, где всё случилось – в спальню, кажется даже, что какой-то пьянящий запах гулял по комнате. Он обошёл её, взял таблетки для Калли и, зайдя в кухню за стаканом воды, пошёл в "мягкую комнату".

– Каллиста? – как можно ласковее проговорил Кол, заходя в комнату. Калли лежала в углу, свернувшись клубочком, спиной к входу. – Каллиста? – снова произнёс Кол, подойдя к ней ближе, но она молчала. – Пожалуйста, ответь, хоть что-нибудь, – в ответ молчание. Он развернул её к себе и опять почувствовал теснение в штанах. Её тело было открыто перед ним, после ночи он смотрит на неё совершенно другими глазами. Он больше не видит в ней ребёнка, но собравшись, он успокаивается и, заглянув в её безупречное лицо – глаза были открыты и смотрели куда-то вдаль, губы чуть-чуть приоткрыты – он понимает, кто она такая. – Калли, нужно принять лекарства. – Нет ответа. – Тогда я насильно их тебе дам. – И, на это она не среагировала.

Кол, молча, посадил её себе на колени, слегка надавил на скулы и положил несколько таблеток в её рот, далее поднёс бокал с водой к её рту и медленно стал вливать жидкость.

Она всё проглотила и быстро слезла с его колен. Калли отвернулась от него и запахнула халат.

– Прости меня, если сможешь... – прошептал Кол, сидя на полу. – Я не знаю, что на меня вчера нашло, но я не покину тебя. Ты можешь не реагировать на меня, можешь представлять, что меня рядом нет или что я – это другой человек. Я не буду делать вид, что ничего не было. Было, и мне горько от того, что этим я ранил тебя. Когда ты встанешь на ноги, я отпущу тебя, а пока ни за что на свете. Я больше не прикаснусь к тебе и не причиню боли. Я буду стараться всеми своими силами. Калли?

Она развернулась к нему и тихим шёпотом произнесла:

– У меня кровь идёт, – Кол пулей подлетел к ней. Под ней была маленькая лужа крови. Кол судорожно думал последнее ли это ночи или у неё началась менструация.

– Калли у тебя болит живот? – обеспокоенно спросил Кол.

– У меня всё болит, – прикрыв глаза, прошептала она.

– Какая боль у тебя в животе? Тянущая, режущая?

– Тянет.

– Давай сначала, помоемся, а потом я постараюсь тебе помочь, – Калли кивнула и постаралась встать, но Кол ей не позволил, – я тебя отнесу.

– Ладно, – прошептала та. Он взял её на руки, она отвернулась от него. Что же чувствовала эта девочка? Неужели Ник прав? Неужели она влюбилась? Неужели её первая любовь – Кол? Она так хрупка и невинна, но я верю, что внутри

неё есть сила. Я верю, что она справится и если же слово "любовь" поселится в их устах, то это отнюдь не трагичная история, наполненная болью и страданием.

Кол быстро наполнил ванну водой, она была чуть горячей, поэтому он медленно опустил её туда. Калли вжалась в угол ванны и закрыла от глаз Кола свои израненные поцелуями места.

– Ай, щиплет, – чуть слышно говорила Калли.

– Потерпи чуть-чуть. Сама помоешься или мне помочь? – спросил Кол.

– Сама, – прошептала та, берясь за мочалку.

– Я пойду, принесу тебя вещи и прочее, – Калли уже не обращала внимания на него.

Кол быстро взял всё, что нужно, но задержался. Он пошёл курить, нужно было освежить мозги, как же сейчас нелегко. А, может он просто всё усложняет?

Кол тихо зашёл в ванну и выронил все вещи с рук. Калли лежала на дне ванны с закрытыми глазами, недолго думая он подбежал и вытащил её со дна. Оказавшись на поверхности, она посмотрела на Кола недоумевающим взглядом.

– Что такое? – спросила Каллиста, изогнув бровь.

– Какого чёрта ты была на дне? – отпуская её, проговорил Кол.

– Просто лежала.

– Ты могла захлебнуться! – "кипел" уже Кол.

– Всё хорошо. Я так уже делала не раз.

– Ты помылась? – переводя разговор первым, спросил Кол.

– Да.

– Помочь с волосами? – Однако забота Кола, была сердцу Калли очень дорога.

– Да, – Калли вылезла из ванны, и Кол сразу завернул её в полотенце, потом взял необычайно большое полотенце и помог завернуть волосы.

– Вытирайся, потом я тебе помогу с твоей "проблемой".

Через несколько минут они уже были на кухне. Кол дожаривал гренки, а Калли сидела за столом в халате и с тюрбаном на голове.

– Готово, – улыбаясь, произнёс Кол, поднося сковороду к тарелкам. – Вот твоя порция, чай и булочка от Ника.

– Спасибо, – беря вилку, прошептала Калли.

– Выпей вот эту таблетку, – садясь напротив и подавая лекарство, проговорил Кол, – это обезболивающее.

– Хорошо.

Они ели, молча, даже не смотрели друг на друга. Калли вышла из-за стола первой.

– Наелась?

– Да.

– Больше ничего не нужно?

– Нет, спасибо.

– Ну, как знаешь. – Кол отвернулся к тарелке и не заметил, как Калли оказалась около него. Он почувствовал едва

уловимое касание её губ к его щеке. Он медленно повернулся к ней лицом и встретился с взглядом разных глаз, теперь он получил едва ощутимое касание её губ к его.

– Всё было вкусно.

Нимфа удалилась.

Часть 10

Знаешь, я очень люблю жизнь.

Нет, правда, я действительно люблю нашу никчёмную жизнь, всем своим гнилым сердцем. Все люди, в частности психологи, говорят, что нужно быстро забыть неудачи в прошлом и идти вперёд, не оборачиваясь, но я так не считаю. Когда ты отворачиваешься от прошлого и идёшь только вперёд, то в итоге ни к чему хорошему не приходишь. Конечно, заикливаться на прошлом не нужно, тогда ты не сможешь жить и радоваться каждому дню. Я знаю и принимаю всё, что было и смотрю вперёд, радуюсь и живу так, как могу. Ты должна принять, что это с тобой случилось и, что ты не можешь никак исправить положение, а если и можешь, то, конечно же, попробуйся, но есть ли в этом смысл? Знаешь, я верю в судьбу. Я верю, что всё не напрасно. Судьба нам уготовила эти испытания, может она уготовила нас на одинокую жизнь...

Знаешь, я пришёл к выводу, что судьба спасла человека, по которому болит моё сердце. Она спасла его, от меня. Сейчас моя любовь, живёт и радуется жизни. Моя любовь уже разлюбила меня и не вспоминает, и хорошо. Знаешь, я ведь ужасный человек, меня любить сложно, я убиваю своею любовью, но люблю так, как никто не может любить. Мои чувства искренны, мои поступки не всегда осознанны, но все-

гда по-сердцу. Знаешь, я думаю, что заслужил всю эту боль, все эти страдания. Теперь я иду к свету, хоть и иду против всех. Я не упал. Я выжил и ты – живи. Прими прошлое и иди вперёд.

...

Лайнер "Святая Мария" отошёл от берегов Англии, уводя с собой наших героев. Всё, что было в Англии осталось в Англии, ну так предполагалось. Ник сделал все бумаги по высшему разряду и Кол не волновался, что останется в Италии ни с чем. Кол учил Каллисту азам итальянского языка, пока они плыли. Они занимали двухместную каюту на верхней палубе. Каллиста за всё время плавания выходила из каюты только два раза, когда только прибыла на лайнер и когда они уже приехали в Италию. Кол не хотел, чтобы кто-то увидел её, ведь она была такая необыкновенная, но двух её выходов оказалось достаточно, чтобы похотливые мужланы и завистливые бабы заметили её. Кол выходил из каюты часто, то покурить, то сходить за едой или другой необходимостью и каждый раз к нему подходили с вопросами о Каллисте. Он, конечно, вежливо отвечал, но какой вулкан гнева на самом деле внутри извергался, людишки к счастью не увидели. Но, весь гнев Кола увидела Каллиста...

– Они опять о тебе спрашивали, – рыча, проговорил Кол, не удержавшись и закурив прям в каюте.

– И, что? – сидя на кровати и читая рассказы Марка Твена, спросила Калли, не отводя глаз от книги.

– О, Калли ты просто не представляешь, как грязно они представляют тебя, – уже спокойнее ответил он.

– Кажется, представляю, – не отвлекаясь от чтения, прошептала она. Кол посмотрел на неё – "Как же она красива".

– Они думают, что ты просто девушка с невероятной внешностью. Они хотели бы получить тебя, вкусить твою красоту. Они не думают о твоих чувствах, не знают твои предпочтения и страхи. Они ничего не знают о том, какая ты внутри. Их интересует только твоя внешность, и они хотят осквернить тебя, не думая, что станет с твоей душой. – Он всё ещё смотрел на неё, в памяти всплыл его проступок и тот её поцелуй. Калли подняла голову и посмотрела Колу прямо в глаза. Она не понимала, почему он так реагирует, на окружающих, ведь он такой же, как они, почти такой же...

– Не обращайтесь на них внимания, – довольно бодро проговорила Калли и снова "погрузилась" в книгу. Кол лишь отвернулся к иллюминатору, продолжая курить.

Италия страна великолепной архитектуры, великих живописцев и знаменитых садов. Буквально каждый уголок пропитан наследием и культурой, какое счастье вырасти в этом раю.

После войны, Италия переживала не лучшие времена – это кризис экономический и политический, но настали свет-

лые времена. Тоталитаризм свергнут, экономика мало-помалу восстанавливается, люди входят в новый ритм жизни.

Кол и Каллиста прибыли в порт, оттуда на такси к поезду, а на поезде во Флоренцию. Вещи, некоторую мебель и машину ещё не привезли, поэтому Кол был, немного рассержен, опять брать такси ему не хотелось. Ему не жалко денег, во-все нет, просто таксист, который вёз их от порта до вокзала, всю дорогу говорил о Калли, благо она практически ничего не понимала.

Поместье, которое предоставил Ник, было отдалено от города, что очень было по-душе Колу. Никто бы не слышал и не видел их, ведь людям было ужасно интересна Калли и то кем приходится ей Кол.

Перед тем, как пойти в поместье Кол решил сходить на знаменитый флорентийский рынок...

На одной из главных улиц Флоренции, подле бутиков и магазинчиков, располагался громадный рынок, состоящий из множества лавочек и палаток, ломящихся от продукции, меж которых кружились люди, будто коршуны. Всё в этом рынке было обыденным – те же лавки, та же продукция, те же покупатели. Но обыденность нарушилась после появления странной пары. Это был молодой мужчина и совсем молоденькая девушка, если не ребёнок. Это был мужчина среднего роста, прекрасно сложен, одет в тёмно-синие брюки и белую рубашку, подстрижен под "британку", с лёгкой щетиной на лице, ореховыми глазами, весьма красив и мужестве-

нен. В руках он держал два больших чемодана. Но, этот мужчина мерк на фоне своей спутницы, такой красоты не один итальянец не видывал. Это была невысокая девушка, с точёной и очень аппетитной фигурой, кожа её была цвета фарфора, на ней надето было белое шифоновое платье свободного покроя, доходившее до колен. А, вот что поразило каждого человека, даже самого равнодушного – это её волосы и глаза – у неё были длинные, распущённые волосы цвета крови и глаза один серо-голубой, а второй зелёно-голубой. Она выглядела так молодо, что даже и не поймешь, кем она приходится этому мужчине. Женой, приятельницей, сестрой, а может дочерью? Но между ними явно были какие-то чувства. Кто бы, что не думал, а мужчина видел косые взгляды на его чудесную спутницу и очень злился. Парочка недолго пробыла на рынке, они всего лишь взяли кое-что из продуктов, и ушли так же неожиданно, как и пришла.

Только к вечеру они пришли в поместье.

Оно было окружено невысоким, каменным забором обросшим плющом спереди и таким же, но гораздо выше с боков и сзади. Поместье было каменное, серое, с огромными окнами, местами заросшее плющом, но очень романтическое и красивое. При поместье есть небольшой виноградник, сад, уютная беседка и фонтан, всё соединялось каменными дорожками. Лужайка была зелёная, ухоженная, как и всё в поместье, Ник за этим следил. Само поместье было небольшое

по количеству комнат, но комнаты были большие. Всего их было 10 – просторная спальня, ванна при спальне, гостиная, библиотека, кабинет, функциональная кухня, общая ванная, гардеробная подле спальни, столовая и кладовая. Внутри поместье было полностью обставлено всем необходимым и не устарелым.

– Осмотрись пока, – зайдя вовнутрь, сказал Кол Калли. Она отдала ему сумку с продуктами и пошла, по коридору осматриваться, Кол же пошёл на кухню приготовить что-нибудь, поесть. Они оба проголодались, день был очень насыщенным. Кол увлёкся готовкой и не заметил, как Калли вошла в кухню, села за барную стойку и наблюдала за ним. Он повернулся, чтобы взять овощей и немного испугался, увидя её. – Ты меня напугала. Долго тут сидишь, уже всё осмотрела?

– Всё осмотрела.

– Как тебе новый дом?

– Не плохой, но я не нашла несколько комнат.

– Каких? – не отрываясь от готовки, спросил Кол.

– Я не нашла ещё одной спальни и "мягкой комнаты"...

– Ох, Калли тут не будет "мягкой комнаты", в моём доме она была так сказать, для моих клиентов. А, здесь она не нужна...

– То есть не во всех домах есть такие комнаты? – перебила она его.

– Конечно, нет! – засмеялся Кол, – а насчёт спальни, это

поместье Ника и он оставил только одну спальню...

– А, я где буду спать? – снова перебила она, похоже, её очень интересовал этот вопрос.

– В спальне конечно, – обжаривая мясо, проговорил Кол.

– А вы? – почти шёпотом спросила Каллиста.

– Не беспокойся, в гостиной. Мне хватит места на диване, – раскладывая еду по тарелкам ответил Кол.

– Вы не будете ничего тут менять?

– Скорее всего нет, мне нравится эта обстановка.

– Но, всеми этими вещами пользовался ваш брат и, наверное, другие люди...

– Калли, я не брезглив и мой брат давно здесь не был, многие вещи заменены. Да, и перед нашим приездом тут многое обновили.

– Ясно. К нам же будет приезжать ваш брат и Ребекка? – садясь за стол, спросила Калли.

– Скорее всего, нет, – ставя перед ней тарелку, сказал Кол. – Я взял рецепт того чая у Ника и буду заваривать тебе его, если хочешь.

– Почему – нет? – уплетая мясо с овощами, спросила Калли.

– Теперь между нами огромное расстояние, мы в разных государствах. – Калли посмотрела, на него с видом явно непонимающим, о чём он. – В Англии они пешком могли дойти до нас, за какой-то час, а сейчас им нужно, как минимум 5 дней.

– Ясно, – с какой-то грустью произнесла Калли и продолжила дальше есть. Доедали они, молча, Калли как обычно вышла из-за стола первая. – Можно мне в ванную?

– Почему ты спрашиваешь? Это такой же твой дом, как и мой. Можно конечно, – с улыбкой произнёс Кол, в ответ она тоже улыбнулась и ушла.

Кол убрал посуду, переоделся и пошёл во двор покурить. Ему казалось, что жизнь налаживается, ведь они далеко от проблем, оставленных в Англии. Калли простила его. Всё теперь хорошо, он решил дальше продолжать, так сказать воспитывать Калли к жизни и забыть момент близости и поцелуев. Он решил собрать себя в кулак и быть тем, кем поклялся быть – хорошим врачом. Но, у судьбы другие планы...

Кол достал простыни, одеяло, подушку и пошёл в гостиную. Калли, была всё ещё в ванной, он подумал, что постелит себе постель и пойдёт, проверит всё ли в порядке. Диван оказался меньше, чем ему помнилось, придётся тесниться. Он постелил белую простынь, положил подушку, начал расстилать одеяло и услышал, чьё-то дыхание позади. В гостиной было темно, он наклонился, чтобы включить настольную лампу, обернулся и увидел Каллисту стоящую позади него, мокрую, в одном полотенце. Свет от лампы томно падал на её лицо, Кол увидел поблёскивающие в её глазах слёзы.

– Что-то случилось? – спокойно спросил Кол, встав в полный рост перед ней. Она опустила голову на мгновение, а потом подняла её и посмотрела Колу прямо в глаза, – Калли?

– Я люблю вас.

Часть 11

Я очень ревнив. Многие говорят, что ревность убивает любовь, но и без ревности любовь не разрастётся, не запылает. Да, иногда ревность всё убивает, но это происходит при чрезмерной ревности. Всё хорошо – в меру, вот с этим я соглашусь.

Благодаря ревности некоторые люди проявляют свою любовь. Так, что как бы оно не было, но ревность и любовь, неотъемлемые друг друга части. Так, что любите, ревнуйте и понимайте друг друга...

Губит отношения гордыня, а не ревность. Губит отношения характер, а не ревность.

– Я люблю вас, – слова отозвались молотом в его голове и он проснулся. Кол потный, взволнованный, только с одной фразой в голове, быстро поднялся с дивана и пошёл на свежий воздух. Он сел на крыльцо нового дома и закурил свои любимые, чудом найденные в Италии сигареты, на улице уже брезжил рассвет. Он выкуривал сигарету одну за другой, а в голове всё крутился эта назойливая фраза. От чего-то его сердце стало биться быстрее, а дыханье перехватывало. Он вошёл в дом, комнаты были полуосвещены рассветом. Он прошёл мимо гостиной и прошёл куда-то вглубь дома, в самую дальнюю комнату – в спальню. Там малышка Каллиста спала мирным сном. Кол тихо подошёл к кровати, он убрал

прядь волос с её лица и провёл пальцем по щеке. Этим он не потревожил её сон, Кол отошёл и лёг на противоположную сторону кровати. Но этого было мало ему, он придвинулся ближе, убрал в сторону волосы, уткнулся носом в темечко, обнял её и быстро уснул.

Утро.

Солнечные лучики, как озорные зайчики бегали по её молодому лицу. Калли улыбнулась этому дню и широко раскрыла свои удивительные глаза. Она чуть потянулась, хотела встать, но кое-что ей помешало. Мужская рука лежала поперёк её талии и крепко держала. Калли сразу поняла, чья это рука и аккуратно перевернулась на другой бок, лицом к Колу. Он мирно спал и не почувствовал её передвижений. Она спокойно легла и смотрела в его мирное, спящее лицо. Что же она в нём видела? О чём думала? Честно говоря, спящим Кол был невыносимо мил. Каллиста полюбовалась спящим мужчиной, укрыла его одеялом и пошла на кухню, готовить завтрак. Первый завтрак, который она приготовит. Лёгкими шагами она прошла на кухню, прибрала волосы и взялась за готовку. Калли решила приготовить завтрак и Колу. Она приготовила то, что обычно готовит на завтрак Кол – это гренки. Через двадцать минут Каллиста с горячими гренками и двумя кружками зелёного чая на подносе пришла в спальню. Кол к тому времени разлёгся по всей кровати. Она села на свою сторону кровати, убрав руку Кола, и поставила поднос себе на колени. Каллиста взяла книжку с тумбочки и

продолжила чтение, поедая свою часть завтрака.

Кол проснулся от запаха горячих гренок, корицы и лимона – запах из детства, в котором родители были добрыми, а он всегда счастливым. Первое, что он увидел, проснувшись – это обнажённое бедро Калли. Он поднял взгляд вверх – Каллиста сидела с книгой в руках и подносом на коленях, её волосы были прибраны в шишку, а на теле был лёгкий халат подол, которого едва разошелся, обнажив голое бедро. Он смотрел в её задумчивое лицо и взгляд, бегающий по строкам книги.

– Доброе утро, – прошептала Калли, улыбаясь Колу.

– Доброе, – проговорил Кол, садясь рядом с ней. – Ты приготовила завтрак? – удивлённо спросил он.

– Да. Это вам – прошептала она, пододвигая поднос ближе к Колу, тот потирая ладони, принялся за завтрак. – Ну, как? – не утерпев, смотря исподлобья, спросила она.

– Очень даже вкусно, – улыбнувшись ей, прошептал он и, продвинувшись ближе, поцеловал её в щёку. – Спасибо большое. – Каллиста смутилась и немного отодвинулась, затем нахмурилась, а потом заулыбалась...

– Вы сумасшедший, – смеясь, прошептала Калли.

– Да? – засмеявшись, спросил Кол, и быстро доев завтрак, набросился на Калли. Он свернул поднос на пол и отбросил книгу Каллисты в сторону. Каллиста испугалась такой его реакции первое, что она подумала – это то, что он разозлился и накажет её, но он схватил её в охапку и начал щекотать.

Из спальни доносился смех, повизгивания и бодрый голос Кола. Царила идиллия и беззаботность. На время все тени отодвинулись от них, на время они ушли в свет и забыли обо всех невзгодах, обо всём плохом, обо всём что было...

Калли лежала на кровати, извиваясь и смеясь под массивным телом Кола, пока тот щекотал и щипал её.

– Прекратите, – задыхаясь смехом, прокричала Каллли.

– Ну, хорошо, – Кол убрал руки от её тела и поставил их по обе стороны от её головы. Он склонил голову набок и смотрел на неё, на её красивые глаза, пухлые губы, изящные ключицы, тонкие пальцы.

– Вот, как на вас влияет сон на новом месте, – всё ещё посмеиваясь, проговорила она.

– Так на меня влияет сон с тобой, – прошептал Кол, не сводя с неё своих карих глаз, Калли вздрогнула, её сердце быстро забилось, но она постаралась не показывать свои чувства.

– Кстати, почему вы спали со мной? Вы же сказали, что будете спать в гостиной... – она осторожно взглянула на него. После вопроса он сразу опустил взгляд и слез с неё.

– Ты кричала во сне. Я пришёл, чтобы успокоить тебя. Ты вцепилась мне в руки, и я остался рядом, – Кол встал с кровати и стал прибирать поваленную посуду с подноса. Тени вернулись.

– Что-то не так? – осторожно спросила она.

– Всё хорошо Калли. Я просто вспомнил, что на сегодня

много дел, – и он солгал, причина была совсем другая.

Она осталась на пустой, мятой постели, а он ушёл прочь с подносом грязной посуды...

Калли ничего не оставалось делать, как продолжить читать книгу. Выходить из спальни до боли не хотелось. Читая книгу, думала она лишь об одном – о Коле Майколсоне и о том, что же на него нашло с утра и почему, он так резко поменялся. Кол же прибывая в своих раздумьях – кто же для него эта крошка – Каллиста.

Через час Кол зашёл в спальню, Калли на него никакого внимания не обратила. Он прошёл ближе и сел на край кровати.

– Калли? – спокойно прошептал Кол.

– Что? – не отрываясь от книги, ответила та.

– Мне сейчас нужно будет уехать по делам в центр, к нам должен будет придти садовник. Я не знаю, когда он придёт и поэтому если он придёт, во время, когда меня ещё не будет дома, не впускай его, игнорируй. – Калли подняла на него свой взгляд, перед ней уже сидел красивый мужчина в дорогом костюме, а не утренний озорник в пижаме.

– Игнорировать?

– Да, даже ни как не отвечать, если он будет говорить что-то или звонить.

– Хорошо. – Она снова окунулась в чтение.

– Ладно, я пошёл. Будь умницей, приготовить себе, покушать ты и сама сможешь, – Калли лишь молча, кивнула.

...

Кол прибыл домой уже к семи часам вечера. Дома горел свет только на кухне, а около ворот стояла чья-то машина.

– Не нравится мне это, – вслух произнёс Кол.

Он тихо вошёл в дом и с порога услышал смех и оживлённый разговор, беседа велась между Каллистой и каким-то мужчиной. Зайдя на кухню, он увидел Каллисту сидящую за столом всё в том же халате и загорелого итальянца в одних джинсах похотливо глядящего на Каллисту. Они пили чай и о чём-то разговаривали, итальянец на удивление неплохо разговаривал по-английски.

– Что тут происходит? – стараясь быть более спокойным, спросил Кол, войдя в кухню.

– О, здравствуй! Это Риккардо – наш садовник. Мы тут общаемся, чай пьём, – весело проговорила Калли, улыбаясь от уха до уха. Я бы так не веселился на её месте.

– Риккардо вам, не пора ли домой? – опиравшись о стену в приказном тоне, спросил Кол.

– Вы правы сеньор Майклсон. Мы с вашей дочерью не заметили, как пролетело время, – Дочерью? Вот умора, у Кола чуть ли глаз не выпал. Риккардо улыбаясь, посмотрел в счастливое лицо Каллисты, похоже, паренёк влюбился.

– Дочерью, – проговорил Кол, словно попробовав это слова на вкус. – Что ж нам с дочерью надо кое о чём перего-

ворить и ты тут лишний, – сурово произнёс Кол. Риккардо приподнял вверх руки и пошёл на выход.

– До встречи, детка, – на выходе крикнул Риккардо, на что Калли захихикала и начала убирать со стола посуду. Она не обращала внимания, на Кола, который стоял около холодильника и убивал её взглядом.

– Какого чёрта ты творишь? – на удивление спокойно произнёс Кол.

– Что-то не так? – всё ещё улыбаясь, спросила Калли. Кола бесила её улыбка, ведь она была вызвана не им.

– Что-то не так?! Да, всё не так! Я же просил, что бы ты без меня никого не пускала... – закуривая, закричал Кол.

– Ну, я впустила, и ничего такого не случилось. Он оставил свои номера вам и что-то ещё, я повесила на холодильник, – Кол сорвал лист бумаги с холодильника и поджог его зажигалкой.

– К чёрту Риккардо! Вот ответь мне, он тебе понравился? Он же только и хочет одного от тебя, – встав около Калли, гневался Кол.

– Мне так не показалось, он был очень мил, – прошептала Калли.

– Знаешь что, доченька моя дорогая!? Ты больше с этим идиотом не увидишься! – он вцепился в неё взглядом. Калли не выдержала и развернулась к нему лицом.

– Почему?! У меня, что вообще не может быть друзей? – вот уже и она кричит.

– Потому что я не хочу! Таких, как он не может быть! – она хмыкнула, выбила сигарету у него из рук и пошла прочь в спальню.

– Куда это ты? Я ещё не закончил! – метнулся он за неё.

– Я не хочу вас слушать! – она пробежала в спальню и заперлась там.

– Значит так, да?! – рассвирепел Кол. – Тебе нельзя без моего разрешения ни с кем общаться! Тебе вообще нельзя общаться с мужчинами кроме меня! Я не хочу, чтобы кто-то прикасался к тебе! Я не хочу, чтобы кто-то разговаривал с тобой! Ты моя! – кричал Кол, выбивая дверь, а Каллиста уже сидела в углу, обняв колени, и плакала. Он влетел в комнату и не сразу заметил её.

– Тогда лучше умереть, – сквозь слёзы прошептала она, и Кол это услышал.

– Умереть? Общение с подобными его людишками стоят твоей жизни? Чушь собачья... – садясь напротив нее, проговорил Кол, металл всё ещё отзывался в его голосе. – Чего тебе не хватает?! Я всё делаю для тебя! Что тебе может дать этот деревенщина!? – снова разозлился Кол.

– Доброту. Он добр ко мне. Он разговаривает со мной, как с человеком. Он не кричит на меня и не делает мне больно. Я для него не вещь, – сквозь слёзы кричала Калли.

– А, я к тебе не добр? Разве я не разговариваю с тобой, как с равной? Ты для меня не вещь. Этот человек, только строит из себя идеал, чтобы затащить тебя в постель, – уходя,

проговорил Кол.

– Он же в отличие от вас не берёт всё силой... – с упрёком проговорила она.

– Как ты можешь такое говорить, после своего признания? – прошептал Кол, гнева уже не была и следа.

– Какого ещё признания? – подняв голову с колен, спросила Калли.

– Вчера перед сном, ты подошла ко мне и сказала, что любишь, – Калли с большим удивлением смотрела на него.

– Что вы несёте? Не было такого, – Кол опустил голову и пошёл к выходу из спальни...

– Это был всего лишь сон...

Часть 12

Дорогая, мы с тобой уже давно сидим на этих ступенях. У тебя всё ещё есть вопросы, а у меня всегда есть ответы.

Сегодня ты спросила: " Почему жизнь такая сложная?". Тогда я ничего не ответил, а лишь закатил глаза и пошёл переречитывать Хемингуэя. Сейчас ты сидишь такая грустная, и пожалуй, я отвечу на твой вопрос...

Видишь ли, мы сами усложняем свою жизнь, мы сами додумываем то, что нужно оставить. Мы сами развозим полемику из пустоты, сами гонимся за химерой. И, ведь из-за этого не видим главного в жизни, не видим дорогих людей, не видим света перед ногами. Мы гонимся за чем-то, размениваемся на споры и скандалы и не видим главного. В конце концов, по закону подлости мы осознаём всё в тот момент, когда всё, что строилось так кропотливо и бережно – разнесено в прах и не восстановить разрушенного.

Конечно, мы можем обуздать эмоции, подчинить всё разуму. Но, это ли выход? Вовсе нет, мой друг. Если ты подчинишь эмоции, подключишь холодный разум, это будешь уже не ты. Выходит и решение не твоё, не по твоей душе. И, вскоре хладнокровное решение "накрывается медным тазом".

Безусловно, жизнь сложная загадка и чтобы её разгадать мало одной человеческой жизни. Но, знаешь, что я понял? Не нужно ничего отключать, чтобы сделать правильный вы-

бор. Не нужно закрывать глаза и думать, что случившееся ошибка или неправда. Всё сделанное – это только верный путь. Когда предстанет сложный выбор – остановись, не нужно никуда торопиться.

Ты лучше сядь и всё обдумай... Нам некуда спешить...

Кол с кипящей головой от мыслей, ушёл в гостиную, взял со стойки фужер с коньяком и дрожащими руками налил себе половину бокала. " Да, что это вообще со мной? Веду себя, как мальчик-подросток! " – ругал он себя. Каллиста же в спальне несколько минут сидела неподвижно и смотрела на дверь. " О, чём это он? Я признавалась ему в любви? Ну, нет... Не может быть... Что происходит?!" – недоумевала Калли. Кол "опрокинул" несколько бокалов, выкурил пачку сигарет и наконец-то успокоился. Странное поведение, не правда ли? Поведение отвергнутого мужчины, не так ли?

Каллиста недолго мучилась, честно говоря, она вообще не мучилась. Она просто чуток посидела на полу, подумала и легла спать. А, вот бедный мужчина не мог найти себе места. Он понимал, что они давно переступили отношения врача и пациентки, и то куда они «пришли» было, ему совсем не ясным. Кол боялся реальности, он боялся того что к ней испытывает и всячески это отвергает. Он выпил где-то бутылку хорошего, выдержанного коньяка и принял решение. Ему казалось, оно правильным, но это не так.

Перед сном он зашёл к ней в спальню. Она крепко спала и к счастью не проснулась от вони исходящей от пьяного Ко-

ла. Он постоял над спящей Каллистой, провёл дрожащими руками по её волосам и лицу. С бокалам коньяка он уселся напротив неё и смотрел на Калли спящую в лунном свете. Кол допил свой алкоголь и ушёл в гостиную, спать на ужасно неудобном диване.

Проходили месяца. Кол дал слово, что сделает всё так, как должно было быть изначально. Он – врач, она – пациентка. И, это получилось, но только лишь на первый взгляд. Кол больше не нарушал личное пространство Калли, он вообще ни чего больше не нарушал. Возобновились каждодневные уроки, психологические тесты и разговоры. Но разговоры были не живые. В этих разговорах Кол был психиатром с блокнотом, а Калли сумасшедшей на кушетке. Он задавал вопросы, а она отвечала. И так, каждый день. Сейчас они не семья, они – соседи. Они были порознь весь день и только во время подготовки еды или поедания её, они были вместе, но не очень-то общались. Они даже не смотрели друг на друга, а уж тем более не заглядывали друг другу в глаза. Теперь холод царил в доме. Нет тепла, любви, трепета, доброты, редкого баловства и ребячества. Что-то зарождалось ведь между ними? Я ведь прав? Ничто не проходит бесследно...

Но холод был только внешним. Электрические разряды блуждали между ними. За внешним равнодушием, скрывалась скука друг по другу. Они искоса, осторожно и не заметно наблюдали за друг другом. Каллиста любила смотреть на

его крепкие руки и могучую спину. Да, и она сама теперь соглашалась, что ей не хватает бывшего Кола Майколсона. Она хотела спросить, что случилось? Почему, их отношения так резко изменились? Но, она боялась, ведь он такой непредсказуемый. Каллиста старалась везде ему угодить, думая, что это "растопит" его ледяное сердце. Но, не в этом малышка дело, его сердце перегоняет огонь. Кол по-настоящему страдал. Правда, от чего он страдал, понять не мог. Хотя и это тоже не правда, он отрицал причину своих страданий. Вот это правда. Он смотрел ей вслед, слушал её голос, слушал её шаги. Он дал ей волю, теперь Калли свободно может выходить из поместья в город, но не надолго и обязательно говорить куда она идёт. Но, волей своею Калли не пользовалась. По собственной воле она выходила лишь в сад при поместье, а в город она ходила лишь в магазин, по просьбе занятого Кола, который стал снова практиковать. Когда Калли уходила, Кол вставал у окна и провожал её взглядом. Он следил за временем и сильно волновался, когда она задерживалась. Никаких происшествий не было, даже Риккардо не приходил. Но, одна неприятность всё-таки случилась...

Как-то раз Калли пошла на рынок. Кол занял своё место около окна. Она стояла около прилавка с мясом, когда услышала грубый немецкий говор. Корзина выпала из её рук, и красные яблоки покатались по мостовой. Сердце её быстро забило, дыхание ускорилось, а тело застыло на месте от страха. В её памяти, словно отрывки из кинолент восстали

воспоминания о концлагере. К ноге одного из немцев подкатилось яблоко и он, увидев в нескольких метрах от себя красивую девушку, сгорбившуюся над прилавком, решил собрать упавшие плоды и подойти к ней. На плечо Калли упала чья-то холодная рука в кожаной перчатке. Она медленно обернулась и услышала рычание – немец сделал ей комплемент и поздоровался. Он оскалился и протянул ей яблоки. Она посмотрела в его карие глаза, и узнала его. Её глаза наполнились тихими слезами, фашист тоже её узнал и с крайне удивлённым выражением лица хотел ей что-то сказать, но не успел. Каллиста рванула бежать домой, к Коле, куда подальше от фрица. А, немец всё так же стоял у прилавка с красными яблоками.

Кол сидел у окна потягивая, бурбон, когда заметил Каллисту бегущую к дому. Он бросил куда-то в сторону бокал и побежал к ней на встречу. Они встретились на крыльце. Калли рыдающая, с растрёпанными волосами и грязным подолом платья вбежала в объятия Кола. Она вцепилась в него мёртвой хваткой и рыдала в его плечё, говоря что-то невнятное.

– Тише, тише, – шептал он. Кол спустился на колени, теперь они оба сидели, на крыльце дома обнявшись. – Успокойся, – он крепче обнял её и прикрыл глаза, вдыхая её запах. Люди проходили мимо и чуть ли не показывали пальцем на них, но Коле было всё равно, а Каллисте тем более.

– Там был фашист, – всё ещё рыдая, сказала Калли.

– Где?

– На рынке...

– Ты уверена? – отстранив Калли и заглянув ей в глаза, прошептал Кол.

– Да. Он разговаривал так же, и он узнал меня, – немного успокоившись, прошептала она. Страх, вот что почувствовал Кол.

– Узнал? – прошептал он.

– Он был в концлагере. Он делал это вместе со всеми, – зарыдала Калли и снова прижалась к Колу. Странное дело, когда она прижималась к нему, чувствовала его тепло и прикосновения, она успокаивалась, приходила в себя. Кол сидел и смотрел на неё, гладил по голове.

– Что они делали? – Для чего он это спрашивает?

– Они брали свои... Э...штуки и трогали руками. Потом какая-то белая жидкость лилась на меня...

– Сколько тебе было лет?

– Святой Отец говорил, что десять. – Кол снова крепко-крепко её обнял и поцеловал в лоб.

– Всё хорошо. Он больше не появится. Я рядом. Не бойся, – она обняла его и уснула. Он морфий, который растворил её боль.

...

Сочельник. Зима во Флоренции в этом году выдалась

знатная, на сочельник пошёл снег. Для Калли он был первым, который она вообще видела в жизни. Она выбежала на улицу и стала бегать по лужайке, смеяться и ловить ртом снежинки, а Кол стоял у окна и любовался ею. Пока Калли радовалась снегу, Кол наряжал ёлку. Настроение у обоих было праздничное. Дом украшен, праздничная еда готовится, настроение присутствует, не хватает только тепла...

Часы пробили четыре часа. Каллиста и Кол запекали утку, когда в двери дома постучали...

– Вы кого-то ждёте? – спросила Калли. Кол отрицательно замотал головой и пошёл к двери. Из прихожей послышался смех и знакомые голоса, Калли их узнала, это были Никлаус и Ребекка. Она тут же побежала в прихожую, она соскучилась по ним, ей столько нужно рассказать Ребекке. – Ребекка! Никлаус! – вбегая в прихожую, закричала она и побежала в объятия ставших родными людей.

– Каллиста, – прошептал Ник, обняв её, – Ты всё краше и краше, – покружив её перед собой, проговорил Ник, метнув взгляд в сторону Кола. Ребекка, молча с улыбкой, подошла и обняла Калли.

– Насколько вы приехали?

– На праздники, – ответила Ребекка раздеваясь. – Чем это пахнет?

– Утка! – вскрикнула Калли и побежала на кухню. Ребекка с довольной ухмылкой поглядела на Кола, она ничего о них не знала.

– Ты научил её готовить?

– Да, она сама попросила, – сказал Кол, вешая одежду родни.

– Ну, как вам тут живётся? – спросил Ник, вставая у барной стойки на кухне.

– Не плохо. Конечно, несравнимо с Англией, но и не хуже её, – проговорил Кол, наливая Ребекке чай.

– А тебе Каллиста?

– Мне тут нравится больше, – с улыбкой проговорила Калли смазывая утку соусом.

– Никаких проблем не возникает?

– Нет, – ответили в один голос Кол и Каллиста, на что Ник невольно усмехнулся.

– Кол мне нужно переговорить с тобой о всяких там бумажках. На время оставим девочек? – сказал Никлаус.

– Да, да, уходите. Нам с Калли столько нужно обсудить, – улыбаясь, сказала Ребекка, отламывая кусок пирога.

Ребекка с Калли остались на кухне, разговаривая о своём, о девичьем и параллельно занимались готовкой. Кол и Ник пошли в гостиную.

– Какие бумажки? Мы же вроде всё сделали, – с возмущением произнёс Кол, наливая себе и брату виски.

– Никакие, – ответил Ник садясь на новый диван. – Чем тебя не устраивал мой диван?

– На нём не возможно было спать. Я так понимаю, что ты хочешь о чём-то секретном со мной поговорить? – посмеи-

ваясь, произнёс Кол, подавая Нику виски.

– Ты спишь тут? – удивлённо произнёс Ник.

– А где мне ещё спать? – разводя руками, проговорил Кол.

– В спальне, например.

– Там спит Калли.

– Ты не спишь с ней?

– Нет, – садясь в кресло, смиренно ответил Кол.

– Я собственно и хотел поговорить о ваших отношениях, –

Кол удивлённо поднял взгляд.

– Почему?

– Ну, Кол, ничто не проходит бесследно. После того, что случилось в Англии, она себя нормально ведёт? Ты себя нормально ведёшь? – Ник взглянул на Кола, немного сузив глаза.

– Всё хорошо, Ник. Я держу дистанцию, веду себя, как полагалось изначально. Все её результаты по педагогическому воспитанию и психологическому состоянию в порядке, – немного повысив голос, проговорил Кол.

– Ты, что-то скрываешь, – прошептал Ник, прищурившись и показав на Кола пальцем, на что, тот взвыл. – Рассказывай, а то хуже будет...

– Ладно, я перестал нарушать её личное пространство, стал разрешать выходить из дома. Она стала контактировать с людьми и с мужчинами, и мне страшно. Сначала, я вёл себя, как друг ей, но вскоре после приезда мне приснился сон, что она признаётся мне в любви. Я спутал этот сон с реаль-

ностью, и произошла ссора. Именно после этого случая я отстранился от неё, стал ей просто врачом, – Ник с интересом слушал Кола и не осуждал его.

– Ты боялся того, что она встретит там кого-нибудь и покинёт тебя? – задумчиво спросил Ник.

– Я боялся, как бы ей кто вреда не причинил.

– Одно другому не мешает, ведь так? – Ник поднял на него свой тяжёлый взгляд. – Так?

– Да, это так, – скрестив руки на груди, ответил Кол. Знал бы ты Ник о выбитой двери...

– Ты ведь разочаровался, что это был всего лишь сон? – немного помолчав, спросил Ник.

– Почему я должен разочароваться? – зря Кол ты так ответил...

– Отвечаешь вопросом на вопрос, чёртов ты психолог, – доливая себе виски, съехидничал Ник.

– Я – психиатр! – подняв мизинец вверх, как аристократ сказал Кол.

– Да, не важно! – посмеиваясь, пихнул брата рукой в плечё Ник. – Ты разочаровался...

– Я не разочаровался! – перебил Кол обиженным голосом.

– Ты отстранился от неё после того, как узнал, что признание в любви тебе приснилось. Ты с ней разговаривал об этом ведь? От неё же узнал, что это был сон? – улыбаясь, говорил Ник.

– Да, – Кол начал нервничать. Благодаря Нику, на проис-

ходившее он стал смотреть глазами постороннего человека, почти моими.

– Что – да? – Ник решил расколоть Кола окончательно.

– Я разочаровался, что она меня не любит, – опустив голову, ответил Кол. В эти минуты он ненавидел своего брата, но и был ему безмерно благодарен. Ведь без его допроса, он бы не стал размышлять обо всём этом.

– Но, ведь отрицание признания, не гарантирует отсутствие чувства, – Кол, подавившись смехом, поднял голову.

– Какими словами мы выражаться, то стали, – сквозь смех проговорил Кол.

– Она любит тебя, и ты нуждаешься в её любви к тебе, – Кол удивлённо поднял брови и вытащил из пачки сигарету.

– Что за бред ты несёшь? Она не может меня любить...

– Раз ты так это отрицаешь, то почему повёлся на сон? М? – склонился Ник над Колом.

– Не знаю. Может потому что я дурак? – начал дурачиться Кол.

– И, это доктор психологических наук, – усмехнувшись, прошептал Клаус. – Во-первых: слова в ту ночь, когда вы занялись любовью. Во-вторых: она целовала тебя и наслаждалась процессом. В-третьих: она простила тебе все твои косяки. В-четвёртых: со стороны видно, что между вами молнии бьют.

– Ник, давай называть вещи своими именами. Мы не занимались любовью – я её изнасиловал. Она относиться так

ко мне из уважения и благодарности, – Ник ударил себя ладонью по лбу, всё-таки Кол невыносимый баран.

– Знаешь, что?

– Что?

– Я тебя ненавижу.

– Не новость, – ответил Кол, доливая Клаусу виски и подовая ему сигарету.

– В кой-то веки ты встретил замечательную девушку, влюбился, наконец, но нет, ты целенаправленно не замечаешь очевидного. Она любит тебя и тоже отрицает свои чувства. Ты её любишь и из-за ревности не можешь успокоиться, когда она куда-то уходит. А, если ты ревнуешь, значит, ты любишь. Чёрт ты любишь, свою малолетнюю пациентку!

Тем временем, на кухне шла не менее чувственная беседа...

– Ну, как ты? – спросила Бекка отпивая чай.

– Отлично. Вы как поживаете? – ответила Кали, заправляя салат.

– У меня всё, как всегда. Сегодня мы будем говорить о тебе и Коле, – Каллиста подняла на неё свои испуганные глаза, застыв на месте. – Какой взгляд! – с улыбкой прошептала Бекка.

– О, чём вы хотите спросить?

– Почему вы ни с того ни с сего уехали во Флоренцию, даже записки не оставили? Это очень обидно между прочим,

Каллиста, – откинувшись на спинку стула, сказала Ребекка.

– Простите. Просто так получилось, мы не специально, – последней фразой Калли сделала огромную ошибку, теперь Ребекке есть за что зацепиться.

– Что вы натворили? – с осторожностью спросила Бекка. Каллиста рассказывала ей всё и только лишь правду, на это она её надрессировала. Каллиста опустила голову и стала переминаясь с ноги на ногу. – Не беспокойся. Мне ты можешь рассказывать всё. Я ни с кем этим не буду делиться, даже с Колом. – Калли немного помолчала и, посмотрев Ребекке в глаза, решила всё рассказать.

– Рано утром пришёл Сайлас, он хотел наказать Кола за то, что он сделал со мной. Сайлас хотел убить Кола. Пока они дрались на полу, я нашла револьвер там же и выстрелила в Сайласа. Я его убила, из-за этого мы уехали.

– Что Кол сделал с тобой? – Ребекка предполагала ответ на этот вопрос, но правда оказалась страшнее всех её предположений.

– Я не знаю, как это называется, – прошептала Калли сев напротив Бекки.

– Как это было? Что ты чувствовала? Что после этого было, может что-то осталось? – Калли стала смотреть в одну точку. – Калли?

– Он целовал меня, всю меня, – глаза Ребекки округлились от ужаса и шока. Калли провела пальцами по своим губам. – Он держал мои руки, ноги. Кол порвал мою ночную

сорочку, – она закрыла глаза. – Своею штукой он проник туда, – она положила ладонь у себя между ног и тут же её убрала, – было много крови и очень больно сначала, а потом приятно. По всему телу были красные и фиолетовые пятнышки. Наутро после этого и пришёл Сайлас, пока мы спали. Он хотел меня забрать к себе.

– А, ты не хотела уходить? – находясь в потерянном и шоковом состоянии, спросила Ребекка.

– Нет.

– Это называется занятием любовью. Он взял тебя силой?

– Да. – Бекка подняла брови, встала со стула и достала бутылку вина. Она налила себе бокал красного и выпила так, как пьют водку. – Мне понравилось то, что он сделал со мной. Сначала я испугалась и плакала, а потом издавала те же звуки, что и он, – Ребекка поняла, что без второго бокала, ей не обойтись и, состроив гримасу алкоголика, налила тут же ещё один бокал вина и выпила его залпом. – Это плохо?

– То, что вы занялись любовью?

– Да, – Ребекка села на место и провела рукой Калли по голове.

– Калли, малышка, я даже не могу тебе ответить с точностью, смотря с каких сторон посмотреть. Вам обоим это принесло удовольствие – это хорошо. Ты ещё ребёнок, он не должен был с тобой так поступать, это не нормально, это не правильно. Занимаются любовью те люди, которые любят друг друга. Любишь ли ты его? – Калли опустила голову.

– Люблю, – едва ли слышно ответила

Часть 13

Звёзды.

Знаешь, я очень люблю звёзды. Да и вообще я люблю всё, что можно увидеть на небе, конечно за исключением самолётов. Солнце, облака, тучи, грозовые раскаты, молнии, звёзды, луна – так прекрасны и недосыгаемы. Наверное, поэтому я и люблю их, за то, что мне их, никогда не достичь. Но они хоть и не рядом, но всё равно влияют на меня. Например, солнце – согревает, дарит уют и энергию, успокаивает; луна тоже успокаивает, а иногда волнует и возбуждает; звёзды – успокаивают и дарят детское счастье. Всё что на небе – управляет нами. Я знаю это совершенно точно! Поэтому я не люблю самолёты, ведь они от людей, а люди не должны управлять другими людьми. Никогда!

Знаешь, я очень сильно расстраиваюсь, когда не вижу на небе звёзд...

Сочельник, Рождество, Новый Год – все праздники отпразднованы. Ребекка и Никлаус больше не мучили влюблённых, но стали более остро наблюдать за их поведением. Кол и Каллиста продолжали держать нейтралитет друг к другу. Никлаус и Ребекка получили "карты", но не решились выкладывать их на стол и поэтому когда праздники прошли, они собрались и уехали обратно в туманную Англию. А если бы Ребекка и Ник раскрыли им на происходящее глаза? Что

бы было?

Никлаус и Ребекка обедали в столовой, на верхней палубе лайнера "Королева Виктория". Ник разрезал сочную говядину, а Бекка уныло ковырялась вилкой в салате.

– Я тоже буду по ним скучать, – нарушил тишину Клаус.

– Что? Ты о чём?

– О нашем брате и его воспитаннице. Полагаю твоё унылое настроение связано с тем, что мы уплываем от них, – отпивая вино, сказал Ник.

– Не совсем, – ответила Бека, опрокинувшись на спинку стула и отстав от бедного салата.

– В чём же дело? – Ребекка не хотела говорить это Нику, но в итоге передумала.

– Каллиста мне кое-что рассказала, – Клаус поставил локти на стол и сцепил пальце в замок. – Она сказала, что любит нашего брата... – Клаус растянулся в улыбке, а Бекка нахмурила брови. – Почему ты улыбаешься?

– Я знаю о чувствах Каллисты, – ответил Ник и снова принялся за говядину.

– Она тоже тебе рассказала?

– Нет, просто я наблюдательный.

– А Кол знает? – хмурое настроение Ребекки плавно переходило в нервное.

– Я пытался донести ему мои наблюдения, но он всё отрицает, хоть и тоже влюблён в неё, – Ник даже не поднимал взгляда с тарелке, хотя Бекка уже нервно ёрзала на стуле.

– Так, нужно разворачивать лайнер, – она встала на ноги и направилась к выходу.

– Для чего? – обернулся Ник.

– Как это для чего? Нужно разлучить их!

– Сядь, – Никлаус отодвинул тарелку с едой. – Сядь! – Ребекка состроила гримасу и села за стол. – Дорогая сестра, зачем их разлучать?

– Потому что так не должно продолжаться! Их союз – это не правильно, – возмущалась Бека.

– Не должно быть? Не правильно? Почему же ты так категорична? – откинувшись на спинку стула, спросил Ник.

– Почему?! Ник ты меня поражаешь. Во-первых: Кол старше её более чем на десять лет. Во-вторых: он же её опекун! В-третьих: этот союз не разрешён законом. В-четвёртых: это аморально! – на все доводы Беки Ник только лишь рассмеялся.

– А как же чувства, сестра? – задорно спросил Ник.

– Чувства? Какие чувства?

– Любовь. Они же любят друг друга, разлучив их мы, причиним боль.

– С каких это пор ты так печёшься о чувствах других? – бубнила себе под нос Бека.

– Сестра, мне плевать на чувства моего брата, но мне важна Каллиста.

– Надеюсь, ты в неё тайно не влюблён? – вскинув бровь, спросила Ребекка.

– Нет. Мне её жаль, она многое пережила и чем-то близка мне, вот и всё. Я восхищаюсь ею, как картиной, – Ник снова принялся, есть свой обед.

– Значит, ты будешь изменять бумаги? Чтобы Кол не был опекуном, и они смогли бы пожениться?

– Нет, – совершенно спокойно ответил Клаус.

– Но им ведь тяжело будет так жить. Получается, они будут любить друг друга втайне от мира, не смогут пожениться? А если появятся дети, люди же будут шептаться. И тогда социальные службы заберут её или развернётся скандал. Наша фамилия будет опорочена, – Ребекка впилась взглядом в брата. Да уж, репутация пре выше всего...

– Да, именно так, – спокойствие Ника раздражала Беку.

– Это не нормально и романтично, – закончила сестра, допив бокал вина, Ник улыбнулся и поднял свой бокал.

Коварству и непредсказуемости Ника нет предела, но не всё так плачевно. Почему он так поступает? Ник не врал, когда говорил что Калли ему дорога. У него не было ни каких порочных и злобных мыслей в её отношении. Кол ему брат, но отношения к нему очень не постоянны. Почему же он так поступает? Потому что он ненавидел свою семью. Он был бы несказанно рад, если бы вся грязь выплыла наружу, а он сам остался бы чист.

...

После того, как уехали Ник и Ребекка.

Наступила тьма. Снег растаял. Восемь часов вечера, а на улице уже совсем темно и только звёзды с луной освещают дороги. На улице не было ни души. Каллиста сидела на крыльце, обняв колени, и смотрела на небо. Кол стоял на кухне и смотрел на неё из окна, он сделал её любимый чай и пошёл на улицу, к ней на крылечко.

– Калли? – аккуратно подошёл он.

– Да? – она даже не обернулась.

– На улице холодно, я принёс горячий чай и плед, – он уже усаживался рядом, – держи.

– Спасибо, – скромно улыбнулась она и взяла обоями ладонями кружку с горячим зелёным чаем с корицей и лимоном. Кол положил ей на плечи плед, а она всё так же смотрела на небо.

– Звёзды? – спросил Кол, садясь рядом и устремив взгляд в небо.

– Ага, – мечтательно сказала она. – Почему они не падают? В книжках они всегда падают, – вдруг спросила Калли.

– Они падают редко, Калли. В книжках часто пишут про падающие звёзды, лишь потому-то если ты увидишь падающую звезду и успеешь загадать желание, пока она не упадёт, твоё желание обязательно исполниться, – что-то вспомнив, ответил Кол.

– Правда? – она оторвалась от звёзд и уже смотрела на

Кола.

– Так говорят, – разведя руки, ответил он.

– Я люблю звёзды и луну. Они такие прекрасные, – улыbnувшись и снова устремив взгляд в небо, сказала она. – А вы? – отпив чая, спросила Калли.

– Я тоже люблю, – выпив полкружки чая, он достал сигарету и закурил. Каллиста обернулась и, сведя брови в кучу, неодобрительно посмотрела на него. – Мешаю? – спросил Кол.

– Нет, я просто не люблю этот запах, – Кол усмехнулся и затушил сигарету.

– Больше рядом с тобой курить не буду, – усмехнувшись, прошептал Кол. Каллиста придвинулась к нему ближе, накрыла частью пледа плечи и спину Кола и придвинулась впритык спиной к его груди. Она взяла его левую руку и положила так, будто он обнимает её. Калли взяла в свои руки кружку ещё не остывшего чая и положила голову на плечо Кола. Он удивлённо таращился на неё.

– На улице холодно, – прошептала она.

Часть 14

Вот оно небо. Вот она стая журавлей. Прекрасно, не правда ли?

Они будто плывут по небу, рассекая облака. Мне их жаль, но не, потому что какой-то охотник застрелит одного из них ради удовлетворения собственных потребностей. Нет. Мне жаль их, потому что эти чудесные птицы летят стайей. Стаи я не люблю, хоть они по-своему красивы и милы. Стая это общество, социум. А социум я ненавижу, потому что души людские там погибают. В обществе главный выскочка управляет остальными, диктует, как жить, что делать...

В стае так же. Видишь того первого, он ведёт всех за собой в какое-то тёплое место. А, если другие журавли не хотят туда лететь? Они рассекают небо своими великолепными крыльями, и летят туда, куда направляет вожак, ведь они стая.

А мы люди? Наш социум разве не стая, стадо? В большинстве случаев оно так и есть: один вожак, а остальные послушные телята. Меня это жутко бесит. Знаешь, я никогда никого не слушал, может это и плохо – не знаю, но одно я знаю точно... Нельзя быть частью стада, у тебя должно быть всегда своё мнение. Ты не должна устраивать спектакли для них. Да, стадо может тебя осуждать, но ты выше них и не должна обращать на них никакого внимания. А уж тем более подстраиваться под них.

Дорогая моя, у тебя свой путь не лети с теми глупыми, но красивыми и всеми любимыми журавлями...

...

Звёзды ещё долго будут сиять в их сердцах, но пришла пора следующей главы в их судьбах.

Стоял тёплый январский день. Каллиста сидела в уютном кресле укутанная в плед, с чашкой чая и какой-то книгой. Она так была увлечена чтением, что не замечала Кола стоящего в проходе со стопкой книг в руках. Он просто сел в проход и стал смотреть на неё, а она не замечала. Что же она читала? Должно быть замечательную книгу.

Всё закончилось в тот момент, когда у Калли закончился чай. Она сдвинула брови и надула губы.

– Принести чаю? – нарушил тишину Кол и напугал тем самым Калли. Она вздрогнула и подняла на него свои испуганные глаза, он лишь улыбнулся, вставая с места.

– И долго вы здесь?

– Не знаю. Я тебе книги принёс, – он подал ей книги, она сразу стала их рассматривать, пролистывать... – Тебе нужно поучить историю. История не менее интересна, чем прочитанные тобою книги.

– Спасибо, – улыбнулась она и понесла книги к себе в спальню.

– Калли, – Кол последовал за ней.

– Да?

– Завтра к нам на ужин придёт одна семейка, – Калли развернулась к нему лицом и прищурила глаза.

– Семейка? Мне нужно не попадаться им на глаза? – сказала она, скрестив руки на груди.

– Нет, конечно! Ты будешь сидеть с нами за одним столом. Член их семьи один из моих недавних клиентов, пожалуйста, будь с ними любезна. Они англичане и если что-то пойдёт не так, то они могут сделать не очень хорошие выводы. Мы должны им понравиться. Ты можешь помочь мне с готовкой?

– Конечно.

– Спасибо, Калли. Для меня это очень важно, – улыбаясь и уходя, говорил он. – Завтра привезут платье тебе на вечер, – уже из коридора крикнул он. Калли лишь сделала грустный выдох и продолжила составлять книги.

Вечер ужина.

Кол и Каллиста заканчивали готовить ужин, как раздался звонок в дверь.

– Уже? Мы же ещё не готовы, – испуганно проговорила Калли.

– Это не гости, привезли твоё платье, – сказал Кол и пошёл забирать платье. Калли спокойно поливала утку соусом, она была равнодушна к одежде. Через несколько минут Кол зашёл на кухню, улыбаясь Калли, как чеширский кот, в руках у него была серая коробочка с логотипом итальянского бу-

тика. – Вот, – он подал ей коробку.

– Спасибо. Мне сейчас одеваться?

– Да. И Калли, я хочу попросить тебя об одной вещи, – поднося ладонь к лицу, проговорил Кол, явно было видно, что просьба ему самому не по душе.

– Какая? – улыбаясь, прошептала Калли.

– Видишь ли, твоё тело не соответствует твоему возрасту. У тебя очень пышная грудь... – Каллиста опустила голову и покраснела, а Кол стал заикаться и нервничать. Странно, очень странно. – Так вот, надо замаскировать её. Вместе с платьем есть корсет, ты должна надеть его вместо бюстгалтера.

– Хорошо, – не поднимая головы, она ушла к себе в спальню. Кол доделал последние штрихи в готовке и тоже пошёл переодеваться.

Вечер должен состояться великим!

В скором времени Кол уже был одет в синие брюки и белоснежную рубашку. Сколько секса было в его внешнем виде. Я хоть являюсь стопроцентным мужчиной во всех смыслах этого слова, но могу оценить и увидеть эту животную, пленяющую сексуальность.

– Кол, помогите мне, пожалуйста! – раздалось из спальни Калли. Кол с улыбкой на лице пошёл к ней.

– Да? – он уже стоял в проходе и судорожно рассматривал её. Её причёска подчёркивала её идеальное лицо. Платье одетое лишь по пояс подчёркивало стройную фигуру. Грудь

закрывал эластичный корсет, который застёгивался на маленькие крючья, но в данный момент был расстегнут на спине.

– Я не могу застегнуть, – виновато посмотрев, сказала Калли. Кол улыбнулся и подошёл сзади. Кол старался не касаться её бледной кожи пальцами, но они будто жили собственной жизнью и каждый раз, когда он брал пальцами крючок, то касался тёплыми пальцами её холодной кожи.

– Тебе понравилось платье – нарушив тишину и чтобы хоть как-то отвлечься, спросил Кол.

– Да, я не видела ни у кого ничего подобного.

– Потому что оно сделано на заказ. С самим платьем поможешь?

– Пожалуйста, – Кол приподнял верх платья, что бы Калли одела его верх. – А почему именно чёрное?

– У тебя очень необычная внешность, чёрный цвет приглушит твои кровавые волосы и разные цвета глаза. – Кол одним движением руки застегнул молнию.

– Мне кажется, что, наоборот, на чёрном фоне моя внешность ещё больше "кидается в глаза". Но, это платье мне очень нравится, и маскирует мои...э... особенности, – Кол усмехнулся и положил руку на плечё Калли.

– У меня для тебя кое-что есть, – Калли вздрогнула от его слов. Кол опустил руку в карман брюк, вынул оттуда золотую цепочку с большим красным рубином. Цепочка была длинная и поэтому, он обвил ею шею Калли в несколько раз,

прежде чем застегнуть застёжку. Калли с волнительным трепетом стояла около него и чувствовала его дыхание у себя на шее, по её телу пробежала сеть мурашек. – Подойди к зеркалу.

Она послушно подошла к трюмо, на её ключицах поблёскивала золотая цепочка, на которой весел большой рубин.

– Зачем? – честно говоря, Кол был в замешательстве от её вопроса.

– Как зачем? Красивое украшение, для красивой девушки. – Калли смотрела на него через зеркало, развернуться к нему лицом, она боялась. – Корсет не жмёт? Дышать можешь?

– Всё хорошо, – ответила она, опустив взгляд и взяв в руку рубин.

– Скоро придут гости. Составь пока всё на стол, – проговорил Кол и ушёл к себе в кабинет. После его ухода, Калли широко улыбнулась и взяла в ладонь рубин. В её голове было столько опасных мыслей, столько сумасшествия, что знал бы Кол, о чём она думает по ночам, то ужаснулся бы, а может и обрадовался...

Гости прибыли во время. Это была английская классическая семейка, трясущаяся за положение в обществе и гнилью пахнущая. Мать семейства – Агнес Блумстрит была женщиной обладающей пышными формами, незаурядной внешностью и очень скверным характером. Кол видел её всего

несколько раз, но сразу понял, что эта женщина эгоистичная, прямолинейная и горделивая. Она, что-то говорила и никто, не мог ей возразить, считалось, что она всегда права, что являлось ложью. Мадам Блумстрит была глупой женщиной, хоть и весьма расчётливой. Муж мадам Блумстрит – Бёрнс Блумстрит был человеком умным, образованным, весьма интересным. Однако, изменял своей жене на право и на лево и так, же был злее кровожадной собаки. Эта парочка была ужасно противоположна, даже внешне: он – худой и высокий; она – жирная и низкая. У Бёрнса был свой бизнес, поэтому Агнес нечем кроме обсуждения чужих жизней не занималась. У мадам и мистера Блумстрит были дети – старший сын Альфи и дочь Мелинда. Дети были красивы, но пусты. И вправду чего ещё ожидать от таких родителей. Что же связывало Кола с этой семейкой? Это была Мелинда, девушка страдала от депрессии и поэтому мать записала её к психологу, который недавно появился во Флоренции. На самом деле у Мелинды не было депрессии, ей просто было скучно, а красивый доктор ей был весьма по душе.

Гости пришли, обменялись любезностями с Колом и прошли в столовую. По задумке Кола они должны увидеть Калли, когда уже усядутся за стол. Как и предполагал Кол, Каллиста будет выделяться среди них. Агнес и Мелинда были одеты в пышные цветастые платья, волосы были завиты в воздушные кудри. Мужчины этого семейства были в серых костюмах с красными жилетами. Специально для вечера был

поставлен круглый стол, чтобы не было недоразумений с тем, кто сядет во главу стола. На удивление Кола Агнес разрешила своей дочери сесть около него, но у Кола были другие планы...

– Кол, неужели с вашей стороны больше никто не составит нам компанию? – задала вопрос Агнес, во время того, как Кол разливал вино.

– Подождите несколько минут, – озорно произнёс Кол. Он предвкушал, то, как эти людишки встретят Каллисту. Кол наливал вино Мелинде, когда Каллиста вошла в столовую с запечённой уткой в руках.

– А, вот и горячее, – с улыбкой зашла Калли. Гости сразу обернулись к ней и стали рассматривать девушку необычайной красоты. Калли подошла к столу, поставила посередине стола утку и сразу метнула взгляд на Кола. Он ей одобрительно улыбнулся и отодвинул стул около Мелинды, приглашая её сесть. Калли послушно, прошла и села за стол. Мелинде это не понравилось, потому что она хотела сидеть рядом с Колом, плечом к плечу, понимаете? А её брат, похоже, был рад появлению Калли, он всё сидел и смотрел на неё. Кол сел рядом с Калли и увидев устремлённые на неё взгляды мужчин Блумстрит, пододвинул свой стул вплотную к Калли, от чего она немного поёжилась.

– Кол представьте нам свою дочь! – воскликнула Агнес, беря бокал вина. Каллиста искоса посмотрела на Кола, если честно они оба были в шоке от сказанного Агнес. Кол думал

представить Калли, как свою сестру или племянницу, ну ни как не дочерью. По мнению Агнес Кола было уже за тридцать, а Каллисте около шестнадцати. Однако Кол и Калли не растерялись...

– Её зовут Каллиста, – улыбаясь безупречной улыбкой, ответил Кол, Калли уголками губ улыбнулась гостям.

– Каллиста, – словно попробовал имя на вкус сын Агнес. Он буквально раздевал её взглядом. Альфи напоминал юного Кола, когда он только начинал изучать женщин и пробовал каждую. Однако Альфи Кола ужасно бесил, потому, что тот не сводил с Калли своего взгляда, – очень красивое имя. Вы очень красивая девушка.

– Благодарю, – надменно сказала Калли и начала раскладывать еду по тарелочкам. Кол гордился своею "дочерью".

– Действительно, вы очень красивы Каллиста. Откуда такой дьявольский цвет волос? – Ах да, Агнес была жуткой протестанткой, но её религиозные взгляды не распространялись на её детей и её саму, в общем, она не видела грешного в своей семье.

– От матери. Врачи сказали, что это мутация, – быстро ответил за Калли Кол.

– Этот изъян с рождения?! – ужаснулась Агнес. – Не от дьявола ли он? – прошептала она.

– Нет. Калли – мой ангел, – прошептал Кол и провёл пальцами по её щеке. Она покраснела и опустила взгляд в тарелку.

– Не смущайтесь, дорогая, – прошептал отец семейства.

– Какую школу посещает ваша дочь Кол? Наверняка протестантскую? – со строгостью спросила Агнес.

– Папа сам меня учит, – тихо ответила Калли.

– О как замечательно! Домашнее обучение, Кол вы настолько умны? Может школа при монастыре лучше? – опять взялась за своё Агнес.

– Кол может вы, и меня возьмёте на обучение? – потянулась Мелинда через Калли к Колу.

– Нет, – смеясь, ответил Кол. – Домашнее обучение – вынужденная мера...

– Почему же? – вступил в разговор Бёрнс, жуя картофель.

– Как вы сами видите у Калли очень необычная внешность, и не все адекватно реагируют, – обманчиво спокойно ответил Кол.

– Да уж фриков никогда не любили, – с фальшивой грустью проговорила Блумстрит, Кол, молча, проглотил её замечание и свой гнев.

Остаток вечера прошёл в немного напряжённой обстановке – Кол сдерживал себя, чтобы не вышвырнуть их на дорогу; у Калли от обиды тряслись руки, и она с трудом подавала гостям еду. К счастью никто ничего не заметил.

Все обменивались любезностями и комплиментами, Альфи не сводил глаз с Калли, а Мелинда активно проявляла симпатию к Колу. Он замечал это, но ему было всё равно на её похабные подкаты. Раньше он бы, не задумываясь, зата-

шил её в постель, но сейчас всё изменилось.

В десять часов вечера гости, наконец, решили пойти домой. Они сказали много лестных слов и наконец-то упорхнули.

– Аллилуя! – заорал из прихожей Кол на весь дом, на что из столовой донёсся дикий смех Калли. – Ты тоже рада, что они ушли? – вошёл он в столовую, в это время Калли убирала со стола посуду. Кол налил себе коньяку и сел на стул.

– Очень рада. Я знаю, что так нельзя говорить, но они противные, – сморщив носик, проговорила она. Кол усмехнулся и подошёл к патефону.

– Они и вправду противные. Союз с ними нужен для работы, – он немного поискал пластинку и завёл её. Заиграла прекрасная мелодия.

– Кто это? – спросила Калли, унося несколько мисок на кухню.

– Шопен, – он допил коньяк из фужера и зашёл на кухню. – Давай потанцуем?

– Танцевать? – испугалась Калли. – Я не умею танцевать, – Кол широко улыбнулся и подошёл к ней.

– Я научу тебе. Давай, – он взял её за руки и притянул к себе, она засмушалась и опустила голову. – Не бойся меня. Следи за моими движениями. Сегодня я научу тебя танцевать вальс.

Через несколько минут они кружили по дому в ритме вальса, под мрачного Шопена. Калли уже раскрепостилась и

весело смеялась, а Кол смотрел на неё и просто улыбался. Их глаза блестели, как звёзды.

Мелодия кончилась быстро, и они остановились. Так неловко остановились, в очень интимный момент и Кол даже немного потянулся к её губам.

– Нужно убрать посуду, – смущённо ушла она из его рук.

– Калли, я сам, – сняв пиджак, сказал Кол.

– Как скажете, – улыбнувшись, ответила она.

И снова они пропустили прекрасный, романтический момент. Как жаль, как жаль...

Кол уже был на кухне и мыл посуду, когда Калли зашла на кухню.

– Помогите мне с платьем и корсетом, – виновато прошептала она.

– Конечно, – он вытер мокрые руки, а она встала у стола. Он подошёл к ней и потянул за молнию платья.

– Эта девушка... Мелинда, она вам нравится? – ни с того не с сего спросила Калли.

– Нет. Почему ты спрашиваешь? – он потянул за первый крючок корсета.

– Просто, – соврала она.

– То, что сказала Агнес про тебя – это ложь. Не бери в голову, ты не фрик, – потянул он за последний крючок.

– Спасибо, – она опустила голову.

– Ты очень понравилась Альфи, – сказал Кол, чтобы про-

верить Калли.

– Мне всё равно, – он вытянул корсет.

– Он красив и умён. Почему бы и нет? – ох уж эти провокации Кола Майколсона.

– Я другого люблю, – зажмурилась Калли. Малышка решила открыться. Молодец.

– И кого же? – удивлённо поднял брови Кол. Она всё ещё стояла спиной к нему с расстёгнутым платьем, так соблазнительно...

– Вас, – сорвалось с её губ. Его рука скользнула в платье к пышной груди.

– После корсета не болят? – он, словно пропустил её признание мимо ушей. Хотя, нет. Её признание стало для его плотских желаний зелёным цветом.

– Нет, – он запустил вторую руку и теперь обеими руками сжал её грудь.

– Значит, любишь меня и тебе никто больше не нужен? – прошептал ей на ухо Кол и прижался своей щекой к её виску.

– Да, – на выдохе прошептала она и прикрыла глаза. Кол прокрутил пальцами её соски.

– Я давно думал об этом. Знаешь, всегда, когда я смотрел на тебя после нашего первого раза, я представлял, как мы занимаемся любовью. Я представлял, как целую тебя, – он всё яростнее ласкал её грудь, а она уже растаяла в его руках. – Ты так прекрасна... – он поцеловал её в весок и опустил свои руки ниже, к её промежности. Стоило ему прикоснуться к её

промежности, как Калли вздрогнула и отстранилась назад, врезавшись ягодицами в его возбуждённую плоть. – Не хочешь? – он начал целовать её шею, щёку, ключицу.

– Я боюсь, – мурашки бегали по её телу.

– Боишься? Чего? – усмехнувшись, спросил он.

– Я боюсь, что вы опять сделаете это со мной и станете холодным, – прошептала она.

– Теперь я больше никогда не буду с тобой холодным, – прошептал он. Она подняла голову и потянулась к его губам. Он улыбнулся и слился с ней в нежном поцелуе. – Я ведь тоже влюбился в тебя, как мальчишка моя дорогая Калли. Не обращай больше ко мне на "вы", – закончив поцелуй, сказал Кол.

– Хорошо, Кол, – улыбнулась она, и он снова поцеловал её, а руки вернулись в заветное местечко. – Стоп.

– Что-то не так? – лениво спросил Кол затуманенный похотью.

– Мы будем заниматься любовью здесь? На кухне?

– Да, – Кол скинул со стола все тарелки на пол.

– Ты разбил их, – с грустью произнесла Калли.

– На счастье, – улыбнулся он и уже страстно впился в её губы. Он не стал снимать с неё платье и сам раздеваться. Он так дико желал стать единым целым с ней, что просто растегнул брюки и задрал её платье. Мгновение и он внутри неё, победная улыбка на его лице и громкий стон на весь дом от Калли. Он вошёл в неё сзади и поэтому не видел её

лица искажённого похотью. – Держись, детка, – прошептал Кол и положил её на стол, крепко схватив за бёдра. Теперь он не нежен, теперь он жесток. Какая чарующая животная похоть...

Бешеный ритм Кола ничуть не ранил Калли, она ничуть не меньше желала своего спасителя. Этот жестокий, животный секс, то, что оказалось им обоим необходимо... Какая ирония...

Сладкие стоны срывались с её губ, теперь она не стеснялась своих чувств, своего тела. Теперь она настоящая. А Кол с довольной улыбкой вонзался в неё и смотрел, как она кусает губы в кровь.

Подходя к пику, он поднял её к себе, тело к телу. Его рука прошла по ее горлу, захватила подбородок и запрокинула ее голову.

– Моя, – зарычал он, вдавливая себя еще глубже, а она уже обмякла. Калли была в его объятьях с прикрытыми глазами, растрёпанная и с улыбкой на губах.

Несколько минут, и он тоже достиг пика. Кол поцеловал её в висок и взял на руки. Он принёс её в спальню, положил её на холодные простыни, снял чёрное, неприметное платье, разделся сам и лёг рядом. Кол бережно обнял своё сокровище и укрыл одеялом.

– Никогда не оставляйте меня, – прошептала Калли сквозь сон. Он прижал её к себе ещё крепче и поцеловал в висок.

– Никогда.

– Я так ревновала вас к этой Мелинде, – закрыв лицо одеялом, прошептала она.

– Я ревновал тебя к каждому столбу, – усмехнувшись, прошептал Кол.

– Всё будет хорошо? – по-детски спросила Калли.

– Обещаю, – он поцеловал ее, и они уснули.

Часть 15

Что ты знаешь о боли?

Ты думаешь истинная боль – физическая?

Истинная боль та, которую нельзя ни чем заглушить. Истинная боль – моральная, душевная, сердечная, называй, как хочешь смысл всё равно один и тот же. Лекарством на эту боль, всегда была и будет её причина. Забавно, не правда ли? То, что нас убивает, нас и воскрешает. Ведь умираем душевно мы от потери чего-то светлого, чего-то любимого, чего-то родного. И мы воскрешаемся только после того, как потерянное возвращается к нам вновь.

Хм... Как несправедливо, не правда ли?

Чтобы унять зубную боль нужно всего лишь принять таблетку или сходить к врачу, а чтобы унять боль разорванного сердца ничего не поможет, пока оно само не зарастёт и только тогда боль исчезнет, только тогда можно полюбить вновь.

А если твоё сердце и душа не восстанавливаются? Что тогда? Ты ведь жить полноценно не можешь, любить не можешь, в тебе только боль живёт! Что это за жизнь? Это даже жизнью назвать нельзя...

Теперь ты понимаешь, что такое настоящая боль? Понимаешь, я вижу это по твоим печальным глазам. Дорогая, мы ведь оба не справились с этой болью. Мы не нашли выхода, заикнулись на потере и слепо верили в то, что потерянное

к нам не вернётся. Оно вернулось бы, оно возможно и вернулось, только мы не заметили, потому что мы всё плакали и плакали. Потому что мы слабые глупцы! Дорогая, нужно найти силы и идти к свету, у тебя ведь ещё есть шанс...

Видишь, насколько трагична истинная боль... Так зачем же заикливаться на физической боли, если она не вредит морально?

Прошло несколько месяцев с последней нашей встречи с героями. На дворе был март. Идиллия царила между ними, теперь они любовники. Но, Кол не прекратил уроки и психологические разговоры. Теперь они счастливые, напряжение и холод исчезли в этой паре. Однако, ничто не вечно.

Утро. Какое всё-таки замечательное утро – солнышко светит, птички поют, ясное небо... Одним словом – весна. Всё вокруг ожило, весна открыла миру тайны природы, но и может тайны человечества. Кол и Каллиста пекли блинчики на кухне. Лучи утреннего солнца освещали и заполняли кухню мягким светом. Калли сидела на столе растрёпанная в рубашке Кола и ела блины. Он же стоял у плиты в брюках и пёк блины, насвистывая какую-то мелодию.

– Вкусно? – спросил Кол, подходя к ней и полив её блинчики соусом.

– Да, я такая голодная, – проговорила Кали, взмахнув вилкой в воздухе с набитым ртом.

– Тебе нужно хорошо питаться, – прошептал Кол и поцеловал Калли в лоб. Он сел за стол и принялся поедать блин-

чики в клиновом сиропе.

– И буду такой же, как мадам Блумстрит, – Калли засмеялась и села напротив тарелки Кола.

– Ты меня отвлекаешь. Сядь на стул, – Калли послушно слезла со стола и села на стул. – Спасибо, – улыбнувшись, прошептал Кол, – ты никогда не будешь такой, как Агнес, – что-то омрачило радужное настроение Кола, и он уже ушёл далеко-далеко в себя, закрыв за собой дверь в своё мрачное подсознание. Однако Калли ещё плохо понимала психологию Кола. Она только могла разобрать его на пиках эмоционального состояния, поэтому она спокойно продолжила разговор.

– Я подумала, что хорошо было бы провести ужин в беседе, – мечтательно произнесла она.

– Подготовка и место проведения полностью в твоих руках. – Какая подготовка спросите вы? Какой ужин? Я отвечу – семейство Блумстрит опять заявится на ужин к нашей паре, по случаю дня рождения Каллисты.

– Я всё сделаю по высшему разряду, – мягко произнесла Калли.

– На ужине будь в том фиолетовом длинном платье, – Калли кивнула. Он встал из-за стола, поставил посуду в мойку и подошёл к ней вплотную.

– Что-то не так? – спросила Кали, доедая блины.

– Мне нужна рубашка, – с озорством произнёс он.

– Ты собираешься идти в ней на работу? – Калли была

немного шокирована. Ведь, в этой рубашке она ходила весь вчерашний день и спала в ней же. Рубашка была чиста и не помята, но уже потеряла свежесть.

– Да. Хочу всегда тебя чувствовать, – эротично произнёс Кол от чего Калли укусила себя за губу. Она медленно сняла рубашку и отдала её Колу, оставшись голой. Кол провёл указательным пальцем по её телу, облизнув губу.

– Этим мы займёмся после ужина, – прошептал он и ушёл в спальню, оставив возбуждённую Калли с грязными тарелками.

Кол ушёл на работу. Калли была немного обижена на него, ведь сегодня её день рождения, а он оставил её одну готовить праздничный стол для ненавистной им обоим семьи. Калли-ста уже украсила беседку и составила все вкусности на круглый стол, но Кол всё ещё не пришёл. Она одела длинное, закрытое платье с пышной юбкой, которое он посоветовал. Она заплела волосы в две косы, что делало её лицо таким детским и невинным.

И, вот прибыли гости – семейство Блумстрит.

На фоне сдержанного и аккуратного вида Калли Блумстриты выглядели, как павлины. Агнес и Мелинда были в ярких платьях с пышными юбками и оголёнными плечами. Альфи и Бёрнс – в светлых костюмах. Каждый подарил ей замечательный подарок: Агнес – серебряную брошку, которую Калли сразу приколола к своему платью; Бёрнс – собра-

ние произведений Булгакова, для неё это был самый лучший подарок из всех; Мелинда – коробку французской косметики, так сказать хороший подарок для "дочери" избранника; Альфи – золотой браслет, но она не принимала подарок, но тот был настойчив.

Праздничный ужин проводился в круглой открытой беседке с круглым каменным столом и полукруглой скамейкой с теневой стороны. Стол ломился от вкусностей, увенченный вазой тюльпанов и кувшином красного вина. Калли усадила гостей на овальную скамью, а сама села на стул напротив них. Гости радостно сели на свои места, а Кола всё так и не было.

– Каллиста, вы сами всё это приготовили? – учтиво спросила Агнес.

– Да, – женская половина семейства удивлённо посмотрели на ребёнка, а мужская – одобрительно улыбнулась.

Честно сказать, что Альфи, что старый пень Бёрнс восхищались этой удивительной особой с кровавыми волосами. Альфи казалось, что он влюблён в неё, но это был всего лишь порыв странствующей юношеской души. Агнес и Мелинда относились к Калли пренебрежительно, но из-за её положения не показывали своего истинного отношения и одаривали лестью. Агнес считала Калли фриком из-за её удивительной внешности. Мелинда не считала Калли фриком, даже находила её красивой девушкой и завидовала её облику, ведь все мужчины обращали на Каллисту внимание и ей хотелось того же. Так же Мелинда положила глаз на Майколсона и по-

этому была прелюбезной с его "дочерью", так она рассчитывала заполучить Кола. Гм, разочаруется девчонка.

Праздничный обед начался. Калли следила за пустотой тарелок гостей, и умело поддерживала беседу. Она казалась весёлой и беззаботной, но на самом деле она была невероятно грустна, ведь Кола до сих пор не было, а часы уже пробили шесть вечера.

– Где же ваш "отец"? – нервно спросила Мелинда.

– Он должен был уже давно быть с нами, но видно на работе возникли непредвиденные обстоятельства, – не скрывая грусти, ответила Калли. Не успела она закончить фразу, как послышался звук открывающихся ворот, пришёл хозяин. Все взоры были устремлены к ним, откуда шёл прекрасный Кол, как всегда безукоризненно одетый с охапкой белых тюльпанов. Он приветствовал всех хулиганской улыбкой, которая навеяла сладкие воспоминания на Калли и обольстила женскую половину Блюмстритов.

– О, Кол мы вас дождались! – воскликнула Агнес, Мелинда начала ёрзать на месте. Каллиста на удивление проявила сдержанность и лишь развернулась к нему в половину оборота и нежно улыбнулась.

– Для тебя, моя дорогая, – прошептал Кол и вручил ей букет цветов, поцеловав её красную макушку. – Так, так мне нужен стул, – проговорил Кол, озираясь по сторонам. – Я сейчас приду, – он развернулся к входу в дом и пошёл вовнутрь. Через пару минут Кол вернулся со стулом в руках

и сигаретой в зубах. – Сильно скучали тут без меня? – озорно спросил Кол, садясь около Калли.

– Каллиста сумела поддержать беседу, но вы Кол так и остались душой компании, – со смехом ответила Агнес.

– Смотри, что мне Альфи подарил, – язвительно сказала Калли, пододвигая пальцем к Колу золотой браслет. Он стряхнул пепел с сигареты и пододвинулся к ней вплотную, так что её плечо упиралось ему в грудь. Он неодобрительно посмотрел на браслет, затем на Альфи. Ох, и злой же это был взгляд, я бы даже сказал полный ненависти.

– Дорогой подарок, мы не можем его принять.

– Ну, что вы Кол. Это всего лишь золотой браслет! Не будьте так строги! Тем более этот браслет замечательно подойдёт к цепочке, – затараторила Агнесс, доставая сигареты из сумочки.

– Нет. Такие подарки обяыывают, а моя "дочь" не будет не перед кем обязанной, – злобно произнёс Кол и отшвырнул браслет Альфи, тот положил его в карман брюк, видно мальчик напугался напора Кола. Каллиста незаметно для всех начала паниковать, она знала, чем это может обернуться и незаметно для всех успокоила Кола. Спросите как? Кол и Каллиста сидели отдельно от всех, напротив семейства Блюмстрит, через целый стол. Все, что было под столом, никто не мог видеть. Когда Кол начал горячиться, Калли положила свою ладонь на его и поглаживала пальцами его шероховатую кисть. Кол понял её знак и успокоился. Конечно,

Агнес хотела возразить, но Бёрнс (который обычно меньше говорит и больше слушает) сменил тему и начал говорить про технику. Альфи и Мелинда поддержали отца, а Кол искоса наблюдал за своею любовью.

Через пару минут уже все забыли недавний инцидент, и беседа лилась рекой. Осуждалось всё, не одна тема не оставалась не обсуждённой и не обсмеянной. Солнце уже село и беседку ели освещал фонарь, висевший над столом, погружая всех в полумрак.

– Господи, что за времена? Этот 57-мой год – ужасный! Прошедшая война должна была сплотить людей, а они наоборот стали ещё жёстче и злее, – развела демагогию Агнес, ей ли вообще говорить о добре и зле...

– Время, как время. Жестокие люди существовали всегда, – с ухмылкой произнёс Кол, Агнес сморщила свой нос и закурила сигарету. Тут же Мелинда потянулась за сигареткой, и ловко орудуя зажигалкой, закурила.

– Каллиста будешь? – спросила Мелинда, подавая Калли сигарету. Вот ты растоптала свои пустые надежды дорогуша.

– Я не курю, – тихо ответила Калли.

– Калли терпеть не может запах табака, – улыбаясь, сказал Кол.

– Какая жалость, – пропела Агнес. – Вот я лично испытываю невероятное наслаждение, куря, – последние слова падали Колу идею. Его правая рука незаметно, в полумраке скользнула меж тонких ножек Калли к её лону. Она нервно

вздрыгнула и прислонилась спиной к его груди. Одной рукой она вцепилась в его руку и взглядом умоляла его остановиться, но он лишь усмехнулся и продвинул свои пальцы в её нежную плоть. – Каллиста, что с тобой? – спросила «обеспокоенная» Агнес. Ведь Калли практически лежала на плече Кола с чуть прикрытыми глазами.

– Я просто устала, – прошептала Калли, а его пальцы ходили туда-сюда, раздирая её изнутри.

– А ведь, правда, мы уже довольно долго здесь сидим. Бёрнси сколько времени?

– Почти одиннадцать. Нам пора уходить.

– Ох, и засиделись мы у вас. Пора возвращаться домой, – хлопнув в ладоши, проговорила Агнес.

– Спасибо за обед-ужин, – с улыбкой на лице произнесла Мелинда и встала, чтобы обнять Кола. На удивление Калли, он быстро встал с места, оставил в покое её тело и обнял Мелинду, на что Агнес одобрительно кивнула. Калли же просто улыбнулась всем и стала уносить всё со стола в дом.

Кол попрощался с семейством и усадил их машину. Со спокойной душой он тихо зашёл в дом взял бутылку бурбона, пачку сигарет и пошёл обратно в беседку. Ночь была великолепная, тихая, спокойная и светлая. Он сел в беседку на скамью, выключил фонарь и закурил. Сейчас он был невероятно спокоен и умиротворён.

Калли составив все тарелки, пошла, искать Кола, она желала получить от него объяснений. Дома она его не нашла,

хотя отчётливо слышала звуки открывающейся двери и шагов. Она вышла на улицу и увидела в темноте огонёк от сигареты.

– Кол, это ты? – крикнула Калли, подходя к беседке.

– Ты хочешь увидеть на моём месте кого-то другого? – ответил вопросом на вопрос Кол. Она улыбнулась и села к нему, вблизи она отчётливо видела его кривую улыбку. Он сидел, полусогнувшись, уперев локти в стол.

– Что это было? – спросила Калли, сев ближе поджав ноги под себя.

– О чём ты? – равнодушно спросил Кол, наливая бурбон.

– Почему ты не можешь нормально ответить?! – разозлилась Калли.

– Почему ты задаёшь так много вопросов, вместо того чтобы просто поцеловать меня? – спросил Кол и посмотрел ей в глаза. Она застенчиво придвинулась к нему и нежно, ели касаясь, поцеловала его губы. – И несмотря ни на что ты остаёшься всё такой же хрупкой и невинной, – прошептал Кол.

– Да? – весело прошептала Калли и села к нему на колени, обняв ногами его торс. – Я всё ещё хрупкая и невинная?

– Конечно, – засмеялся Кол и отстранился назад, положив её ноги по обе стороны от себя и облокотившись о стену беседки. – Осторожно, малышка, – прошептал Кол и приподнял бёдра, дав почувствовать Калли, как она на него действует.

– Зачем ты делал это со мной при них? – задала вопрос Калли, водя пальцами по его торсу.

– Захотелось, – своим ответом он шокировал её.

– А если бы они заметили?

– А если бы, да как бы... – закатив глаза, говорил Кол. –

Не заметили же. Вероятность того, что нас заметят в этой тьме больше, чем у них перед носом, – с улыбкой на лице сказал Кол.

– Ты такой беспечный. Неужели ты никогда не думал, что будет, если о нас узнают?

– Думал, – Кол выпрямился, их лица были в миллиметре друг от друга. – Меня это не волнует и тебя это не должно волновать. Калли, мы весь день не касались друг друга, сегодня твой день рождения, неужели ты хочешь ругаться?

– Нет, но... – он приставил палец к губам.

– Всё хорошо, – он прильнул к её губам. Он нежно целовал её губы, их языки ласкали друг друга. – Ну, вот... Это намного лучше, – прошептал Кол, отстранившись от неё.

– Я хочу большего, – с закрытыми глазами, наполнившись жаркой истомой, прошептала она.

– Действуй.

Она робко подняла на него свой взгляд, он ещё раз кивнул. Началась игра. Калли расстегнула своё платье и обнажила свою прекрасную грудь. Кол усмехнулся и приблизился, чтобы поцеловать упругие сосочки. Калли шумно вздохнула и облизала нижнюю губу, в ход пошли его зубы, теперь

он не только ласков, но и жесток. пытка продлилась недолго, и он отстранился опять.

– Что ты будешь делать дальше? – эротично прошептал Кол. Она опустила глаза и расстегнула молнию брюк, освободив его возбуждённую плоть.

– Помоги мне, – прошептала Калли. Он поднял её юбку, чтобы она ей не мешалась и вот Калли опустилась. Горячая плоть проникла в нее, и она потеряла голову от похоти.

– Вот так девочка моя, – прошептал Кол, припав снова к её груди. Она стала медленно двигаться, немного покачиваясь от наслаждения.

Сад тихого, ночного поместья заполнился редкими вскриками и шумными стонами. Она медленно двигалась на нём, а он покрывал её шею нежными поцелуями. Они полностью отдались страсти и не думали даже, что их уединение кто-то нарушил. Вы, наверное, уже успели забыть садовника Риккардо? Вы, наверное, думали, что он просто промелькнёт тенью в моей повести? Нет, у него есть роль, довольно значительная.

Так вот. Риккардо, который знал, что у Калли сегодня день рождения решил придти к ней в ночи. Он взял фонарик, подарок и цветы и пошёл по пустынным улицам Флоренции. Он подошёл к знакомым воротам и тихо вошёл. Он был уже на крыльце и хотел войти, но услышал стоны. Итальянец усмехнулся и потянулся к ручке, но тут, же оторопел когда понял, кому принадлежат они.

Шёпот листьев принёс голос Калли, который шептал имя – Кол. Из рук бедного влюблённого выпали презенты, и он побежал сломя голову к беседке.

Там на столе лежала Калли, а Кол, лаская её тело языком, жёстко врезался в её лоно. Нежданный гость, глупец, ты должен был бежать, а ты встал у беседки, да ещё и засветил фонариком в лицо демону!

Калли заметила его первой и пихнула Кола, прикрывая своё тело.

– Кол, – дребезжащим голосом прошептала она, быстро приводя себя в порядок. Кол быстро выпрямился и застегнул брюки, его взгляд впился в бедолагу. Беги! Чёрт, не слышит...

Кол вёл себя в свойственной себе манере – как будто ничего не случилось. Он заправил рубашку, застегнул на все пуговицы, помог спуститься Калли со стола.

– Что ты тут забыл? – спросил Кол, закурив сигарету. Калли нервно косилась на него, она не понимала, почему он так спокоен... Дорогая моя, его спокойствие – всего лишь видимость.

– Вы не "отец" и "дочь", – шептал Риккардо.

– И кто же мы? – смеясь, спросил Кол.

– Вы русские шпионы. – Ой, дурак... – Я доложу о вас в министерство, – Калли была в шоке от его заявочки. По правде говоря, Риккардо так и думал, он начитался газеток и теперь во всех подозрительных людях видит шпионов. Кол

засмеялся и резко подошёл к нему вплотную.

– Ты и вправду побежишь в министерство?

– Да! – он ещё и грудь выставил вперёд, вы поглядите на него! Индюк не общипанный!

– Тогда я убью тебя, – совершенно спокойно сказал Кол. И тут глупец побежал, но было поздно. Кол настиг его у противоположно стороны дома. От слов Кола у Калли выступили слёзы, она не хотела зла, она не хотела снова бежать в другую страну. Они скрылись в сумраке, и она побежала за ними, она хотела помешать Колу.

Каллиста завернула за угол, на земле лежал Риккардо, а на нём сидел Кол и бил его кулаками в лицо.

– Кол! Прошу тебя! Не надо! – она потянула его за рукав, но он отшвырнул её. Калли не унималась, и он встал с места, пнув глупца прямо в лицо, и подошёл к ней.

– Зачем ты лезешь? – прорычал Кол и схватил её за грудки.

– Не убивай его, – плакала Калли.

– Нет, – прошептал он и ударил её по лицу. Он бросил её на землю и снова принялся за мальчика, рыча проклятья. – Принеси лопату! – крикнул он Калли, а маленькая девочка лежала на земле и плакала от боли. Этот удар заставил её вспомнить. Теперь рядом с ней не Кол Майколсон, а генерал Гейн Хален из концлагеря. Как-то он тоже так жестоко избил её, но перед этим был ласков и добр. После его кулаков, она и потеряла веру в доброту людей.

Кол крикнул ей ещё раз, но она его не слышала. Он поднялся, схватил её за шею и потащил в дом. Она рыдала и царапала его руку, но он будто не чувствовал боли. Он отпустил её в гостиной и пошёл за лопатой. Она лежала на полу и не шевелилась, несколькими минутами ранее они любили друг друга, а сейчас...

Он взял лопату и, насвистывая какую-то мелодию, пришёл на то место, где оставил садовника, но его там не оказалось. Кол выругался и пошёл искать беженца, благо уйти он должен был недалеко. У дорожки к воротам, Кол его нашёл.

– Так, так, так... вот я тебя и нашёл, – прошептал Кол зловещим голосом. Он пнул мальчика и тот перелёг на спину и тут последовал роковой удар. Кол занёс лопату над его горлом и что есть силы, ударил. Железо пронзило кожу и аорту, алая кровь брызнула на Кола. Риккардо умер быстро.

Кол закопал его на заднем дворе и со спокойной душой вернулся в дом, только сейчас он стал чувствовать боль. Его кисти были избиты в кровь, так что он даже не мог пошевелить пальцами.

– Калли! – крикнул он, заходя в гостиную, а она уже вжалась в угол между диваном и креслом. Но в больший ужас она пришла, когда увидела его. Всё его лицо и рубашка были в крови. От испуга она вскрикнула, но тут же закрыла рот руками и слёзы полились из глаз. И в этом образе она увидела не Кола, а одного из заключённых концлагеря. В один из дней её пребывания, один из заключённых сошёл с ума

от голода и набросился на другого. Это был первый случай каннибализма, и рот, и грудь первого были в крови.

– Не подходи ко мне, – прошептала Каллиста, но разве он послушает... Кол стал подходить к ней, а она стала кричать и забиваться в угол.

– Мне нужна твоя помощь. Посмотри на меня! – крикнул Кол, запястьями развёл её руки в стороны. Она медленно подняла голову и заглянула в его глаза – они остались всё теми же. – Я не могу пошевелить пальцами. Помогите мне вымыться и обработать руки.

– Хо... хорошо, – прошептала Калли и, трясась, как осиновый лист пошла в ванну.

Она быстро наполнила ванну, он стоял позади и молча, наблюдал за ней.

– И раздеть? – не оборачиваясь, спросила она.

– Да, – ответил он. Калли робко подошла, не поднимая на него своего взгляда, расстегнула окровавленную рубашку, сняла её, сняла брюки, боксеры и носки. Он, молча, залез в ванну и стал изучать её лицо.

– Наклони голову, – и она умыла его лицо, подбородок и шею. Вода медленно становилась красной и Калли не смогла сдержать слёз.

– Почему ты плачешь? – спокойно спросил Кол, пока она намыливала губку.

– Потому что мне больно, – прошептала она и села на колени перед ванной.

– Ты сама виновата, – прошептал он.

– Разумеется, – шоркая спину, ответила Калли.

– Ты не должна обижаться.

– Ты не должен был его убивать, – отозвалась она, в то время как бережно смывала кровь с пораненных рук.

– Он сам виноват.

– Все вокруг виноваты, только не ты, – усмехнулась Калли, он наклонился и хотел поцеловать её, но она оттолкнула его. – Нет. Сейчас я могу сказать тебе – нет.

– Сейчас? Как будто я к тебе никогда не прислушиваюсь, – Кол начинал злиться.

– Когда тебе, что-то сильно нужно, ты всегда это берёшь, – она встала за одеждой и полотенцем, оставив Кола одного со своими мыслями. Через несколько минут она пришла, но для Кола прошло гораздо больше времени...

– Ты обязана мне всем. Своей жизнью, если бы не я ты бы сгнила в стенах той лечебницы. Своим благополучием, конечно за исключением нескольких эпизодов, как этот, например. Своею образованностью, если бы не я ты даже читать не умела бы. Без меня, ты пропадёшь. Ты обязана мне всем, а я прошу взамен просто любить меня... А тут оказывается, я принуждаю тебя спать со мной и целовать меня. И ты меня не любишь, лицемерная тварь, – он сидел в ванне и смотрел в одну точку. Калли молча, проглотила его слова и стряхнула слезу.

– Вставай, – он вышел из ванны и встал напротив неё. Она

быстро вытерла его и одела. – Пойдём, я обработаю твои руки.

Он, молча, прошёл за ней. Каллиста привела его в спальню, на кровати уже лежала аптечка. Кол сел на кровать, а Калли почему-то опустилась на пол и встала на колени около него.

– Тебе нечего мне сказать? – она бережно обрабатывала его кисти и дула на раны, когда заливала их перекисью.

– Почему так происходит, Кол? Час назад, я была счастливее всех живых, а сейчас я раздавлена. Почему так? – она перешла ко второй руке. – Ты меня не правильно понял, ты никогда не принуждал меня спать с тобой. Только тогда в первый раз и всё, – она расстелила постель. – Ложись, – он послушно лег, она его накрыла одеялом. – Почему всё не может быть радужно, как в книгах? Почему мы испытываем столько эмоций? Почему мы сами друг друга разрушаем?

Она закончила свою речь и пошла к выходу.

– Куда ты? – поднялся в кровати Кол.

– В гостиную. Сегодня я буду спать там, – ответила она.

– Ты не любишь меня?

– Если бы не любила, то убежала бы, пока ты был в ванной.

– Я увижу тебя утром?

– Утром и узнаешь...

– Калли, что во мне не так?

– Ты сумасшедший, – закрывая дверь, сказала она.

Часть 16

Я с ранних лет знал, что буду изгоем.

Я понял это, именно в этом возрасте когда мне было шестнадцать лет, в этом возрасте я понял кто я такой. Естественно я и до этого знал, но картинка стала целостной. Мне говорили, что я изменюсь, когда мне будет лет тридцать, что мыслить я буду иначе, и взгляды на жизнь будут иными...

Но посмотри на меня, разве я изменился? Я уже перешёл тридцатилетний порог и внутренне совершенно не изменился. Я ведь всё тот же шестнадцатилетний юноша, лишь жизненного опыта больше, но это мало что меняет.

Что-то я забылся, вернёмся к началу...

Да, я был изгоем. Изгоем в обществе, а так у меня были друзья, семья и любовь. Но и в кругу своих я был, к сожалению, чужим, потому что я мыслю иначе. Знаешь, все мне говорили, что моё отношение к жизни неправильное. Отчасти я соглашался с ними, и признавал своё сумасшествие, но с другой стороны – я знал, что в этой огромной толпе людей только у меня открытые глаза. Я уходил из крайности в крайность, то чувствуя всё настолько остро, что впадал в истерию, то ничего не чувствовал, будто окутанный холодной вьюгой.

А я ведь действительно сумасшедший, потому что только сумасшедший может видеть жизнь обнажённой. Я говорил о

своём недуге, наверное, всем, только представиться возможность, но мне никто почему-то не верил. Они думали, что я шучу. Глупцы. Я не скрою, я сам отстранялся от людей, много времени проводил с животными, с природой, с собой. Многие люди, были для меня раскрытыми книгами, я знал их и мог пользоваться ими, но почему-то не хотел. У меня нет души, я совершенно точно это знаю. Ты возражаешь? Но зачем? Ты говоришь, что душа, есть у всех и выше сказанное мною подтверждает это, но это не так. Все мои жизненные принципы и взгляды, не присущи человеку с душой.

Ты бы влюбилась в меня, если бы повстречалась со мной молодым. Я был неутолим, страстен и шёл против системы, против общества, против всех. Ты скажешь, что это юношеский максимализм. Глупышка. Я видел их пороки и шёл против них, я видел тайную прелесть и тяготел к ней. Окружающие делали всё наоборот. Я был никем и в тоже время, внутри меня была вселенная. Я был неправильный, но самый честный. Я сам построил своё одиночество, ведь я никого не держал, ни за кого не держался и не ценил.

Я был зол на всех, и улыбался каждому дню. Я говорил только правду и не пресмыкался не перед кем.

Вот немного описания моих юношеский лет, того каким я был, как я говорил выше – я не изменился с тех пор. Я всё такой же бунтарь, я всё так же вижу насквозь. Я ни капельки не изменился.

Дорогая, я урод внутренний. Я не признаю никакого и ни-

что, я тяготею к тому, отчего бегут все. Я сумасшедший. Я неправильный.

Вот мнение моё о себе, что странно оно совпадает с мнением общества. А что же думаешь ты?

Она спокойно, но быстро вышла из спальни, плотно закрыв за собой дверь. Каллиста приложила свой горячий лоб к прохладному дереву. Какая грозовая туча нависла над ними снова... "За что все эти испытания?", – спрашивала она у пустоты.

Каллиста стояла в пустом, тёмном коридоре и тихо плакала. Она старалась быть тише мышки, чтобы зверь за дверью, её не услышал и не выбрался из логова. Она ели сдерживала рыдания и будто даже не дышала, а слёзы были тихие-тихие.

Она простояла у двери некоторое время, прислушиваясь за тем, что происходит в спальне. Впервые минуты он вставал с кровати и подходил к двери, она слышала, как он прикасался к ней руками, слышала его дыхание и шёпот. Её сердце чуть ли не выпрыгивало из груди от страха, но к счастью он обратно лёг в кровать. Калли ждала, пока он уснёт, она прождала половину часа и тихо вышла из дома.

На улице было прекрасно – тихо и спокойно. Лёгкий ветерок давал прохладу и успокаивал. На улице не было ни души, на небе царствовала одинокая, полная луна и всё вокруг освещала.

POV Каллиста

Как же свежо и хорошо на улице, будто ничего и не случилось. Я вышла из дома и пошла в беседку, там всё осталось не тронутым. На столе стоял коньяк, стопка, пачка сигарет с зажигалкой и пепельница, в памяти восстал картина, как он совсем недавно сидел здесь и курил. Он пьёт коньяк, когда ему плохо или беспокоят дурные мысли. Может и мне он поможет? Я села на скамейку с ногами и налила себе немного пьянящей жидкости, с прекрасным ароматом. От него так же пахнет...

– Хватит! – сказала я себе, – хватит видеть его во всём! – ругала я себя и, сделав глоток, тут же выплюнула жидкость. – Боже, какая гадость! Как он пьёт это?! – я поставила стопку на стол и легла на скамью.

Что мне делать? Сделать вид, что ничего не случилось и жить дальше? Но я так не смогу.

Что мне делать? Уйти? Но куда я пойду? Я же совсем не знаю мир и людей. А если всё-таки я уйду? Он найдёт меня и сделает что-то страшное...

Что мне делать? Я не могу уйти, но и оставаться здесь не могу. Я люблю его с такой же силой, с какой и боюсь. Моя любовь сильна, так же как и страх. Возможно, ли любить и бояться? Не в одной книге об этом не написано...

Что мне делать? Я помню его добрые, чистые глаза в нашу первую встречу. Наверное, тогда я уже начала влюбляться в него. Эти глаза я видела часто, когда он оберегал меня, ухаживал за мной, целовал меня, даже когда учил чему-либо.

Но забыть я не могу тех холодных, безумных глаз, когда он становился таким жестоким и холодным. Это как будто две противоположные части, которые я люблю. Да, я люблю обе его половины и жестокую, и ласковую. Ласковую я любила за добро, а жестокая чем-то меня пленила.

Что мне делать? Я не могу уйти. Я слишком сильно люблю. Я не могу его оставить.

После долгих раздумий, я вернулась в дом, приближался рассвет. Мне нужно было перебить неприятный привкус во рту, после неудачной попытки выпить. Он мирно спал и я с облегчением вздохнула. Тихо, на цыпочках я прошла на кухню, нужно было приготовить чай. Пока он заваривался, я решила приготовить завтрак. Подготовка успокаивает, так и получилось, я практически забыла о случившемся. Чай готов, я налила себе кружечку горячего и вышла на крыльцо.

Вот он и рассвет. Какой же свежий воздух. Что это? На крыльце разбросаны какие-то вещи. Это был букет цветов и подарочная коробочка. Боже мой, это от Риккардо. Я села на крыльцо и стала распаковывать коробочку, в ней был пакетик с семенами и старинный перстень, на верхней части которого был чёрный камень с белым крестом. К коробочке была записка – " Дорогая Каллиста, надеюсь, вы вспоминали обо мне. Сегодня ваш праздник, примите эти скромные подарки. Посадите семена, вами ненавистных роз. Я верю, когда вы будете видеть, как они растут и становятся всё краше и краше, ваше отвращение к ним пропадёт. Этот перстень прими-

те, как знак моих к вам чувств. Не выкидывайте его, прошу, это ведь семейная реликвия. С любовью, ваш садовник". Так странно, записку, будто не он писал. В живую он прост, без излишеств в словах, а в записке, как будто романтик восемнадцатого века. Странно. Как это ужасно, он шёл ко мне с романтическим образом в голове, а обнаружил стонущую на столе под телом хозяина. Мне его жаль. Его вера и надежда умерли в один момент, а через несколько минут был убит и он сам. Да, он сказал про нас нелепицу, но чувства, порождённые мною, никуда же не ушли. Я приму кольцо и посажу семена на его могиле, в знак его просьбы, получившейся предсмертной.

Я просидела на крыльце с полчаса, пока пила чай и размышляла о жизни, а потом пошла, садить семена.

Конец POV Каллисты

POV Кол

Я проснулся от надоедливого солнца, которое ещё толком не успело встать, но уже слепило глаза. Ели как я встал с кровати и, пошатываясь, прошёл в ванну. Голова ужасно болела. Я умылся холодной водой, но это не помогло. Что вчера было? Со мной иногда такое бывает, я могу забыть, что было накануне. И сейчас я стоял перед зеркалом и вспоминал, что вчера было. Как же болит голова... Так, одет я в спальное, значит, был в состоянии переодеться. Лицо целое, значит меня никто не бил. Руки перебинтованы, значит, я

кого-то бил. Ну, твою ж мать... Что я опять натворил?

Стоп! Где Калли? В спальне её нет, но руки точно перебинтовывала она, некому больше. Где Каллиста?! Вспоминай чурбан, что ты натворил вчера?! Я стал метаться из комнаты в комнату – нигде Каллисты не было. На кухне стоял, замечательный завтрак – она его приготовила. Только сейчас я понял, насколько проголодался. Я сел за стол и за обе щеки стал уплетать завтрак, приготовленный Калли, а она уже скоро перегонит меня в мастерстве готовки. Может она оставила мне записку – нет, не оставила. Что было вчера? Вспоминай, вспоминай, вспоминай...

Так. Я пришёл позже, чем обещал, подарил Калли цветы, они в спальне. Эта семейка опять меня довела, значит, я кого-то из них ударил... Нет! Я помню, как "выпроваживал" их и все были целы. Что было потом? Хм... мы с Каллистой о чём-то разговаривали, она так мило злится. А потом... Что было потом?

Чёрт! Что я наделал? Я схватился за голову, и я вспомнил всё. Как я мог? Как я мог ударить её и сказать столько глупостей?

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! – матерился я, на чём свет стоял. Я стал метаться по кухне, как зверь. И уже еды мне не нужно было, мне нужно было знать только одно – где Калли...

Я вышел из кухни и осмотрел дом, все её вещи были на месте. Где же она сама? Я вышел на крыльцо и увидел открытые ворота. Моя малышка ушла...

Конец POV Кол

Пока Кол метался по дому, круша всё на своём пути, Калли спокойно садила семена, напевая какую-то мелодию. Он не побежал вдогонку, как предполагала Калли, он остался со своей болью один. Дурачок, он ведь ещё не знает, что Калли за домом сажает цветы, а ворота открыл почтальон принёсший телеграмму от Ника. Нелепая случайность, но зато, какие последствия...

И представьте такую картину – Кол крушит стеллажи с книгами в гостиной, а Калли заходит в это время в дом и случайно громко хлопает дверью. Кол разгневанный выходит в прихожую и видит Калли в мятом вчерашнем платье, с растрепанными волосами, с руками по локоть в земле и синяком вдоль щеки. Она с фальшивой надменностью посмотрела на него, и ни сказав, ни слова прошла в ванну. Не верящий своим глазам Кол не мог отвести от неё глаз.

– Каллиста, – прошептал Кол, заходя за ней в ванну.

– Уйди. Мне нужно принять душ, – твёрдо, стойко произнесла она. Вы бы знали, каких усилий ей это стоило...

– Каллиста, – как немощный, который просит милостыню, прошептал Кол.

– Уйди, – повторила Калли и начала снимать платье.

– Мне что-нибудь тебе принести? – придя в себя, спросил Кол.

– Нет, – заходя в душ, ответила девушка.

Кол вышел из ванной комнаты, но далеко не ушёл, он встал прямо перед дверью. Он не хотел её упустить, он хотел с ней поговорить. Несколько минут назад, он думал, что она бесследно от него ушла. А сейчас? Она дома, и эта весть грела его больше всех на свете. Да, она обижена. Да, она зла. Да, их отношения могут на некоторое время стать невыносимо холодными. Да, она могла его разлюбить. Но, она всё ещё здесь и это главное. Он встал так, что выходя, она врежется в него и сейчас он терпеливо ждал её и слушал, как льётся вода.

Каллиста стояла под душем и плакала. Вот она и увидела своего демона. Вода смывала грязь, пот и усталость, но ей никогда не смыть боли и мучений. Её раны из прошлого зажили, оставив шрамы на коже. Она проводила по ним рукой и вспоминала, когда и из-за чего получала их. Все были получены просто так, из-за прихоти фрицев, из-за жажды заключённых. Она провела по лицу, щека сильно болела от вчерашнего удара. Из-за чего она его получила? Из-за того что хотела спасти невиновного, из-за того что любила и верила. Она стояла под напором воды и размышляла, что будет после того, как она выйдет из ванной комнаты. Он будет стоять на коленях или опять скажет, что она сама во всём виновата? Она размышляла над тем, как ей реагировать на него. Быть холодной или же попытаться простить и отпустить?

Она проплакала так ещё минут пять и решила выйти, пусть что будет, то будет. Она обернулась в одно полотенце

и замотала волосы в другое. Пора выходить.

Он думал над речью, как дверь отворилась и Каллиста оказалась в миллиметре от него.

– Выслушай меня, пожалуйста, – смиренно произнёс Кол, но Калли уже знала, что это сторона монеты может быстро смениться второй.

– Я хочу одеться.

– Конечно. Я подожду в гостиной?

– Хорошо, – они разошлись по разным комнатам. Она вошла в спальню и не узнала её – кровать была перевёрнута, тумбочки опрокинуты, шторы оборваны, трюмо опрокинуто, вещи на полу. Каллиста надела первую попавшуюся вещь – халат. В таком бардаке мало, что можно было найти. Она спокойно выдохнула и пошла в гостиную, где всё тоже было разбросано. Когда она входила, Кол поднимал последний стеллаж. – Что тут произошло? – удивлённо спросила она.

– Я думал, что ты ушла... – садясь в кресло, проговорил Кол.

– И поэтому тут всё разворотил. Что ж, пока будем убираться, будем разговаривать.

– Хорошо, – ответил Кол, но ему эта идея не понравилась. Он хотел видеть её глаза, хотел чувствовать её. А так? Ничего не понятно, но уже радуется то, что она не ушла. – Прости меня за всё...

– За что простить? – подбирая книги, нарочито спросила она.

– За то, что ударил тебя. За то, что был груб с тобой. За те мои поганые слова. За то, что я убил его.

– Твои извинения ничего не стоят. Риккардо не вернёшь. Мой синяк пройдёт, но когда-нибудь в скором времени или через лета ты ударишь меня вновь. Ты снова наговоришь мне гадостей. Ты снова будешь швырять меня, как игрушку, – со слезами на глазах чуть ли не шипела Каллиста.

– Тогда почему ты до сих пор здесь? – спокойно спросил Кол, встав перед ней и подняв её лицо, так чтобы видеть её глаза. «Раз я такой плохой, почему ты не ушла?», – спрашивал про себя Кол.

– Потому что я люблю тебя, – ни скрывая ничего, ответила она.

– Я тоже люблю тебя, Каллиста, – он хотел обнять её, но она отстранилась, – Я всё понял, я больше так не буду. Обещаю, верь мне! Ты не знаешь, какую боль я испытал, когда не нашёл тебя дома и увидел отварённый ворота. Я так боюсь тебя потерять, мой лучик света. Каллиста, я больше не причиню тебе боли. Прости меня, – как провинившийся ребёнок шептал Кол, на что Каллиста засмеялась, а он потерянно стал смотреть на неё.

– Хочешь услышать о моей боли? Который раз я слышу от тебя красивые слова, после которых ты "убиваешь меня", – отошла от него Калли и со злобными глазами полными слёз говорила. – В самый первый день ты сказал, что никогда не обидишь меня, но потом ты истязал мои руки и поцеловал

меня, а потом бросил на сутки одну в страшной серой комнате! И ты это сделал не, потому что я пыталась тебя убить. Потом ты извинился передо мной и отвёз в больницу к этому скотине! Не успел ты покинуть стены больницы, как он начал меня мучить! Ты забрал меня, спас, сказал много слов! Да, ты долго держался в роли хорошего доктора, "отца", но ничто не долговечно. У тебя сорвало крышу, и ты изнасиловал меня! А потом, снова запер в той чёртовой комнате! Ты увёз меня оттуда и вот последний случай, ты убил человека, ударил меня, наговорил гадостей! И всё это в мой день рождения! И опять ты просишь прощения?! Говоришь, что больше такого не случиться?! – она началась биться в истерике.

– Каллиста, – он хотел успокоить её, но она отбила его руку.

– Не прикасайся ко мне, – прорычала она. Её потряхивало из стороны в сторону от рыданий. – А знаешь, что забавнее всего? Я ведь действительно тебя люблю, поэтому всё прощала, поэтому всё принимала, поэтому не сбежала. Мои чувства всегда были искренними. Я люблю тебя и боюсь! Я боялась и боюсь! Ты самое дорогое, что у меня есть, но и самое губительное для меня. Я люблю тебя! Я безумно тебя люблю! Но и ненавижу тоже! Что ты из меня сделал?! Мой спаситель и мой убийца, – тихо плакала она, опускаясь на пол.

– Тише, тише, – шептал Кол садясь рядом с ней на пол.

– Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя! – в рыданиях кри-

чала Калли, ложась в позу эмбриона, Кол тихо лёг рядом и обнял её. Она начала толкаться и пинаться, а он лишь крепче её обнял.

Часть 17

"Обида – удел слабых..." ...

Эти слова принадлежат мудрому человеку. И я согласен с ним, как ни странно...

Обида сама по себе представляет собой слабость. Ведь с ней ты зацикливаешься на проблеме, на боли, на негативе, на человеке. Ты мучаешься и не можешь отпустить. Кислота, внутри тебя, медленно прожигает изнутри. В лучшем случае обида пройдёт, не оставив и следа. А в худшем? Она перерастёт в нечто большее, что как паразит будет убивать тебя. Ненависть, злоба, не способность двигаться дальше и ты теперь, как парализованный шагаешь по жизни. Обида и её последователи тянут тебя вниз, поэтому ты слабый. Потому что не отпустил обиду, потому что вцепился в злобу, будто это смысл твоей жизни. А ведь на самом деле, это невероятная тяжесть и только сильный человек способен отпустить обиды и с лёгкостью идти вперёд...

Я всё всем простил – всю боль и все обиды. Знаешь, мне и вправду стало легче, но не так чтобы очень... Понимаешь, на мне и без "обид" лежит слишком тяжкий груз...

Отпусти обиду и её последователей, и тебе станет легче. Просто поверь мне и прости их. Отпусти боль и тебя будет ждать покой...

Твоя душа избавиться от оков...

На полу, в глубине всего бардака лежали наши герои. Каллиста прижавшись щекой к прохладному паркету, всё ещё плакала. Кол аккуратно обнимал её сзади. Она всё плакала и плакала, а он лишь смотрел ей в затылок и о чём-то размышлял. В какой-то момент «психиатр Кол Майколсон» победил, наш герой встал с пола и пошёл в спальню. В спальне был полнейший беспорядок, всё перевёрнуто вверх дном. Кол поставил кровать на место, нашёл одеяло и подушку бросил их на кровать. У туалетного столика, на полу стоял его рабочий саквояж. Из него он достал маленькую таблетку, потом пошёл на кухню взял стакан воды и вернулся к Калли. Она лежала на своём месте...

– Калли, – Кол посадил её к себе на колени, состояние её было не важным, так сказать истерия измотала. – Открой рот, – она послушно приоткрыла губы, он положил ей таблетку на язык. – Выпей, – он поднёс к её губам стакан воды и она всё выпила. – Молодец, – он поцеловал её в лоб, она же подняла на него свои опухшие глаза, хотела что-то сказать, но уснула. Видите ли, та таблетка была снотворным. Он взял её на руки и принёс в спальню, положил на кровать и бережно укрыл одеялом. – Всё будет хорошо, я обещаю тебе...

– Но только сможешь ли ты выполнить своё обещание? – послышался знакомый голос позади.

– Ник? – в дверном проёме стоял старший брат Кола, неподражаемый и всех ужасаемый – Никлаус Майколсон.

– Что тут произошло? – Клаус обвёл комнату взглядом.

– Я вспылil, – ответил Кол, смотря в пол.

– Вспылil? – рассмеялся Клаус, – да ты полдома разнёс!

Пойдём, поговорим, не будем мешать спящей...

– На кухне, – проговорил Кол и пошёл вон из спальни, приход брата его ничуть не обрадовал.

– С чашечкой чая или рюмкой коньяка? – острil Ник.

– Это как дело пойдёт, – усмехнулся Кол, но на самом деле было не до смеха.

...

– Все твои вещи в спальне, как и вещи Каллисты. Вы спите в одной кровати? Объясни мне, – начал свой допрос Ник, усаживаясь за стол.

– Ник, всё очень сложно, – прошептал Кол, ставя чайник на плиту.

– Просто расскажи мне всё. На самом деле вы всё сами усложняете, – спокойно ответил тот, сложив руки на груди.

– Я даже не знаю с чего начать, – прошептал Кол, садясь напротив брата.

– Для облегчения повествования, я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай, – Кол кивнул головой. – Почему твои вещи в спальне Калли? – взгляд Ника будто пробивал всю внешнюю напыщенность Кола и смотрел на душу, совершенно обнажённую и непонятную.

– Потому что это и моя спальня тоже, – Ник удивлённо

вскинул брови.

– Помнится, раньше ты спал в гостиной, а спальня была полностью в распоряжении Калли.

– Всё изменилось, – пожимая плечами, ответил Кол.

– Изменилось? – прищурившись, спросил Ник.

– Мы стали ближе, – прошептал Кол, опустив голову. Что-то внутри не давало ему смотреть Нику в глаза. Страх? Стыд? А может совесть?

– Насколько ближе? – Ник всё глубже и глубже закидывал свои снасти.

– Слишком близко. Ты оказался во всём правым, – Ник рассмеялся и стукнул ладонью по столу.

– Вы любите друг друга, – торжественно прошептал Клаус, придвинувшись ближе. – Так что же произошло? Неужели ваш рай не продлился долго? – Но Никлаус уже понимал суть происходящего – его брат опять натворил делов, а под руку, впрочем, как всегда, попался близкий человек.

– Я как всегда всё испортил. После того, как мы признались друг другу, у нас всё было просто волшебным... – Кол замолчал и откинулся на спинку стула, закрыв лицо руками.

– Что ты натворил? Что произошло? – ох уж это любопытство...

– На её день рождение нас застукал садовник, и мне пришлось убить его, – он немного повёл скулами, помолчал, продолжил. – Она попыталась его спасти, поэтому я ударил её, а потом ещё наговорил много всего. На утро – она не хо-

чет со мной разговаривать, боится меня и у неё случилась истерика... – закипел чайник. Кол с облегчением встал из-за стола и пошёл готовить чай, но он кожей чувствовал разъярённый взгляд брата. Через несколько минут он поставил на стол две кружки горячего чая с бергамотом и сладости, оставшиеся с дня рождения Каллисты.

– Почему ты его убил? – отпив горячей жидкости и придя в себя, спросил Клаус.

– Потому что он мог рассказать о нас. Я не мог этого допустить.

– Почему ты ударил её? Почему причинил ей столько боли? – Клаус смотрел на своего брата сгорбившегося над столом. Ему было искренне жаль Кола, ведь это ужасно, совершать бесконечное число ошибок, видеть проблему и не знать, как справиться с этим.

– Я был пьян и не соображал, что делаю, – Ник печально закивал головой.

– В этом и есть твоя проблема. Ты совершенно не умеешь себя контролировать. Ты причинишь ей ещё больше боли, если не научишься сдерживать своего демона. Ты же психиатр, ты должен знать, как это сделать!

– Я постараюсь, – всё ещё не поднимая головы, ответил Кол.

– Стоп! Ты трахал её?! – округлив глаза, закричал Клаус, к счастью Калли этого не услышит, больно крепко спит. Только сейчас до Ника дошло, что "застукал садовник" – это не

"заметил их за интимным разговором" или же даже "целующимися"... Кол поднял голову и посмотрел Нику прямо в глаза.

– Да, – тихо ответил Кол, как мальчик-подросток.

– Чёрт возьми, Кол! Что ты творишь? Она ведь ребёнок! –

Никлаусу хотелось хорошенько врезать Колу, но от этого навряд ли бы что-то изменилось, проверено не однократно.

– Я знаю, – на выдохе ответил Кол и закрыл лицо руками, откинувшись на спинку стула. – Я знаю, что это не правильно и плохо, но я не могу себя сдерживать. Я не могу не прикасаться к ней. Раньше я мог себя сдерживать, а сейчас – она дала мне "зелёный цвет" и я потерял голову...

– Каково это? – успокоившись и съев кусок пирога, спросил Ник.

– Ты о чём? – не сообразив, спросил Кол.

– Что ты чувствуешь, когда трахаешь, целуешь её?

– Жажду, мне мало. Мне хочется завладеть ею всей. Я что-то делаю, и мне кажется, что вот она моя, но этого оказывается недостаточно. И так снова и снова... Она волшебная, невероятная и доводит меня до безумия.

– Через твою постель прошло столько баб. Разве тебя можно ещё чему-то удивить? – с сарказмом проговорил Ник.

– Они не то, – засмеялся Кол, – пустышки. Трахнул, покурил и забыл. А Каллиста другая, с ней хочется не только заниматься любовью, но и просто жить, готовить завтраки...

– Да, после этой истории будете крепче закрывать двери, –

закурив сигарету, проговорил Ник.

– Он застучал нас не в доме, – с юношеской улыбкой ответил Кол, допивая чай.

– А где? – удивлённо спросил Ник.

– В беседке, – таинственно прошептал Кол. – После праздника я решил немного побыть один, покурить в тишине и темноте. Калли пришла ко мне, чтобы поговорить. Наш разговор долго не продлился, и мы занялись "этим" на столе, ну сначала на скамейке, – Кол расслабился и сейчас озорно рассказывал о своих шалостях.

– Как жаль, что сексом нельзя заниматься вечно! – вскрикнул Ник и оба брата залились хохотом.

– Ник, я не хочу её терять. Поговори с ней, пожалуйста, – умолял Кол, доедая завтрак.

– Конечно. Я хочу нарисовать несколько картин с её изображением, как раз и поговорим, а ты не мешай.

– Хорошо-хорошо, – подняв руки, ответил Кол.

– И убери этот бардак. В конце концов, это мой дом, пусть и не по бумагам, но мой, – вставая из-за стола, грозно проговорил Ник.

Кол начал прибираться в гостиной, а Ник ушёл в спальню с мольбертом и карандашами. Он решил нарисовать много набросков картин карандашом, а дома в Лондоне закончить работы, и прислать одну или парочку картин им сюда во Флоренцию. Младший Майколсон приготовил Калли покушать и принёс поднос с едой, пока та спала. Никлаус ре-

шил нарисовать её спящей, такой умиротворённой с подносом горячей еды от заботливого мужчины на кровати.

Каллиста проснулась только лишь на закате, когда Кол убрался везде кроме спальни и сидел уже во дворе.

– Здравствуй Каллиста, – весело проговорил Ник, выглядывая из-за мольберта.

– Никлаус, я так рада вас видеть, – она хотела вылезть из-под одеяла и обнять Клауса, но тот остановил её жестом.

– Пока не закончу, ни уходи с кровати. Можешь пока съесть завтрак-обед-ужин, – улыбаясь и продолжая рисовать, сказал Ник.

– Но дома нужно убраться, – ставя поднос на колени, проговорила Каллиста.

– Ничего. Кол тут всё разворотил, ему и убирать, – с теплом, даже как-то по-отцовски улыбнулся Ник.

– Не совсем удачное время вы выбрали для приезда, – поедая кашу, прошептала Калли.

– Или наоборот мне тут самое место, – подмигнув Калли, ответил Ник.

– Зачем вы рисуете меня? – по-детски спросила Калли.

– Нужно запечатлеть такую невероятную красоту.

– Красоту? Разве я красива? – искренне удивилась Каллиста.

– Конечно, Калли. Неужели тебе никто не говорил об этом? Кол? – удивлению Ника не было предела, и он даже отвлёкся от картины. Последний вопрос заставил Каллисту

вздрогнуть, и Ник это заметил...

– Говорили, но мне кажется это, потому что я не похожа на остальных. Нет, не так. Вернее, моя внешность необычна и лишь, поэтому меня считают красивой. Если бы мои волосы были бы обычного цвета и глаза одинаковы, то тогда бы многие мужчины не пускали по мне слюни, тогда бы вы бы не рисовали меня...

– И Кол? – с горящими глазами спросил Ник, не дав Калли закончить свою речь. Да, она была не похожа на Булгаковскую Маргариту или Наташу Ростову Толстого. Но в ней есть что-то запредельное, и если бы даже она была брюнеткой с серыми глазами, то люди бы относились к ней так же.

– Что Кол?

– Кол бы тоже перестал пускать по тебе слюни? – её сердце стало, бешено колотится в груди. Она поняла, что Никлаус всё знает. Его душа ликовала, как же он любил разгадывать сложные загадки.

– Вы всё знаете, – с каким-то огорчением прошептала Калли. Для неё Никлаус стал неким папочкой, верным и мудрым другом и оттого, что он знает про эту связь, ей стало грустно и как-то стыдно.

– Знаю. Думаешь, Кол относится к тебе так из-за внешности? – Каллиста стала хмуриться и не могла ничего ответить. – Не думай так. Кол не из тех мужчин, которые любят за красоту. Поверь мне, вокруг него всегда ходило много красивых женщин, и он пользовался этим всегда, но, ни одну из

них не полюбил.

– А они его любили? – вдруг спросила Калли.

– Страшно как, – осуждающе покачал головой Никлаус, – они по нему с ума сходили, а ему было всё равно. Они бросались под колёса его машины, пробирались к нему в общежитие, когда он был студентом, писали любовные записки... Знаешь Калли, до встречи с тобой я думал, что он любить вообще не способен, но к счастью я ошибся.

– Может он и меня не любит? – принимаясь за чай, прошептала Калли.

– Любит, – немного помолчав, ответил Ник, продолжая писать картину, – я заметил любовь в его глазах, когда мы тебя забирали домой. Он с такой нежностью ни на кого не смотрел, а какой был в его глазах страх..мм, – одним глазом наблюдал за Калли Никлаус. – Тогда он ещё сам не понимал, что любит тебя, а я уже знал. И про тебя дорогая моя Калли-ста, я тоже сразу всё понял, – торжественно закончил Ник.

– Но нечего ведь было понимать, – начала злиться Калли.

– Было.

– Так почему же он меня полюбил? – уходя от темы, спросила она.

– Дорогой ты мой ребёнок, – с усмешкой произнёс Майколсон, – мы мужчины такие эгоистичные существа. Мы хотим, чтобы женщина от нас зависела целиком и полностью, дышала нами, была частью, как говорится в библии – ребром. Мы хотим, что бы выбранная нами леди разделяла с на-

ми всё от настроения в пасмурное утро, до взгляда на жизнь. Это в случае с настоящими мужчинами. Есть мальчики, которые хотят гнаться за не взаимностью и холодом, которые невыносимо глупы и, не видят, что есть настоящая женская любовь. Кола в этом смысле трудно понять, ведь до тебя он никак не реагировал на женщин, которые падали ему в ноги. Одна из причин, почему он любит тебя, это то, что ты не испорчена и не знаешь мира. Кол забрал тебя и сделал из тебя ту кто ты есть. Ты его творение, но и ты та кто ты есть.

– Если бы он встретил меня где-нибудь такую же молодую, образованную, то не полюбил бы? – испуганно спросила Калли.

– Боюсь, что нет. Не нужно выдумывать, что если бы, да как бы. Смотри, что твориться сейчас в твоём мире и не заморачивайся.

– Он всегда был таким? – отклонившись на спинку кровати и смотря куда-то в сторону, спросила Калли.

– Каким? – весело спросил Ник.

– Станным, необузданным, безумным и в тоже время таким замечательным...

– Конечно, нет, – посмеявшись, ответил Ник. – В детстве он был сущим ангелом. Пока он рос, то очень сильно зависел от окружающего мира. Когда он был ребенком, в семье всё было хорошо, мы действительно были семьёй, поэтому он был самым счастливым ребёнком, самым добрым ребёнком. А когда стал подростком, наша семья разваливалась, и

он стал ужасным. В студенческие годы, он наконец-то угомонился, стал таким Колом Майколсоном, которого ты знаешь. Он ничего не утратил, все качества полученные им сохранились. Вот так вот, – улыбнувшись, закончил Ник.

– Из-за чего ваша семья распалась? – Ник перестал рисовать, ему явно не хотелось говорить.

– Она ни то чтобы распалась, фактически она есть, но отношений семейных как таковых нет. Наш младший брат умер, поэтому всё так сложилось...

– Простите меня, – опустив голову, прошептала Калли.

– Тебе не за что извиняться, – улыбнувшись, ответил Ник. – Не злись на него, он не ведал что творит.

– Слышали бы вы, что он вчера говорил, – прошептала Калли, смотря в одну точку.

– Не заморачивайся. Это был бред сумасшедшего, – усмехнулся Ник.

– Нет, – прикусив губу, ответила Калли, – он и на самом деле так думает.

Ник не знал, что ответить, ведь она была права. В своих сумасшествиях Кол всегда говорил, что думал и делал страшные вещи с первобытной жестокостью. Он был страшен, его мозг был расчётлив, как у нынешних цивилизованных людей, а действия без замедлений.

Пока шёл этот напряжённый разговор, сей виновник был в саду, у могилы убиенного. Он сидел по-турецки перед свежей землёй, с сигаретой в руке. Он о чём-то размышлял, но

вдруг начал говорить вслух, будто мертвец его слышит.

– Ты сам виноват. В первый день, как я вас увидел, я дал тебе понять, что ты лишний. Но нет же... каков глупец... русские шпионы! – рассмеявшись, проговорил Кол. Вот же, насколько должен быть ужасен человек, чтобы смеяться на могиле убиенного, и не признавать своей вины в безрассудном убийстве, которого можно было избежать.

Но после смеха лицо убийцы переменилось, стало мрачным, и он закурил вторую сигарету.

– Ты ведь мог этого избежать, мог не приходиться в ночь или убежать, только увидев нас краем глаза, чтобы я тебя не догнал. Я тебя убил, а ты всё ещё портишь нашу жизнь. Почему ты не нашёл никого другого? Почему она? Красивых девушек много, бери любую..почему она? Ведь ты же не знаешь её, так как я... Чёртов итальяшка...

Кол гневался, огонь в нём клокотал, со зла он бросил бычок от сигареты прямо на могилу, туда, где Каллиста сеяла семена.

Дорогой мой читатель, понимаешь ли ты этого странного человека?

Он ещё немного посидел на могиле убитого, успокоился и пошёл в дом. В доме же царила уже совсем другая обстановка, Ник с Каллистой были в гостиной. Он рисовал её сидящую на кушетки с книгой в руках. Они о чём-то попутно разговаривали, "О чём-то смешном", – подумал Кол, услышав смех Каллисты, отчего на его душе вдруг стало теплее.

Когда он зашел, повисло молчание, Калли смотрела на него своими ясными глазами, а он не мог смело смотреть на неё. Он лишь заметил, что она одета в брюки и блузку, её волосы расчёсаны, а на лице нет следа слёз и печали.

– В спальне ещё не убрано, – сказал Ник Колу. Он понял, что сейчас пока они не могут находиться в одной комнате, заметив этот замечательный момент – беспокойный поворот головы Калли к Колу и её пытливый взгляд с полураскрытыми губами, робеющий Кол, который не может даже посмотреть ей в глаза. Он нарисовал это на полотне.

– Я как раз собирался, – быстро соврал Кол и быстрыми шагами ушёл в спальню.

– Ты ведь уже простила его, – с язвительной улыбкой произнёс Ник.

– Но он ведь, похоже, раскаивается, понял что натворил, – хмурив брови, прошептала Калли.

– Буду честен Калли, ему плевать, что он убил человека. Он только боится тебя потерять и сожалеет, что так с тобой поступил. Но это не значит, что нужно на него обижаться. Когда он выйдет из спальни, я не буду его выгонять... – Калли сделала вид, что не услышала его. Она смотрела в книгу, но мысли её были далеко от сюда. Она проворачивала в голове вчерашний и сегодняшний день, думала, как поступить и что делать. Ник, конечно, заметил это, но не стал её отвлекать и просто рисовал её прекрасные черты.

Кол убирался относительно недолго и уже через какой-то

час вышел из спальни. В его сердце поселилось желание поговорить с ней, ещё раз объясниться, расставить все точки над "і" . . . Он вышел из спальни, Калли всё ещё сидела на кушетки, а Ник всё ещё рисовал.

Несколько минут он просто стоял в стороне, они будто его не замечали.

– Можно мне посмотреть? – тихо спросил Кол у Ника, на что тот очень удивился.

– Конечно, – отодвинувшись от мольберта, ответил Ник. На полотне карандашом была нацарапана кушетка, на ней Каллиста. Она сидела по-турецки, на её ногах лежала книга, её руки покоились подле книги, а голова была повёрнута в сторону. На её милом личике такой желающий, молящий взгляд, а губы приоткрыты, что кажется, она что-то скажет. – Что скажешь?

– Я бы купил эту картину, – с улыбкой произнёс Кол, подняв голову и встретившись с Каллистой взглядом. – Но есть одно "но"!

– Что это ещё за "но"?! – всполошился Ник. Он терпеть не мог, когда критикуют его работы, да и честно сказать такого никогда не было. Ведь судья хорошо рисует, ну вы понимаете, о чём я . . .

– Оригинал в сотню раз красивее, – прошептал Кол.

– Не могу не согласиться, – потеряв подбородок, ответил Ник.

Оба брата начали смеяться, а Калли "обидевшись" на них

закрылась книжкой.

– Мне нужен ещё холст, – встав со стула, проговорил Ник, – скоро приду.

И вот они остались одни, Кол не стал медлить и сел напротив Калли на журнальный столик.

– Калли? – прошептал Кол.

– Да, Кол, – ответила Каллиста, не опуская книги от своего лица.

– Прости меня, – он прикоснулся пальцами к её кисти, – уберу книгу, – она положила книгу на столик и выжидающе посмотрела ему в глаза. – Я не хотел, чтобы так получилось, но я не смог сдержать свои порывы. Прости меня. Просто я не мог позволить ему уйти. Не мог, потому что ты всё для меня. Прости, что ударил тебя, – он протянул ладонь к её лицу, – это было ужасно и низко с моей стороны. И все эти слова, – он провёл ладонью по её щеке, – я хотел бы удалить их из твоей памяти. Я сказал их по-глупости, от обиды или ещё чёрт знает от чего. Такого больше не повториться, – Каллиста прикрыла глаза и положила свою ладонь поверх его.

– Ты сделал то, что сделал. Я простила тебя, но я не уверена в тебе. Не уверена, что ты больше никого не убьёшь, не ударишь меня. Ты протрезвел, остыл и стал другим, твой демон спрятался, а я вот прежняя...

– Я докажу тебе, я всеми силами буду стараться, вот увидишь, – Каллиста смотрела на него и вдруг из её глаз вытекла слеза. В этом деспотичном мужчине, она увидела того, о

ком рассказывал Клаус – добродушного, любящего, не имеющего толику зла мальчика Кола Майколсона...

Часть 18

На протяжении всей нашей жизни рядом с нами должен находиться человек, который всегда выслушает и поможет. Вы называете их лучшими друзьями, братанами, корешами, как угодно... Но мне кажется друзья, именно настоящие друзья, а не лицемеры, которые рядом когда им удобно и исчезают, не удосужившись, как твои дела, это такие, же частички нас, как любовная половинка. У меня никогда не было много друзей, пальцев одной руки хватит, чтобы их посчитать, но зато какие они были... Я был частью их, а они частью меня и это прекрасно. С весёлым другом – я был серьёзным, с дерзким – наивным, с серьёзным – беззаботным, и всего лишь с одним самим собой, не пряча каких-то сторон. Все они для меня дороги, ведь с одними я раскрывал свои стороны и лишь с одним не забывал, кто я есть. Лучший друг это тот с кем ты можешь поплакать, напиться горячительных, спеть все ретро песенки, начудить и, протрезвившись обрести душевный покой. Я ведь действительно так думаю, лучшего друга важно найти, равным счётом так же, как и любовь...

Остаток вечера наша дорогая троица провела в прекрасном расположении духа. Никлаус сделал много набросков картин. Они много смеялись, разговаривали, играли в азартные игры, в общем, о недавнем происшествии будто и забы-

ли.

На утро Ник уже собрался уезжать, т.к. работы всегда много и никому доверить её он не может. Кол, как благодарный брат пошёл его провожать до парома.

– Спасибо, что приехал, – сказал на прощание Кол, обнимая брата.

– Я чувствовал, что нужен вам, – нагло ответил Ник. – Ну, что ж прощайте. Ждите от меня картины, – заходя в поезд, крикнул он. Кол помахал рукой, засунул руки в карманы брюк, немного постоял на месте, раздумывая, что будет, когда он придёт домой, достал пачку сигарет из кармана пиджака, закурил и медленно пошёл домой...

Он медленно брёл по тротуару и размышлял о том, как примет его Каллиста, стоит ли к ней прикасаться, или пока не стоит, когда к нему подъехал чёрный «Кадиллак». Окно заднего сидения опустилось и из тёмного, прокуренного салона послышался мужской голос.

– Доктор Майколсон?

– Да, – удивлённо ответил Кол. – Что нужно? – наклонившись к окну, спросил Кол. Он старался разглядеть собеседника, но кроме шляпы, дыма и сигареты ничего не увидел.

– Садитесь в машину, – спокойно ответил незнакомец.

– Кто вы? С какой стати я должен садиться к вам в машину? – рассердился Кол.

– Я убедительно вас прошу, садитесь в машину, – сзади подошли три амбала и, прислушавшись к здравому смыслу

Кол сел в машину. Не успел он усесться, как машина тронулась с места, незнакомец предложил ему сигару, Кол её принял. Теперь он смог разглядеть своего собеседника, это был мужчина лет 50-60, седой, сероглазый, с длинным прямым носом и вытянутым худым лицом. Одет он был в серый костюм, шляпу в тон костюма и чёрные, начищенные туфли. Он курил сигареты марки "Мальбора", Колу они показались слишком терпкими.

– Куда же вы меня везёте?

– Не могу сказать, – не поворачивая головы и смотря вперёд себя, ответил незнакомец.

– Чёрт возьми, я могу хоть что-то узнать?! – разозлился Кол.

– Нет, не можете, – всё тем же спокойным тоном ответил незнакомец. Кол сильно нервничал, но не подавал вида и старался разглядеть в затонированных стёклах, куда же его везут, что ему не удавалось. Прислушиваясь, он понял, что они выехали за пределы города и едут по просёлочной дороге, на долю секунды его сердце сжалось от страха: " Мы едем домой? К Калли?", но поразмыслив, он понял, что они едут куда-то гораздо дальше их поместья.

В пути они пробыли где-то полтора часа. Машина остановилась, Кол открыл дверь и вышел на улицу, запахло пряностями – они были у побережья. Перед ним стоял огромный замок, с высоким каменным забором и коваными воротами. Напоминал его поместье, но в несколько раз больше и вели-

чественнее. Поместье было совсем недавно отремонтировано, похоже, даже электричество проведено. Кол в сопровождении незнакомца и охраны, прошёл через ворота и по каменной дорожке немного поросшей травой прошёл к входу в замок. В прихожей, которая между прочем была шикарно отремонтирована, встретил дворецкий.

– Скажи Господину, что мы пришли, – буркнул незнакомец и дворецкий откланявшись, ушёл прочь. Прихожая была довольно просторная с ковром на полу и огромной люстрой на потолке. Из мебели был только небольшой столик из красного дерева, на котором стояла корзина полевых цветов. В прихожей находилась лестница на второй этаж и две арки, одна из которых вела в просторную гостиную с камином. – Ступайте за мной, доктор Майколсон, – монотонно проговорил незнакомец и пошёл к лестнице. Они прошли на второй этаж, дальше свернули в западный холл и вошли в третью дверь слева. Комната была довольно большая, в ней стояло несколько шкафов с книгами, рядом стол, заброшенный разными бумагами, с обеих сторон стола стояли два удобных обтянутых кожей стула, немного поодаль стоял диван с креслом и журнальным столиком, на котором красовалась бутылка виски. Но особое внимание Кола привлёк глобус, стоящий около стола, он не мог понять, зачем он нужен. При этой комнате находился балкон. Когда Кол с незнакомцем зашли в комнату, на балконе находился какой-то человек. Это был мужчина лет тридцати, высокий, спортивного телосложения.

сложения, весьма приятный внешне, шатен, с лёгкой щетиной на лице, кареглаз и весьма импозантен. Он был одет в серые брюки, белую рубашку и красную жилетку. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и о чём-то размышлял и будто не заметил, что кто-то зашёл.

– Господин, я привёл вам доктора Майколсона, – громко, по-военному сказал незнакомец.

– Доктор!?! – насмешливо произнёс мужчина с балкона, – Луиджи, да это просто богатенький балабол! – Кол прищурился, этот голос ему знаком! Тут мужчина обернулся, и Кол не смог сдержать смеха – это был его старый – добрый друг Дон Сальери. Сальери подошёл к Колу, они обнялись, хлопнули друг друга по плечу.

– Сальери! Ах... ты неугомонный мафиози! Не мог просто приехать ко мне или позвонить? Обязательно нужно было так пугать?! – смеясь, возмущался Кол.

– Ты же знаешь, я люблю эпичные появления, – усмехнувшись и развалившись на диване, ответил Дон Сальери. – Присаживайся, – кивнул он Колу в сторону кресла. В это время растерянный Луиджи стоял у двери и совершенно не понимал, что происходит. Он думал, что они везут Кола, что бы подарить ему пулю в лоб, а оказалось, что они друзья. – Луиджи, можешь быть свободен. Никому ни слова.

– Хорошо, господин, – быстро ответил он и удалился.

Вы, наверное, хотите знать, что же это за фрукт Дон Сальери? Так я вам отвечу, что знаю о нём очень мало. Он глава

итальянской мафиозной группировки, которая распространилась по всему миру. Начал он ещё до войны, но в роли умелого торговца – поставлял оружие. После войны власть, деньги и знакомства с нужными людьми остались, и он сформировал свой клан. О его детстве, происхождении, даже о настоящем имени ничего не известно. Мафиозный клан – тайная организация, о которой все знаю, да и такое бывает в этой жизни, поэтому местонахождение штаба, имена союзников и т.д. строго засекречены.

Как же наш малец умудрился познакомиться с самим главой мафиозного клана?

Это случилось, когда Кол проходил практику, будучи студентом психологического факультета. Он был помощником у одного психолога в Англии. Мужчина он был не плохой, но охладевший к своей работе, и поэтому Кол зачастую принимал его клиентов в качестве специализированного врача, а не студента. В это время Дон Сальери был в Англии, у него были какие-то дела с морским флотом, и хоть он был занят работой, но страшно влюбился в одну интересную особу. Её звали Кейт, она была стройна, умна, невероятно мила и застенчива. Дон Сальери познакомился с ней в книжной лавке, где она работала. Она в мгновение ока очаровала его, но было одно "но". Очаровательная Кейт два раза в неделю посещала психолога, что Дону Сальери, как мужчине импульсивному и ревнивому очень не нравилось. Тогда он решил записаться к этому "чудесному" психологу, им и оказался наш

Кол. И Сальери был в дальнейшем приятно удивлён, т.к. Кол оказался прекрасным психологом. Потом он стал приходить всё чаще и чаще и они стали обсуждать всё, что происходит и происходило с ними, так они и подружились. В дальнейшем Дон Сальери вернулся обратно в Италию, и их дружба сохранялась на протяжении пяти лет редкими письмами.

– И когда ты собирался мне сообщить, что переехал во Флоренцию? – разливая виски по рюмкам, спросил Дон Сальери.

– При других обстоятельствах я бы первым делом нашёл вас, дорогой мой друг, – усмехнувшись и выпив виски, ответил Кол.

– Наслышан я об твоих "обстоятельствах", – подливая виски, улыбнувшись, ответил Сальери, – кто она?

– Ты следил за мной? – спокойно спросил Кол, совсем не удивившись и даже не рассердившись. Ведь слезка, для Дона Сальери обычное дело.

– Да, как только вы ступили на итальянскую землю, – усмехнулся Сальери. – Ну, сам подумай дорогой мой псих! Вдруг, ты приезжаешь во Флоренцию, об этом ничего мне не сообщив, потом оказывается, что у тебя тут поместье. При этом с тобой приехала чудеснейшая девушка, по документам являющаяся твоей приёмной дочерью. Когда я узнал это, я не мог поверить своим глазам! Вы меня страшно шокировали! Вот, я и поставил за тобой слезку. Я волновался за вас, – с неким возмущением говорил мафиози, отчего виски

выплёскивалось из его стопки.

– Мог бы просто придти к нам в дом. Ты же знаешь, от тебя у меня нет секретов, – с тёплой улыбкой и как-то по особенному произнёс Кол, будто отец говорит сыну.

– Ну так рассказывай, – раздражённо ответил Сальери и зазвонил в колокольчик, лежащий на столике. Через несколько минут в комнату занесли подносы с морепродуктами и разными закусками.

– Оперативненько, – вскинув брови кверху, проговорил Кол. – Придётся рассказать всё с самого начала, прошу не перебивай меня, – Дон Сальери молча кивнул. Их взгляды стали серьёзными, Кол отвернулся от друга, отпил виски и начал повествовать. – Насколько ты знаешь, когда я был в Англии, я работал в психиатрической лечебнице Номбери. Одним утром мне позвонил коллега и сказал, что привезли девочку с концлагеря, что она должна заинтересовать меня. Приехал и увидел ужасно напуганного шестнадцатилетнего ребёнка невероятной красоты. Номбери собрался её лечить уколами и таблетками, потому что она пряталась от людей и буянила, а она ведь была просто ужасно напугана. В конце концов, благодаря Никлаусу, моему старшему брату, ты ведь помнишь его?

– Да, он замял мне одно дело, – ответил Сальери, подливая виски.

– Ну, и вот, благодаря нему, я забрал её к себе. Дал ей имя. Помыл, обработал раны, забинтовал порезы, уложил в

тёплую постель. Наутро она чуть ли не вонзила кухонный нож мне в спину, пока я спал.

– Вот, те раз, – присвистнув, вскрикнул Сальери, от удивления, – и что дальше? – Кол немного помолчал и, осушив стопку, продолжил.

– Я сорвался и поцеловал её, а потом увёз в больницу, где, как я думал, ей будет хорошо, но я ошибся. Тогда я подумал, что не смогу ей помочь, потому что она стала у меня вызывать не профессиональные чувства. Через день или два, точно не помню, я приехал к ней и обнаружил её избитую и снова решил забрать, дал сам себе слово, что буду сдерживаться. Несколько месяцев всё шло хорошо, мне помогала сестра, мы научили её читать, писать, даже готовить, у неё прекратились приступы истерии. Она стала другим человеком, хотя даже когда я только-только её забрал, она не была глупа и умела разговаривать. Она стала настоящей леди, я был очарован ею. И когда всё было так прекрасно, когда я был ей как отец, как старший брат – я всё испортил, – и он опять замолчал.

– И что ж ты сделал? – подливая виски и ёрзая от любопытства на месте, спросил Дон Сальери.

– Я изнасиловал её. Подумать только, она с рождения жила в концлагере и никто не мог до неё добраться, а тут – я. Такой добрый и хороший, как она говорила, взял и лишил её невинности. На утро, пока мы спали, вломился докторишко, который мучил её в больнице. Он хотел убить меня и забрать

её. Пока мы дрались, Калли взяла пистолет и выстрелила в него, поэтому нам пришлось покинуть Англию.

– Калли? – спросил Сальери.

– Так её зовут, – прошептал Кол и достал пачку сигарет из кармана пиджака.

– Фу, что это? – брезгливо поморщившись, спросил мафиози.

– Мои сигареты, – сдвинув брови, ответил Кол.

– Пф, я не позволю, чтобы в моём доме курили подобную дрянь, – он встал с дивана и подошёл к столу, выдвинул ящик и достал оттуда коробку кубинских, запрещённых сигар. – На вот, настоящие сигареты, контрабанда в чистом виде! – Кол засмеялся и принял сигару, они вместе закурили, – Чувствуешь? Чувствуешь, как этот чудесный дым прожигает твои лёгкие?

– Я чувствую, что они уже прожигают мою печень, – старые друзья засмеялись, а для Кола и вправду сигары оказались крепковаты.

– Так значит, ты любишь её? – выпуская клубы дыма, спросил мафиози.

– Да, – с грустью ответил Кол. Ему не было грустно от того, что он испытывает это чувство. Нет. Он был огорчён тем, что в их отношениях снова разлад. Раздумья Кола нарушил дикий смех Дона Сальери. – И чего ты ржёшь? – с усмешкой спросил Кол.

– Кол Майколсон дамский угодник – влюбился в подрост-

ка! Вот анекдот! – и он всё смеялся и смеялся, согнувшись пополам и обняв живот. Кол соорудил недовольную и в тоже время обидчивую гримасу и отвернулся, от Дона Сальери, прихватив бутылку виски. – Прости, Кол, – просмеявшись, сказал Сальери, – просто я помню, когда ещё был в Англии, как проезжал по центру города на своей новенькой машинке и увидел, как по карнизу, в одних портках и с бутылкой коньяка, крались вы из окна очередной мадам.

– Ох, молодость моя молодость, – как старичок проговорил Кол, оба засмеялись. Дон Сальери потянулся за бутылкой, но она оказалась пуста.

– Какие мы всё-таки быстрые, – смеясь, весело проговорил мафиози.

– Не говори мне, что у тебя закончилась выпивка, – выпрямившись испугано, сказал Кол.

– Обижаешь, – тут Дон Сальери подошёл к глобусу и снял верхнюю часть – северное полушарие, – мы только начали. Мы ещё совсем трезвые, – внутри стояло шестнадцать бутылок монастырского кагора.

– С каких это пор ты пьёшь кагор?

– Это от моего давнего друга, – откупорив бутылку и достав два фужера из стола, сказал Сальери, – мы знакомы со школы.

– И откуда у него монастырский кагор? – спросил Кол, отпив вина. – К тому же такой прекрасный!

– Он сам его делает, он пастор при опустевшем монасты-

ре в Северной части Италии. Раньше был мужским монастырём, с виноградником, теперь же монастырь опустел и остался только Иосиф. Года два назад его попросили вести службу, проповедовать и прочее, теперь вроде, как церковь, всё как полагается.

– Ты общаешься с церковнослужителем? Ты и церковь? – Кол был шокирован.

– Ты что? Мы сегодня утром вместе пекли булочки! – засмеявшись, ответил Сальери. – Иосифа нельзя назвать простым священником! Он хоть и знает библию, читает заповеди, верует, но ведёт себя практически, как я.

– О, как! Грешный святой отец, значит? – мафиози одобрительно кивнул, Кол попал в яблочко.

– Знаешь, Кол, я сам не из правильных людей, но я не могу тебя не осудить. Нельзя так... Ты с ней, как с любимой игрушкой, – уже спокойно и серьёзно говорил Дон Сальери, – хотя Иосиф бы тебя не попрекнул, – усмехнувшись и отпив вина, прошептал мафиози.

– Сальери, я не горжусь собой. Я призираю себя, – выпив залпом, фужер вина, сказал Кол. Ну, что ж эти слова слишком громкие, чтобы описать чувства Кола. Он всего лишь сожалеет о совершённом и может чуть-чуть призирает себя, за ужасное обращение с Каллистой.

– И какие сейчас между вами отношения? – усевшись поудобнее спросил Сальери, после недолгого молчания.

– Мы вроде, как вместе, – сказал он это, как мальчик под-

росток у которого только-только появилась дама сердца, и он ничего не понимает в отношениях.

– Так да или нет? – иногда Дон Сальери становился прямо таки изувером. Взгляд его становился холодным, вопросы нескончаемы, а хватка, как у вора.

– Мы были вместе, любили друг друга, но нарисовался её воздыхатель. Он застукал нас за занятием любовью и я... – он сглотнул слюну, – убил его. Мы поругались, я, конечно, извинился, приехал Ник и мы втроём хорошо провели время, но я не знаю, как она меня встретит дома одного, да и встретит ли вообще... Она сказала, что я её спаситель и убийца... – он совсем опустил голову.

– Хлебни винца, – но чаще всего Сальери был весёлым, дружелюбным, компанейским парнем. А когда пьяненький, ведёт себя, как Наполеон – всё ему надо, всех он изловит, он самый главный и самый ужасный, при этом говорит на еврейский манер. Вот такая вот особенность, забавная. – Она приняла тебя после того, как ты изнасиловал её, почему же ты сомневаешься теперь...

– С тех пор, она изменилась. Теперь она сильная девушка, теперь она может дать мне отпор, – с печалью произнёс Кол. – Знаешь, она такая стервочка, когда злиться и смотрит так с прищуром. Она много читает, сама попросила меня научить её готовить, и всегда полна решимости. А как она ро-беет, когда я приближаюсь к её губам... А как она гримасничает... Знаешь, она ведёт себя иногда, как ребёнок, и я не

могу не улыбаться в эти моменты... Знаешь, она делает меня счастливым... Знаешь, она мне говорила, что я добрый, хороший, и все мои решения только во благо, как же я её предал... – Кол отвернулся от Сальери и смотрел куда-то вдаль и думал о ней.

– Просто поговори с ней. Нет ни одной проблемы, которая не решилась бы искренними словами и добротой в сердце.

– Так вот, как ты решаешь свои дела, – засмеялся Кол, обстановка стала разряжаться, собеседник тоже засмеялся. – За это я тебя и люблю Сальери, твои советы так просты и так полезны.

– Я хочу познакомиться с ней, – улыбнувшись и похлопав, Кола по плечу прошептал Сальери, – я же должен узнать ту, что нашла твоё сердце, – усмехнувшись и долив вина, весело проговорил мафиози.

– Так ты её ещё не видел? – Кол выпрямился, и удобно расположился в кресле, обернувшись к мафиози.

– Вид с машины через дорогу и вид лицом к лицу – разные вещи, – разведя руки в стороны, ответил он.

– Я, конечно, вас познакомлю, – тепло, улыбнувшись, сказал Кол. Этого ему не хватало – душевного разговора, чёткого совета, без разъяснений и прочей воды, дружеского плеча и простых только им понятных шуточек, которые так грели душу. – Чем же вы занимались, после того, как покинули Англию?

– Работал, – усмехнувшись, ответил тот, – Кол мне очень

нравиться моя работа. Пока я ездил по делам, то поведал весь мир. Знаешь, тогда, после ухода Кейт на меня напала эта... Как ты её там называешь? – Сальери замахал ладонью, в знак того, чтобы Кол ему помог.

– Депрессия.

– И я решил заняться Японией. Дела там идут хорошо до сих пор, тогда меня так поразила красота того мира, что я подумал: " Мир так великолепен и дарует нам многое. Я не позволю ей забрать у меня это". Я стал путешествовать, побывал в каждой стране, отовсюду привёз какую-либо вещь. И когда я обошёл весь земной шар, я понял, что ни один, даже самый прекраснейший клочок земли не сравнится с нашим родным домом, местом, которое пропахло воспоминаниями, людьми которые всегда нас ждут. Я вернулся в Италию и выкупил наше фамильное поместье, которое давным-давно мы утратили. Отремонтировал его и теперь у меня появился дом. Тебе, наверное, хочется вернуться в Англию?

– Да, там всё роднее, но Италия мне нравится, но люди здесь другие.

– Так вернись. В Англии никто тебя не разыскивает. А насчёт того покойного доктора, я могу разузнать.

– Не помешало бы... – с лёгкой улыбкой ответил Кол.

Широта тем для разговора была от личной жизни до политики. Они много разговаривали, пускали дыму, и пили кагор. Их посиделки продлились до часу ночи, но они бы сидели ещё дольше, если бы не кончился кагор. Они уже были

изрядно пьяны, но держались на ногах. Кол в смысле пьянки был слабее Дона Сальери, да он и внешне был меньше (немного ниже, и в плечах уже), да и опыта в распитии кагора совсем нет. Закончив свою пьянку они решили поехать к Колу. Оделись они с трудом, дворецкий помог одеть Сальери пальто и поправил шляпу одетую набекрень. Мафиози, любивший всё делать с большим размахом, решил ехать на лимузине в сопровождении двух машин с охраной вооружённой до зубов. И вот они уже на пороге, но Сальери вдруг остановился.

– Ну что опять? – раздражённо спросил Кол.

– Дама наверняка зла и мы таки не можем явиться совсем с пустыми руками, – ну вы помните о забавной особенности Сальери. Тут он взял корзину цветов, которая ещё днём приглянулась Колу. – Таки все женщины любят цветы, – как бы оправдываясь, сказал он, обнимая корзину.

Наконец они вышли из поместья, залезли в лимузин и, развалившись на сидениях, закурили. Они ни о чём не разговаривали, просто курили и смотрели в потолок. Водитель даже начал обеспокоенно поглядывать в зеркало заднего вида, вдруг им плохо станет или ещё что.

Когда лимузин был в минутах двадцати до скромного поместья Кола, наши пьяницы вдруг тихо заговорили и через несколько минут молниеносно выскочили из машины, благо водитель успел сбросить скорость и они не получили серьёзных повреждений. Водитель и охрана перепугались и высо-

чили на дороге помочь своему хозяину.

– А ну живо залезли в свои машинки! – крикнул Сальери, вставая на ноги, – мы сами дойдём, – засмеявшись, продолжил он. Кол тоже уже поднялся, отряхнул костюм и обнял Сальери за плечо, тот сделал то же самое и они пошли вперёд, машины тихо следовали за ними. Парочка пела и смеялась на всю улицу, благо прохожих не было. Таким образом, шатаясь, они за полчаса добрались до ворот дома.

– Ждать меня около дома! – грозно рявкнул Сальери своим подчинённым, те не могли его не послушать и тихо уселись в машины.

Калли же всё это время пока Кола не было, не покидала стен дома, даже на улицу не выходила. Она приготовила еду и планировала встретить Кола ещё в обед и поговорить с ним, но не на обед, не на ужин, не в двенадцать ночи он не объявился. Она не стала ничего предпринимать, т.к. знала, что это в духе Кола пропасть на некоторое время, да и не могла она ничего сделать. На протяжении всего дня она очень сильно переживала, всё думала и думала: "Где же он пропадает?". А её эмоции поочерёдно сменялись то грустью и отчаянием, то тревогой, то гневом. Она поела, почитала, опять прибралась в доме, потом опять почитала, и когда солнце зашло, она просто села на кушетку в гостиной и ждала его.

Часы пробили три ночи, когда Каллиста подскочила с места, услышав скрип калитки. Она ринулась к окну, быстро открыла его и наполовину высунулась наружу. Она смогла

разглядеть два силуэта, которые лежали в воротах и смеялись. Гнев заполнил сознание, она закрыла окно и пошла в коридор ожидать гостей, готовая их очень горячо встретить.

Почему же они лежали в воротах? Дело в том, что когда Кол открывал их, то не рассчитал собственных сил и упал, потянув за собой Сальери. Вставать однако, им обоим было очень тяжело, сначала они встали на четвереньки, а потом кое как на ноги. Шатаясь, падая и при этом, напевая какие-то песни, они наконец-то добрались до входа в дом. Сальери ещё держался на ногах, а вот Кол явно нуждался в опоре. Он, оперевшись лбом о дверь, достал ключ из кармана брюк, удивительно, как он его ещё не потерял. Естественно он не смог с первого раза вставить ключ в скважину, да и со второго тоже не смог. В итоге Дон Сальери взял ключ и отпер дверь. Он под руку взял друга, и они вошли в дом. Кол практически весел на нём, его голова была опущена, он уже спал на ходу, в прямом смысле слова. Они немного прошли и у входа в гостиную встретили Каллисту. Она стояла прямо, скрестив руки на груди и не моргая, смотрела на парочку. Сальери оцепенел на месте от её вида. А Калли же ещё сильнее разгневалась, увидев неизвестного мужчину в светлых брюках, расстёгнутой рубашке с грязными манжетами и жилете, в руках которого

был пиджак Кола. Хозяин дома же, как ей показалось, был в бессознательном состоянии в закатных по колено брюках и на половину расстегнутой рубашке.

Она развернулась и прошла в гостиную, Сальери с почти спящим Колом прошёл следом.

– Милейшая, я таки очень огорчён, что наше знакомство произошло в столь комичный момент, – придерживая Кола, который уже висел, любезничал мафиози с улыбкой на лице.

– Я не разделяю вашего веселья, – её лицо выражало только злость и невероятное раздражение. Сальери немного растерялся от её фразы, поэтому ослабил хватку и Кол свалился вниз головой на диван. Калли удивлённо изогнула брови и с неодобрением посмотрела на мафиози, – я таки ни в чём не виноват. Да, подливал, но он сам пил, – взмахнув руками и поднимая, Кола начал оправдываться он.

– Будь тише, Каллиста наверное уже спит, – пробурчал Кол, не поднимая головы. Губы Калли изогнулись в гневной ухмылке, теперь её взгляд прожигал только Кола.

– Я уверен, что она не спит, – почему-то Сальери уже не мог язвить или шутить, уж очень его пугал её взгляд.

– Что? – Кол поднял голову и тут же его пьяный, полусонный взгляд встретился с её гневным взглядом. – Дорогая, – улыбнувшись, прошептал он, – почему ты не спишь?

– Тебя дурака жду! – она развернулась. – Помогите мне его уложить, – сказала она Сальери, повернув голову на бок. Сальери был шокирован, прежде он не слышал, чтобы хоть одна женщина, даже очень обиженная на Кола так к нему обращалась.

Они прошли в спальню, Каллиста убрала с кровати одеяло

и покрывало.

– Кладите его на кровать. Я сама его раздену, – уже более спокойным и ровным голосом говорила она. – Пройдёмте в гостиную, я постелю вам там.

– Но... – Сальери хотел сказать, что около дома его заберут, но она не позволила ему продолжить.

– Я не могу позволить, чтобы вы в нетрезвом виде отправились домой, – теперь он уже не мог ей перечить. Сальери хоть был и пьян, но уже понял, почему Кол её полюбил. Хоть красота её действительно пленяет, но её характер сбивает с ног. – К тому же мне с вами обоими нужно будет поговорить утром, – с лёгкой улыбкой произнесла она, выходя из кладовки с подушкой, одеялом и простынёю. – Вам ничего не нужно больше? – постелив Сальери на диване, на котором ранее спал Кол, прошептала она.

– Нет, вы и так весьма великодушны, – улыбнулся Сальери. "Как же она мила", – подумал он, смотря на улыбающуюся Каллисту, – ванну я сам найду, – добавил он.

– Спокойных снов, – прошептала она и поспешила вернуться в спальню.

Когда Каллиста зашла в спальню, Кол спал на животе развалившись на кровати. Она прошла в ванную, и сменила простое чёрное платье на лёгкую сорочку.

– Может, ты ляжешь на спину, – крикнула она, встав около кровати. Он её не услышал, уж весьма крепко спал. Каллиста была слабой девушкой и поэтому с трудом перевернула его

на спину. Сначала она стянула с него обувь, потом носки. С брюками она провозилась дольше. Руки от злости тряслись, и она не могла расстегнуть пуговицу. И тут ей показалось, что если она сядет на него сверху, то ей будет легче. Она села ему на колени, и догадка оказалась верна – брюки наконец-то были сняты. Каллиста придвинулась ближе и стала расстёгивать рубашку, большинство пуговиц были сорваны.

– Мерзавец, – прошептала она и дала ему пощёчину. Злость ушла, но глаза Кола вдруг открылись. Каллиста испугалась и собиралась уже слезть с него, но не тут-то было. Кол крепко прижал её бёдра руками к паху.

– И что это мы делаем? – запинаясь, прошептал Кол. Язык его совсем не слушался.

– Ничего. Убери руки, – как же она злилась на него, но ещё больше на себя, за то, что оказалась в столь неловком положении. Одним движением Кол положил Калли под себя.

– Ты соскучилась по мне, да? – улыбался Кол. Их лица были в миллиметре друг от друга, Калли чувствовала этот зловонный запах табака и алкоголя.

– От тебя воняет, отстань от меня, – она отвернулась от него и упёрлась ладонями в грудь. Кол усмехнулся, одной рукой он взял её за запястья, а другой раздвинул ноги и лёг посередине. – Твой друг в гостиной, – шикнула она на него, извиваясь под его телом. Кол резко придвинулся к её лицу и поцеловал Каллисту. Его язык был нетороплив и нежен. Отвратительный привкус, напоминавший испорченный ви-

ноград заполнил её рот. Она вцепилась ногтями ему в плечи и попыталась, оттолкнись, но Кол вдруг и сам отодвинулся и положил свою голову ей на грудь.

– Ну, раз воняет, тогда спи, – прошептал он и запустил обе руки под сорочку Калли. Она заёрзала и хотела вырваться, однако Кол просто обнял её, – не ёрзай, а то я передумаю, – громче сказал он. Она не стала возражать, хоть ей было очень неудобно, но это всё же лучше, чем домогательства пьяного и вонючего мужика.

Каллиста уже стала засыпать, когда услышала звон, бьющийся посуды. Её ладонь правой руки лежала на голове Кола, а левая рука была под головой. Кол уже заснул и слюнявил её живот. И только виновник разбитой тарелки не спал. Он полежал на диване, однако давно он не спал так – как бедный родственник. Сон всё не шёл и не шёл, но зато голод настойчиво давал о себе знать. Сальери, человек не скромный, решил подкрепиться и пошёл на кухню. Холодильник ломился от вкусностей, но Сальери не стал наглеть и просто взял жареного цыпленка и какой-то салат. Он не стал разогревать еду, т.к. это могло разбудить прекрасную хозяйку. Оставаясь человеком хоть и пьяным, но культурным, он полез за тарелкой и вилкой. Первая попытка достать тарелку оказалась неудачно, как вы уже поняли, но он не расстроился и достал вторую, забыв убрать за собой осколки. Он сел за стол, нарезал себе хлеба, разрезал цыплёнка и положил салату, и наконец-то поел.

Каллиста мирно спала, под своим любимым. Кол мирно спал, уже на животе своей драгоценности. Дон Сальери тоже спокойно спал, после того, как наелся и нашёл коньяк Кола. Обитатели дома мирно спали.

Но не всем так повезло...

Не спали озябшие, голодные охранники Дона Сальери...

Часть 19

Вот и пришло время рассказать вам историю происхождения Каллисты. Вы знакомы с ней с момента появления её в клинике Номбери. А что же было раньше?

Коллега Кола, Джереми Гилберт был прав, когда предположил, что Каллиста это неудачная попытка сделать идеальную женщину.

Незадолго до начала второй мировой войны и на всём её протяжении, в Германии и на оккупационных ею территориях работали безумные немецкие врачи. Их головы, переполненные знаниями анатомии и научно-фантастической литературы, жаждали практики. Их кругозор был невероятен – вакцины от различных болезней, создание идеальной расы, биологическое оружие, создание идеального человека, различные опыты. И, конечно же, в это мрачное время они смогли попрактиковаться. Спросите: где? Я вам отвечу: в концлагерях.

Вначале 30-х, когда всё только начиналось, многие врачи изложили свои идеи в письменном виде и когда появились концлагеря, то многие из них оказались там. В одном из концлагерей Германии один безумный доктор стремился воплотить свой план – создание идеальной женщины. Она бы обладала прекрасным генетическим материалом, устойчивостью к различным опасным болезням, невероятным умом

и ангельской внешностью. Подбирались подопытные весьма приятной наружности. Их держали отдельно, хорошо кормили и не водили на работы. Началось всё с того, что подопытным ставили различные синтезированные вакцины, первое время многие умирали, но вакцины усовершенствовались, и смерти от них прекратились. Но возникла новая проблема – женщины не могли забеременеть. В весьма короткий срок эта проблема была решена. Доктор ликовал при виде округливших животов своих подопечных. За ними был круглосуточный присмотр, вдруг они навредят плоду. Но, как всем известно, против природы нечего тягаться. У половины случились выкидыши, у остальных родились мёртвые дети. Поговаривали, что профессор после очередного мёртвого ребёнка и с ним же умершей матерью сидел на полу, весь в крови и рыдал, сжимая в руках бездыханное тельце. После он совсем отчаялся и бросил свою затею, его глаза потускнели. Он всем своим существом желал покинуть это проклятое место, видно жив был ещё в нём человек. Зайдя в комнату, где ещё недавно он задыхался от радости и восторга, он, оглядывая её своим пустым взглядом и заметил одну совсем молодую, беременную девушку. Его брови задумчиво сдвинулись, её лицо искажала болезненная гримаса.

– Что с тобой? – спросил он, проходя меж кроватей.

– Я, кажется, рожаю, – прошептала дева на ломаном немецком.

Операционная ещё была не убрана, поэтому роды при-

шлось принимать на месте. Роды были тяжёлыми, матери понадобилось переливание крови, однако ребёнок был жив. Лицо профессора озарила радостная улыбка, он посмотрел на роженицу, её губы синели. Доктор приказал вколоть ей какие-то лекарства и привести её в порядок, а сам ушёл с малышкой в свой кабинет. Да, так родилась наша Калли. Но тогда у неё было другое имя – Ева. На дворе был 1940 год.

Он принёс её завёрнутую в собственный халат. Затем доктор помыл её в раковине, напевая колыбельную. Профессор прошёл вглубь кабинета и из комода достал крошечный костюм на новорождённых. Доктор аккуратно надел штанишки и кофточку, а малышка тихо дышала, не открывая глаза.

– Ева, – позвал он, и она открыла свои глазки. Они уже тогда были такими, как сейчас. Несмотря на её изъян, он нежно обнял её и понёс кормить. У доктора не было детей, до этого момента. Вскоре мать Евы (Каллисты) очнулась и вместе с доктором ухаживала за ребёнком. В пять месяцев, когда у ребёнка должны были быть уже какие-то волосы, у Евы не было ни единого волоска. Тогда доктор поставил ей какую-то вакцину в кожу головы и область бровей. Через несколько дней на голове и в области бровей вылезли мелкие красные волоски, которые стремительно росли. Когда Еве исполнилось, полгода приехало правительство, им не понравился результат опыта профессора, и они попросили – «избавиться от выродка». Конечно, он отказался, ведь она ему была, как дочь. Он думал, что всё обойдется, и они смогут мирно жить,

но не тут-то было. Когда Еве исполнилось два года, в концлагерь прибыла делегация, решено было «сдвинуть» доктора с поста, убить ребёнка и его мать. Профессор не позволил убить Еву и тогда ему сказали: «Тогда ты вместе с ней отправишься в концлагерь». Некогда уважаемый всеми доктор медицинских наук встанет в одну шеренгу с убийцами, ворами, политическими преступниками и просто обиженными жизнью людьми.

Так и случилось, но Ева была отделена от узников, вступивший на пост доктор так решил, ему было интересно, какой она вырастет. Иногда она была со всеми, тогда всегда с ней был наш былой профессор, которого прозвали Святым Отцом, под этим прозвищем помнила его и Каллиста. Она выросла, её, так же, как и профессора перевозили из одного лагеря в другой. К концу войны их вообще привезли в больницу для душевнобольных, где-то в Европе, там их и нашли войны – освободители. Клиника для душевнобольных была прикрытием – концлагерем для тех, кто не при каких условиях не должны познать свободу.

И подумайте, жизнь ведь даёт всем по заслугам. Хоть профессор любил и защищал Еву, дрался за неё, подставлялся под заточки и кулаки, отдавал ей свой хлеб, но своих грехов не искупил. За несколько недель до освобождения он умер. Профессор потерял сознание от голода, в то время, как стоял около старого окна. Он не упал назад на спину, он начал падать вперёд и окно не выдержало тяжести его тела. Он вы-

пал из окна пятого этажа.

Почему Калли увезли в Англию, я и сам не знаю, наверное, кто-то так решил свыше.

Вот она неизвестная вам история Каллисты, которую она сама плохо помнит.

...

Солнце уже давно поднялось над цветущей Флоренцией, времени было одиннадцать часов утра. Оно озарило лужайки вокруг домов, яростно залезло в окна и играло на глади воды. Свет лучей освещал самые сокровенные тайны на лицах людей и отражал в глазах глубину души. Спальня поместья Майколсонов не была исключением. Свет проходил сквозь тонкий тюль и плавными линиями ложился на кровать. Каллиста лежала на краю укутанная в одеяло. Малышка уже проснулась, её разбудил запах кофе, идущий с кухни. Она повернулась на бок к своему любимому, он лежал на животе и всё ещё спал. «Сколько же можно спать?!» – про себя подумала она и, поцеловав его в лоб, поднялась с кровати. Накинув халат и сделав конский хвост, Калли пошла напрямиком на кухню. Там давно проснувшийся Дон Сальери только-только сварил кофе и испёк блинчики.

– Доброе утро, – на пороге прошептала Калли, улыбнувшись Сальери. Он уже был в брюках и рубашке, незастёгнутой на все пуговицы и тапочках Кола. Он был совершенно

свеж и бодр, только волосы немного взъерошенные.

– Доброе, – широко улыбнувшись, сказал мафиози. Каллиста подошла к столу и по-детски стала вдыхать запах завтрака. – Кофе?

– Нет, мне нравится только запах, но от блинчиков не откажусь, – у обоих было прекрасное утреннее настроение. Похоже, они будут хорошими друзьями, если конечно Кол не будет ревновать.

– Тогда я поставлю чайник, – Каллиста кивнула и села на стул с ногами, Сальери уселся напротив и, отхлебнув кофе, завернул блинчик в трубку. Калли встала со стула, достала из холодильника мёд и малиновый джем и вернулась к столу. Они ели молча, Сальери то и дело посматривал на Каллисту. Он смотрел на её прекрасный разрез глаз, на изящность скул, на густоту кровавых волос. Он так бы и рассматривал её, если бы не закипел чайник, и ему пришлось встать.

– Зелёный с лимоном и корицей, – с улыбкой проговорила она Сальери, – на верхней полке в железной баночке, – он невольно обернулся к ней, удивлённо тараща глаза, а она, увидев его лицо весело, по-детски засмеялась. « И, конечно же, иногда ведёт себя как ребёнок... » – с ухмылкой на лице подумал мафиози. – Как вас зовут? – получив наконец-то свой чай, спросила Калли.

– Дон Сальери, – прошептал он поудобнее расположившись на стуле.

– Странное имя, – прищурился глаза и подняв уголок губы,

сказала Каллиста. – Извините за мою вчерашнюю грубость.

– Не прощайте, не обдумав последнюю грубость Кола, – вырвалось у Сальери, такое было с ним крайне редко, человеком он был собранным. Грубость, про которую заговорил Дон, это был багровый синяк вдоль левой щеки Каллисты.

– Многие женщины даже не обдумывают это, а сразу уходят, – опустив голову и облокотившись о спинку стула, ответила она.

– Вы правы, но откуда вам это знать? – внезапно их разговор стал слишком интимным. Каллиста не могла смотреть ему в глаза, а Сальери не мог отвести от неё взгляда.

– Я читала. У Кола дома и здесь большая библиотека, когда я одна, то практически всё время читаю.

– Какая была ваша первая книга?

– «Алиса в стране чудес», – с улыбкой на лице ответила она, – Кол учил меня читать по ней. – Сальери засмеялся, поняв всю иронию – сумасшедший даёт книгу о восхвалении сумасшествия. – Вы хорошо знаете Кола?

– Достаточно, чтобы удивится тому, что он влюбился в ребёнка, – с усмешкой произнёс Сальери. Каллиста опустила голову, свела брови, на её щеках заметались следа стыда.

– Вы порицаете это? – кротко спросила она.

– Я не могу порицать любовь, хоть и в таком изощрённом проявлении, – мафиози отодвинул от себя еду и, поставив локти на столешницу, сцепил пальцы в замок. – Я просто не могу кое-что понять... Почему такой красивый, нежный

цветок, как вы принадлежит такому хищнику, как Кол? – он решил задать вопрос в лоб. Не подумай читатель, он не придаёт друга, не является двуличной сволочью. Сальери – настоящий друг Кола, который может вот так, принимая все плюсы и минусы, открыто вести разговор, не вредя никому. Он отлично знал о сумасшествии Кола и поэтому не мог понять, почему она с ним. Почему красивая, совсем юная девушка не щадя своё тело, свою красоту, свою душу остаётся со зверем, который хоть и любит её, но своё естество никуда не спрячет. Что её держит? Страх? Нет такого страха, который пересилит страх за собственную жизнь. Глупость? Каллиста умная, юная женщина. Нужда? Когда идёт угроза жизни, то никакие блага цивилизации не удержат. Любовь? Как надо любить человека, чтобы переносить насилие и психологическое давление?

– Он спас меня от психиатрической лечебницы, поэтому я ему безмерно благодарна. Моя благодарность уже давно переросла в любовь, а может и с самого начала она была. Я не вижу себя, без него. Моя любовь сильнее, чем все его сумасшествия.

– Хорошо говоришь. Он тебя научил такие речи "толкать"? – со смехом произнёс Сальери. Нет, разумеется, он поверил её словам, просто высокий слог иногда бывает ужасно нелеп.

– Я просто много читаю, – с язвительной улыбкой ответила Каллиста. Она встала со стула и пошла по направлению к

кухонной стенке.

– Каллиста, я ни в коем случае не «нападаю» на вас. Наоборот, я слишком хорошо понимаю, что из себя представляет Кол Майколсон, и только поэтому хочу отгородить вас от ужасных последствий, которые могут произойти. Вы ведь совсем ещё ребёнок, – речь Дона Сальери была прервана криком Каллисты. Он подскочил со стула и подлетел к ребёнку. Как оказалась, Каллиста полезла зачем-то в верхний шкафчик и наступила на разбитую тарелку, которую не убрал с ночи Сальери.

От крика Кол сразу же проснулся и пулей полетел в кухню. Там он застал Каллисту сидящую на полу и прижимающую к себе окровавленную пятку, и Дона Сальери стоящего подле и матерящегося на русском.

– Что тут, мать вашу, произошло?! – подходя к Каллисте, прокричал Кол.

– Я не заметила разбитую тарелку и наступила на осколки, – скорчившись от боли, ответила она.

– Моя вина Кол. Разбил ночью по синей кочерге и забыл, – с виноватой усмешкой проговорил Сальери, почесав затылок.

– Да чтоб ты себе все пятки перерезал! – гневался Кол. – А ну марш, за аптечкой, – Кол сел на корточки около Калли и аккуратно взял в свои руки ступню Каллисты.

– Где она? – попутно спросил мафиози.

– В ванной, – рявкнул Кол. – Сильно болит? – спокойно

спросил Кол у Калли, нежно поведя пальцем по пятке, проверяя, не остались ли осколки под кожей.

– Терпимо, – улыбнувшись уголками губ, ответила она. От касания Кола, по её телу побежали мурашки. Она удивилась такой своей реакции на его простое прикосновение, отчего на щеках проступил румянец и Кол заметил его.

– Простите меня Каллиста, я совсем забыл про тарелку, – протягивая аптечку Колу, виновато проговорил Сальери и отошёл в сторону, погрузив руки в карманы брюк.

– Ничего страшного, это всего лишь царапина, – мило улыбнувшись, ответила Калли.

Кол достал из аптечки баночку с перекисью и бинты. Он осторожно налил необходимое количество перекиси в порез и стал дуть на ранку. После он аккуратно протирал ранку и забинтовал ступню.

– Мне, пожалуй, нужно уходить, – посмотрев на часы, весело произнёс Сальери.

– Но мы, же толком не пообщались, – надув губы воскликнула Калли.

– Я уверен, что это не последняя наша встреча, – подмигнув и накинув на плечо пиджак, который висел на стуле, проговорил Дон Сальери, будто и, не заметив ревнивого взгляда Кола. Он вышел в прихожую, надел кожаные туфли, перепачканные в глине, с вешалки взял то, что осталось от галстука и жилет без пуговиц. Мафиози тихо вышел из поместья и шумно захлопнул за собой дверь, чтобы они услышали, что

он ушёл. Пока он шёл по дорожке к заждавшейся его машине, то сорвал с клумбы не распустившийся тюльпан и поднял оставленную им в пьяном угаре шляпу. Он тихо уехал по своим делам, которых у него было не мало. Вы, конечно же, спросите: «Почему он так быстро и тихо ушёл? Где прощальные объятия?». Я вам отвечу. Сальери не любил прощаться, это всегда наводило на него апатию и грусть. Ему казалось, что прощаясь с человеком – он прощается с ним навсегда и никогда более его не увидит. А так, тихо уйти, будто ушёл в пекарню на Центральном рынке и через полчаса вернёшься...

– Как вы познакомились? – после недолгого молчания спросила Калли.

– Он пришёл меня убить, потому что думал, что я сплю с его дамой сердца, – Калли крайне удивлённо вытаращила на него свои глаза. – Она был просто моей пациенткой. Он убедился в этом и вскоре мы стали друзьями. Можешь встать на пятку? – он встал с пола и подал ей руку. Калли аккуратно вложила ему обе ладони в его ладонь и встала сначала на здоровую пятку, а потом уже попыталась поставить израненную. – Понятно, – Кол поднял Калли на руки и понёс её в спальню.

Он сел на край кровати и усадил её к себе на колени.

– Я соскучился по тебе, – прошептал он ей на ухо. От его бархатного голоса по её спине пробежала сеть мурашек, а дыхание стало прерывистым.

– Я никуда от тебя не уходила, – ответила она, повернув голову в сторону. Одна рука его обхватила её ноги, а другая – плечи. Поворот влево, и они уже лежат на кровати. Кол обоими руками крепко прижал Калли к себе и уткнулся носом в её макушку.

– С виду ты была рядом, но я не чувствовал тебя. Было такое чувство, будто это не ты на самом деле рядом со мной, как будто кто-то тебя украл у меня и оставил злого близнеца.

– Это всего лишь результат твоих поступков, – она спиной чувствовала его тепло, которое просачивалось сквозь кожу, и добиралась до сердца. А его дыхание, обжигающее затылок, дурманило мысли. Он отстранился от неё, перевернул её на спину и навис сверху.

– Но сейчас я чувствую тебя, стало быть, я прощён, – он опустил ниже и нежно поцеловал её в губы.

Их поцелуй был очень нежным и словно передавал то чувство, как они дорожат друг другом. Пылкость натуры не оставила возможности ограничиться одним поцелуем и руки стали бродить по телам. Тонкие руки Каллисты уже обнимали могучую спину Кола Майколсона. А его руки – бродили под её халатом, одаривая тело ласкою.

– Вот она моя любимая Калли, – торжествующе проговорил мужчина, когда он заглянул в её глаза заполненные похотью, прекратив поцелуй. Его палец погрузился в её лонно, отчего Калли испустила нежный стон, похожий на скуление. – Я знал, что ты тоже по мне соскучилась, – поцеловав

её в шею и вынув мокрый палец, с улыбкой проговорил Кол.

– Всё не так, – на выдохе прошептала девушка.

– Да? – засмеявшись, спросил Кол и обвёл языком её выступающий сосок. Он начал покрывать поцелуями её грудь, ключицы и живот. – Сегодня я хочу заняться этим по-другому, – прошептал он ей на ухо и начал вычерчивать пальцем круг между её ног. Всё это время он любовался её лицом, ему до безумия нравилось выражения её лица искажённые пылкой истомой.

– Как же? – постанывая, спросила Каллиста.

– Перевернись на живот, – она послушно перевернулась, – теперь встань на четвереньки, – Каллиста засмеялась, но всё равно послушалась. Кол встал сзади и поднял халат до пояса. Его ладонь проскользнула по ягодице вниз до бедра. Он высвободил свой член из штанов и стал медленно водить им между её ягодиц и тереться о её чувствительное местечко.

– Не дразни меня, – обиженно прошептала Калли, когда от перевозбуждения у неё затряслись ноги.

– Всё ради прекрасных дам, – засмеявшись, проговорил Кол и резко вошёл в неё, отчего Каллиста вскрикнула и сжала в ладонях одеяло. Он схватил её за округлые ягодицы и начал медленно двигаться то, входя в неё до упора, то полностью покидая. Движения были сладкими, и Калли выгнув спину, стала двигаться в такт движения Кола, пока не достигла оргазма. Каллиста обмякла, и Кол стал двигаться быстро и грубо, теперь его руки были на её пояснице, а шлепки от

соприкосновения его бёдер и её ягодич могли быть слышны даже на кухне.

Через некоторое время, Каллиста кричала от наслаждения, а Кол настолько забылся в своей похоти, что схватил её за волосы и, натянув на себя, двигался, как сумасшедший. Вскоре Кол, матерясь на непонятном Каллисте языке, наконец-то достиг оргазма и оставил получившую сверхдозу наслаждения девушку.

Кол лёг рядом с Калли, которая была не в силах, даже перевернуться с живота на спину и, заложив руку за голову, закурил.

– Всё ещё чувствуешь меня? – улыбаясь и рассматривая её ямочки на пояснице, спросил Кол.

– Угу...

– Когда отойдёшь, мы продолжим...

Часть 20

Выслушав уже не один и не два моих нравоучений ты, наверное, видишь во мне старого социопата презирающего и отрицающего всё на этом "белом" свете. Но нет, ты ошибаешься. Животные. Вот те в ком моя душа, вот в ком я не могу разочароваться. С самого детства и по настоящий день вокруг меня было много животных – стаи кошек и собак. Я помню, как был маленьким и кормил чёрного пса, который был высотой мне по грудь. Помню, как боялся отцовского пса. Помню, как за мной увязался рыжий щенок и в дальнейшем стал смыслом моей жизни. Помню, как на руках умер мною обожаемый кот. Помню, как кошка оставляла у меня под ногами убиенных ею мышей. Помню пса, которого я спас от «чумки». Я так много проводил времени с животными, что стал понимать все их повадки и со временем они приняли меня за своего. Я научился понимать животных, их настроение и характер. И в процессе знакомства с ними я влюбился в них. Люди на фоне животных, как пустыня среди лесов. Животные они ведь лишены всех этих дрянных качеств человечества, как предательство, зависть, корысть и алчность. Они чисты, невинны и просты. Тебе не нужно сидеть напротив него, смотреть в глаза и думать: "А не есть ли в его действиях, какой-то скрытый смысл или подвох?", "Не обожгусь ли я об этого человека?", "Не предаст ли

он меня?". Животное никогда не предаст и не бросит своего хозяина. Их преданность будет простираться сквозь года от щенячьей радости до простого взгляда. А люди? Они так переменчивы. Сегодня – любят, завтра – уже забыли твоё имя. Я помню, эту радость, когда я прихожу домой и они прыгают, бегают, лают. И к каждому нужно подойти, погладить, почесать за ухом, сказать тёплое слово. И сразу чувствуешь себя необычайно важным для них, теперь ты не просто человечешко. А как разрывается моё сердце, когда я ухожу и они скулят и тянутся ко мне. Господи, что за мука. Видела бы ты насколько грустны их глаза. Я им говорю, что я вернусь, обязательно вернусь. А они словно не понимают меня. И меня одолевают муки совести, я чувствую себя безмерно виноватым, что заставляю их чувствовать боль.

Знаешь, я часто ловлю себя на том, что находясь с ними рядом, мне становится легче. Я играю с ними, дрессирую или же просто молча наблюдаю за ними – и очищаюсь. Очищаюсь от всей грязи, что накопилось за всё время. Они ведь так прекрасны и чисты, находишься с ними рядом и ты не можешь быть злым или порочным. Знаешь, я бы всю свою жизнь провёл с ними, но не могу.

Они так прекрасны, с ними не нужно искать слов, они ведь способны понимать даже взгляд. С ними ты можешь быть кем угодно и они будут любить тебя всякого. Такие люди есть, но их очень мало. Мне попадался только один такой...

Они просты, их не нужно разгадывать и искать тайный

смысл. Если они любят, то они любят. Если ненавидят, то они ненавидят. А люди... Эх... Сколько этой лишней мишуры. Жить было бы намного проще, если бы все мы были бы честными. Сами с собой. Со своими любимыми. Со своими близкими. Даже с мимо проходящим человеком.

Зачем скрываться, если правда рано или поздно выйдет наружу. Можно ведь с самого начала быть честными во всём, как братья наши меньшие.

Семейство Блумстрит проживало в старинном многоквартирном доме, состоящего из двух этажей. Сами они занимали весь второй этаж, а первый – сдавался в аренду. Блумстриты были состоятельной семьёй, но к сожалению ей суждено было в скором времени разориться. Видите ли, Бёрнс являлся наследником большого состояния и сам имел ум не малый, поэтому смог приумножить своё состояние в несколько раз. Агнесс была из бедной семьи, ей просто повезло выйти замуж за юного, ещё романтического Бёрнса. Разорится эта семья потому что их дети, выросли совсем не способные к ведению бизнеса и зарабатыванию денег. Миллинда и Альфи являлись капризными молодыми людьми, привыкшими к роскоши и вседозволенности. Их не интересовало искусство, природа и всякие другие духовные вещи. Они были до боли бездуховны и материальны, в общем как и положено в "высшем" обществе. Так к чему я веду, Агнесс и Бёрнс прекрасно осознавая будущий крах их семьи приду-

мали план, который решили озвучить своим птенцам удобно устроившись в гостиной...

– Мама, мне уже давно нужно быть в салоне красоты, – капризничала Миллинда надувая свои и без того пухлые губы, сидя на диванчике.

– В самом деле матушка, – пропел Альфи ходя туда-сюда за диваном на котором сидела Миллиндой, – сколько можно ждать? – Агнесс сидела в своём бежевом кресле-троне, закинув ногу на ногу, так что её пышная юбка платья вся измялась. Поза её была надменна: выпрямленная спина, высоко поднятая голова и сцепленные пальцы рук в замок, лежащие на коленях.

– Как только придёт ваш отец, так мы начнём. Но что-то мне подсказывает, дорогая моя доченька, что ты не попадёшь сегодня к своему парикмахеру, – в ответ на её слова детишки недовольно скривили свои мордашки.

Гостиная Блюмстритов была довольно тесной из-за мебели. Комната эта была проходной и из неё выходило два маленьких, миленьких балкончика. Стены были попросту выкрашены в бежевый цвет, да и вся гостиная была в данных тонах. Вдоль стен стояло несколько комодов и шкафов из тёмного дерева. Посреди залы стояло два диванчика друг напротив друга, несколько кресел и персидский ковёр на полу. Я конечно не дизайнер, но мне кажется, что тут не хватает цветов.

Долго Бёрнса не пришлось ждать, пришёл он минут через

десять.

– Извините за опоздание, – он подошёл к комоду на котором стояло несколько графинов, рюмки любой масти и налил себе немного бренди, – работа-работа.

– Присаживайся дорогой, пора начинать, – он сел в соседнее с Агнесс кресло.

– Сегодня мы хотели бы поговорить с вами о вашем будущем, – дети закатили глаза. Агнесс сидела в своей позе, медленно кивая головой. Сегодня она не будет встречать в разговор, ведь она знает, что скажет её муж и как отреагируют дети. – Мы вам всегда желали только хорошее. Поэтому, чтобы не беспокоится о вашем будущем после нашей кончины, мы нашли вам пару.

– Пару?! – в один голос вскрикнули шокированные дети.

– Не беспокойтесь. Мы выбрали вам замечательных партнёров. Вы же помните Кола и Каллисту Майколсонов? – и вот на лицах детишек заиграли улыбки.

– Их невозможно забыть, – залившись юношеским румянцем, прошептал Альфи.

– Но папа, если ты не заметил они не особо заинтересованы в нас, – взмахнув руками, тараторила Миллинда. – Мне в голову даже, как-то пришла мысль, что они заинтересованы только друг в друге.

– Какой вздор, Милли, – с улыбкой произнесла Агнесс. Вздор? – Они же отец и дочь. Они просто хорошо воспитаны, – Отец и дочь? Хорошо воспитаны? Ну да, для бывшей

узницы концлагеря и психопата они хорошо воспитаны.

– Отец, разве ты не помнишь, как Майколсон кинул мне в лицо браслет, который я хотел подарить Каллисте? – Альфи ненавидел Кола. Что ж, это было взаимно.

– Это просто проявление отцовских чувств. Я понимаю, ваше недоверие. К ним просто нужно найти подход. Это займёт много времени, но игра стоит свеч. Альфи, что ты знаешь о Каллисте?

– Ничего, кроме того, что я никого прекраснее её не видел. Она не посещает никакие мероприятия. Её можно застать за покупками где-нибудь на рынке или в книжной лавке. И то, практически всегда она со своим отцом, – злясь говорил Альфи. Он знал, что план обречён на провал.

– Ага. Миллинда, что ты знаешь о Коле?

– Он невероятно красив, богат и кое-что ещё, что вам не нужно слышать. Он работает частным психологом, у него много клиентов. Он всегда посещает светские мероприятия на которые его приглашают, иногда он берёт с собой Каллисту, но она ни с кем не разговаривает. Он у многих пользуется уважением. Многие дамы оказывают ему знаки внимания, но он будто и не замечает этого.

– Отлично, вы практически не знаете, что они за люди. Вашей задачей будет узнать их – что любят, о чём думают, чего боятся... Значит, как мы поступим..., – Бёрнс встал с места и стал расхаживать из угла в угол. Он был хорошим стратегом, но в данном деле никакая стратегия не поможет. –

Миллинда завтра утром ты должна отправиться в поместье Майколсонов. Кол рано уезжает на работу, твоей задачей будет посекретничать с Каллистой, узнать, как у них обстоят дела в поместье в повседневные дни. Тебе же Альфи пока ничего не нужно делать. Я завтра встречусь с Колом примерно в пять часов вечера, Миллинда можешь его подловить по пути домой.

Детишки переглянулись между собой и согласились с "генеральным" планом родителей. Члены семьи разошлись по своим делам воодушевлённые завтрашним днём. Как вы думаете чем закончится эта затея? Ох и чувствую я пятой точкой, что кончится это всё очередным кошмаром. Нельзя пытаться приручить жизнь другого человека во имя своих целей. Нельзя.

Утро следующего дня.

Бёрнс не зря сказал Миллинде ехать по утру к Каллисте, ведь их поместье было за городом и до него нужно было добираться порядком времени. К поместью дочь Блюмстритов подошла лишь к двенадцати часам. К этому времени Кола конечно же уже не было дома, а Каллиста недавно проснувшись лениво брела на кухню, почёсывая затылок. Она качаясь прошла вдоль кухонной стенки, попутно проведя ладонью по столешницам. Калли остановилась напротив плиты, Кол оставил ей завтрак. Девчонка не подозревая, что к ней подкрадывается хищный зверь, поставила чайник на плиту,

завязала волос в незамысловатый пучок и села за стол, поедать свой завтрак. Не успела малышка съесть и половины, как послышался стук в дверь. Калли с опаской посмотрела в сторону коридора, стук повторился. Малышка боялась подойти к двери, ведь она не ждала гостей и не могла вообразить кто же может стоять за дверью. Стук повторился ещё раз, собрав всю свою смелость малышка наконец-то встала из-за стола и крадучись подошла к входной двери.

– Кто там? – смелым, но фальшивым голосом спросила Калли.

– Каллиста, здравствуй! Это я – Миллинда! – "Вот, чёёрт...". Услышав радостный голос гостыи у Каллисты полезли в голову скверные мысли, на секунду она подумала, что может вернуться к завтраку и притворится, что этот вопрос задала не она. Но разум конечно же преобладал над инстинктом самосохранения и Калли открыла дверь.

Картина была довольно забавная. На крылечке в свете солнца стояла улыбающаяся Миллинда с коробкой из кондитерской. Девушка была одета в розовое воздушное платье, а на голове как всегда были накручены пшеничные кудри и конечно же на лице было тонны французской косметики, такой же, что была подарена Каллисте. И вот напротив столь прекрасной особы стояла наша Каллиста с волосом завязанным в пучок на затылке, без грамма макияжа и в простой хлопковой бежевой пижаме, состоящей из пижамных брюк и кофты. К тому же, Каллиста ведь имела весьма небольшой

рост, а Миллинда была девушкой высокой, да ещё и постоянно на каблуках. Картина была забавная, наша малышка себя чувствовала гадким утёнком.

– Здравствуй Миллинда! Какими судьбами? – Каллиста по натуре своей была добрым ребёнком и к моему удивлению искренне улыбалась углами губ "сопернице". Девчушка отошла в сторону, приглашая гостью в дом.

– Я просто решила, что было бы не плохо вот так вот приехать к тебе в гости и попить чаю с пирожными, – смеясь и тряся коробку, тараторила гостья.

– Как замечательно, – а в мыслях – "Как досадно". – Проходи на кухню, – добродушно проговорила Калли указывая на арку ведущую в кухню.

Каллиста с недоверием относилась к девочке Блумстрит, в-первую очередь из-за ревности, а потом уже из-за того, что человеком та была дурным. А если на чистоту, то Каллиста плохо разбиралась в людях, потому что практически их не знала. Мнение о Блумстритах у неё складывалось от ощущений и слов Кола. Майколсонов она любила из уважения к Колу, а к посторонним относилась с опаской и деревенским простодушием. Каллиста была наивным щенком, который боится людей, но нуждается в них. Каллиста была глупым щенком, которого жестоко обидели люди, но он не научился показывать зубы.

Миллинда спокойно прошла в кухню и села за стол, положив коробку на столешницу.

– Ох, извини, я похоже оторвала тебя от завтрака, – соорив виновную гримасу произнесла гостя, открывая коробку.

– Ничего страшного, – ответила Калли, наливая свой любимый чай в две кружки, – вдвоём завтракать будет веселее. Спасибо за сладости, – она тепло улыбнулась Миллинде и поставила перед ней кружку, и сама села напротив, отхлебнув горячей жидкости.

– Спасибо тебе за тёплый приём, – девчонка Блюмстритов не без причины так любезничала с Калли. У неё было две цели: узнать и задобрить её. – Когда я отправилась к тебе, то боялась, что приеду и поцелую замок от входной двери, – ложь. – А застала тебя в пижаме, неужели у тебя не было никаких планов на столь прекрасный день? – Калли усмехнулась и принялась доедать свой завтрак.

– Нет, – пожав плечами, ответила она, – я редко выбираюсь в город.

– Почему же? Неужели тебе не хочется знакомиться с новыми людьми? Посещать публичные места? – эта волна вопросов вызвала в Каллисте дикое смущение, отчего она опустила голову и чуть ли носом не уткнулась в кружку. А Миллинда начала рассказывать, как прекрасно и разнообразно общество людей, активно жестикулируя. – Так неужели тебе ни разу не хотелось к ним присоединиться?

– Нет, – поджав губы и пожав плечами, ответила Калли. К счастью или сожалению малышка не умела лгать, хоть и

фантазией обладала прекрасной. – Мне хорошо наедине с собой. Я всегда могу найти себе занятие. А общаться с кем-то... – она улыбнулась углами губ, – наверное, мне это не нужно. – Слишком сложный ответ получился, не правда ли? Правда была такова – Калли из-за её ужасного детства было очень сложно сходитья с людьми, а с некоторыми даже и страшно.

– Так странно, – Миллинда закинула ногу на ногу и, склонив голову на бок, смотрела в упор на малышку, от чего у той кусок пирожных застряло в горле, – вы с отцом такие разные. Он общительный, а ты затворница. Он ведущий, а ты ведомая. Он всегда в центре внимания, а о тебе мало кто знает. Знаешь иногда я смотрю на него и у меня мурашки по спине бегут от того какая в нём ХАРИЗМА, какой он МУЖЧИНА. А ты... – она мельком осмотрела её, – такая невинная, чистая и уютная, как домашние тапочки.

– Возможно, я похожа на свою маму, – "утонув" в кружке чая прошептала Калли. Этот ответ получился как-то сам собой, откуда-то изнутри. Видите ли, наша малышка, с тех пор, как узнала, что у каждого человека должен быть папа и мама, хотя бы фактически, часто задумывалась, какими были её родители...

– Да? – сдвинув брови, звонко спросила гостя. – Я бы никогда не подумала, что такие женщины в его вкусе.

– А какие? – тут сработало женское любопытство с примесью ревности. Миллинда залившись румянцем и расплыв-

шись в улыбке, стала описывать себя. Но что хочу сказать вам я, у Кола было много таких заносчивых юных и не совсем дам, поэтому чадо Блюмстрит даже при отсутствии Калли навряд ли бы его заинтересовало. Что касается Калли, то она считала её мнение верным. Глупый, маленький детёныш.

Далее некоторое время девушки, молча, пили чай, поедая пирожные, но гостыя вспомнила, зачем она пришла сюда. Прошу заметить, какие они разные. Калли сидела на стуле, прижав одну ногу к телу, а другую, поджав под стул. Её спина была прямой от напряжения, как и сведённые к центру плечи, руки согнутые в локтях были прижаты к телу. Она обоими руками держала кружку, а её губы практически всегда были на ободке. Голова была отведена в сторону и немного вниз, как и взгляд. А сейчас посмотрите на Миллинду. Спина грациозно изогнута, голова поднята, глаза смотрят вперёд и изучают объект, ноги скрещены, кружку она держит несколькими пальцами левой руки, а правая покоится на столешнице.

– Калли, что это у тебя на лице? – малышка затаила дыхание. – Неужели синяк? – За несколько дней синяк с бурого цвета сменился на бледно-серый и при хорошем освещении его можно было не заметить, да и Калли старалась его не показывать.

– Ох, похоже успела уже в чём-то испачкаться, – Калли притронулась к щеке, по-детски улыбаясь. Это была очень не убедительная ложь. Но Миллинде не пришла в голову мысль,

что этот синяк мог оставить её "отец".

– Калли, а что насчёт тебя? Нравиться ли тебе кто-нибудь? – со свойственным ей кокетством произнесла она. От данного вопроса, девчонка поперхнулась чаем, собеседница засмеялась от такого детского смущения. – Хорошо, задам вопрос по другому. Как тебе мой брат?

– Ваш брат? – вот проступил румянец смущения. Смущения не от того, что он ей нравился, а от того, что у неё уже есть мужчина.

– Мой брат – Альфи. Не считаешь ли ты его привлекательным? М?

– Да, но...

– Отлично! Думаю, вам стоит узнать друг – друга лучше, – Миллинда радостно хлопнула в ладоши. Ей казалось, что её задача полностью выполнена.

– Нет, нет... – от волнения у Калли из рук выпала кружка и разлетелась на множество осколков. Девушки с вскриком опустили и стали собирать их.

– Каллиста, ты такой ребёнок всё же, – со смехом произнесла Блумстрит, – так бурно реагируешь. – Она подняла глаза и в опустившемся разрезе пижамы увидела большую грудь покрытую маленькими синяками, оставшимся от чьих-то губ. Но Милли сделала вид, что ничего не заметила и решила осмотреть дом, может в спальне Каллисты она что-нибудь найдёт. – Калли, не могла бы ты мне показать, где у вас уборная?

– Прямо по коридору, перед гостиной будет слева дверь. Сама найдёшь?

– Конечно, – это только ей было и нужно. Каллиста ползала по полу собирая осколки, а гостья пошла осматривать дом. Конечно, Калли не могла заподозрить такое, поэтому даже когда Миллинды не было подозрительно долго, она не сдвинулась с кухни.

До сегодняшнего дня Миллинда была только в общих комнатах этого поместья. По её мнению она должна была обнаружить две спальни, но нашла только одну. Она была большая, к ней присоединялись ванная и гардеробная. Блюмстрит ожидала увидеть вещи только одного из Майколсонов, но каково было её удивление, когда это было не так. В ванной была бритва Кола и смеси для ванны, которыми пользуется Калли. В гардеробной висели вещи Калли и Кола. На туалетном столике стоял одеколон Кола, который ей был хорошо знаком с сеансов. На кресле около кровати лежала рубашка Кола, а под ней порванное женское бельё. Но самой интересной находкой являлась кровать. Она была не заправлена, и по положению одеяла и подушек было видно, что спали на ней двое.

Но находки эти она истолковала не правильно. Виной этому была женская глупость, или нежелание поверить в аморальность происходящего, или же и вовсе оба варианта. После посещения спальни, Миллинда сразу же обрадовала Калли, что ей уже пора домой. Не подумайте, её спешка не была

связана с найденным, она просто узнала всё, что ей нужно было. Для светских бесед Калли не подходила, уж очень он ей был не знаком.

16:00

Кол Майколсон вышел из своего кабинета. Сегодня он закончил совсем рано, было всего две пациентки – женщина, которая всё не может найти причину для того чтобы простить измены мужа, но страстно этого желает; пожилая дама, которая не может свыкнуться с тем, что её дети совсем выросли и не нуждаются в её заботе. Короче говоря, день скучноватый.

Погода была прекрасная, поэтому Кол шёл пешком. Проходя очередной квартал, он услышал щенячий скулёж в переулке.

– Это кто здесь плачет? – за мусорными баками стояла коробка, в которой лежал маленький чёрный комочек. – Ээ-эй.. – Кол протянул руку и погладил малыша. Щеночек поднял голову, их карие глаза встретились и Кол решил приютить бедняжку. К слову, в детстве Кол часто приносил домой брошенных собак и кошек, даже был случай когда он принёс домой лису. – Тебе даст имя Калли. Она тебе точно понравится.

Кол снял пиджак и закутал в него щенка. Он был средней величины и предположительно месячного возраста. Шерсть у него была густая и чёрная. Ушки были стоячими, пря-

мой хвост, вытянутая немного мордочка, чёрный нос и карие глазки-пуговицы. Щенок спокойно лежал на руках, уткнувшись мокрым носом в белую рубашку.

Пересекая городскую площадь, Кол услышал, как его окликнули. Он обернулся, к нему быстрыми шагами подходил Бёрнс Блюмстрит, приветственно махая газетой.

– Здравствуйте Бёрнс, – они пожали друг другу руки, – Неужели наша встреча случайная?

– Всё-то вы замечаете, Кол. Да, наша встреча не случайная, – вдруг щенок, закутанный в пиджак, зашевелился, отчего Бёрнс нервно вздрогнул. – Что это у вас такое?

– О, это щенок. Нашёл в переулке, видно кто-то оставил беднягу. Думаю, он будет отличной компанией для Калли, – поглаживая щенка, улыбаясь, говорил Кол.

– Может вашей дочери лучше составит компанию кто-нибудь из двуногих? – намёк был уж слишком явным.

– Собаки очень чудно двигаются на задних лапах.

– На всё-то вы знаете ответ, – засмеялся Бёрнс. – Пройдёмся?

– Разумеется. И может вы поделитесь со мной причиной вашего появления, – Бёрнс убрал руки за спину. Он всегда принимал данную позу, когда дело было серьёзным.

– Кол, я бы хотел предложить вам соединить наши капиталы и приумножить их.

– И каким же образом? – Кол сдвинул свои брови, и они нависли как грозные тучи над глазами.

– Под средством брака, – с торжественной улыбкой, произнёс Бёрнс.

– Я вынужден вам отказать, – желваки его заходили, а челюсть стала каменной. Кол ускорил шаг в направлении поместья.

– Кол, я прошу вас обдумать это лучшим образом, прежде чем принимать решение. Подумайте, как обогатятся наши семьи, каких успехов сможем добиться. У вас есть дочь, а у меня сын. Он настоящий джентльмен и будет беречь её, как сокровище. Вы ещё совсем молоды и я бы посчитал за честь, если бы вы стали моим названным сыном, после союза с моей дочерью, которая так же прекрасна, как ваша. Подумайте, как следует, – Бёрнс ели успевал за Колом и буквально бежал за ним. В итоге Кол понял, что лучше сказать, что он хочет, иначе тот будет бежать за ним до самого дома. Бёрнс подумал, что с Колом будет более действенна тактика «нападения» и он ошибся.

– Лишь из уважения к вам, я подумаю над этим вопросом, – он пожал ему руку снова и они разошлись.

Но на этом неприятные встречи не кончились. Колу осталось пройти совсем немного до дома, когда на его пути встретила Миллинда, конечно, это была не случайность, отчего нервы Кола стали медленно закипать.

– Кол, здравствуйте, – она замахала руками, заулыбалась, подлетела и поцеловала его в щёку. Пхах, профурсетка...

– Дай угадаю, у тебя есть ко мне разговор? – кровь бурли-

ла, ведь Кол уже понял весь их план по всем пунктам.

– Как вы угадали, – кокетки в ней сейчас было слишком много, но вдруг она стала серьёзной и заговорила шёпотом. – У вашей дочери появился любовник.

– Любовник? – его брови удивлённо взлетели вверх, а на лице появилась улыбка.

– Да – да – да, как вы только за порог, он к ней, – она говорила так уверенно, что Кол даже занервничал.

– Ты видела его?

– Нет, – он выдохнул с облегчением, – но её грудь была вся в "поцелуях". А спальня... спальня выглядела так, будто в ней только что занимались непристойными делами.

– Спасибо Миллинда за беспокойство. Я поговорю со своей дочерью, – последнее слово он произнёс с натяжкой. Миллинда какое-то время ещё заигрывала с ним, но не думаю, что это заслуживает нашего внимания.

– Когда же они начнут меньше совать свой нос в чужую жизнь, а больше в свою? – заходя в дом, спросил Кол у щенка. Кол задумался о том, что нужно уехать. Ведь, Блюмстриты со всем этим сводничеством, могут разгадать их тайну. А если узнают они – узнает вся Италия.

Он опустил щенка на пол и пошёл искать Калли. В кухне её не было. И в гостевой тоже не было, и даже в ванной. Нашёл он её в спальне, она сидела у трюмо и расчёсывала свои волосы. Он остановился в проходе и несколько минут молча, наблюдал за ней. Наблюдал за тем, как лучи солнца

играют в её волосах. Наблюдал, как бледные, тонкие пальцы тонут в густоте волос. Наблюдал, как движется её взгляд по отражению в зеркале.

– Вы очень красивы, Каллиста Майколсон. У меня для вас есть подарок, получше любого любовника, – запустив руки в карманы, ухмылялся Кол. Каллиста же выронила расческу из рук и подскочила с места.

– Подарок? Любовник? – её глаза никогда не были такими большими, как сейчас.

– Ты чего так испугалась? – Кол стал надвигаться на неё. – Он ещё не ушёл? Может он под кроватью или за шторой, как в хорошем анекдоте? – Кол шутил, а Калли природой своей не дано было понимать такие шутки. Она стала нервничать, заикаться и жестикулировать руками. – Хочешь что-то сказать?

– Я не понимаю, – она опустила голову и стала тискать в руках край пижамы. – Какой подарок? Кому подарок? Сейчас же не праздник. Какой любовник? Я же совершенно одна, только сегодня Миллинда приходила, – до девчушки дошло. Она подняла голову и приоткрыла рот, но не успела ничего сказать, потому что Кол её поцеловал. Его руки вышли из карманов, и зашли за её спину. Поцелуй прекратился, и Кол крепко прижал её к себе, прислонившись щекой к её виску.

Нависло молчание, которое часто бывает у возлюбленных, его нарушила Калли.

– Я всё ещё ничего не понимаю.

– Пойдём, – он взял её за руку и повёл в коридор, там новый член семьи уже обнюхивал обувь. – Я нашёл его совсем одного и решил, что с нами ему будет лучше, – Кол поднял щенка и протянул Калли. Она нерешительно, с опаской взяла его. Щенок видно был рад новой семье и стал дурачиться. Он положил лапы ей на плечи и стал лизать лицо. Калли сначала испугалась, но потом расслабилась и стала смеяться.

– Спасибо, – улыбаясь, прошептала она Колу.

– Ему нужно дать имя, – почёсывая за ушками, произнёс Кол.

– Имя? – она отвела взгляд в сторону и задумалась. – А это мальчик или девочка?

– Мальчик, – тут Кол заметил, что у стены стоит что-то прямоугольное запакованное в бумагу. – Откуда это?

– Ник прислал, – Калли села на пол, положила щенка на колени и стала спрашивать, как его зовут. – Он похож на волка, может, так его и назовём?

– Вульф? – Кол свёл снова свои брови, но в результате одобрил. – Тебе нужно будет научить его командам, кормить его и выгуливать, – чмокнув в макушку и Калли, и Вульфа торжественно произнёс Кол.

– Я? Но я не умею, – подскочила Калли, всё ещё не выпуская щенка.

– Научишься, я буду помогать тебе, – он едва улыбнулся ей и стал распаковывать "подарок" Ника. Каллиста вста-

ла за его спину и молча наблюдала. Под упаковочной бумагой была картина. На ней была изображена спящая Калли, такая нежная, такая красивая, такая невинная. Её кровавые волосы были разбросаны по всей кровати, а под ними нежная белая постель. Её кисть прижата к щеке, так по-детски. К рамке была присоединена газета, в которой была размещена статья о чрезвычайном успехе новой картины Никлауса Майколсона, к статье прилагалось фото картины. Картиной, которая собрала овадии, была та, которую написал Ник в гостиной. Помните? Калли сидит на диване и смотрит в сторону, где стоял Кол. Ник передал чувства Калли в позе и сумел передать взгляд. Чистая душа, изображённая на картине, не смогла не затронуть сердца тех, кто способен чувствовать.

Каллиста подошла к полотну и стала водить пальцами по своему лицу.

– Это я?

– Нет, соседи, которых у нас нет. Конечно ты. Что за глупые вопросы?

– Почему ты злишься? – Калли опустила щенка, чтобы тот побегал по дому.

– Он показал тебя всему миру. Тут написано, – он протянул ей газету, – что все кто видел картину, хотят увидеть тебя воочию.

– Но я не хочу их видеть, – надув губы прошептала Калли. Кол засмеялся и снова прижал её к себе. – Куда повесим картину?

– Возможно, она будет висеть в другом доме?

– В другом доме? Я сегодня тебя совсем не понимаю, – она отстранилась и стала смотреть прямо в глаза.

– Бёрнс хочет соединить наши семьи. Его дети совсем не готовы к жизни, без родителей, поэтому им нужна выгодная пара. Ты будешь женой Альфи, а я мужем Миллинды.

– Что?! – Калли оттолкнула Кола, чего он никак не мог ожидать. Майколсон, завязывай со своими играми! – Не буду я ничьей женой! – она пихнула его ещё раз и вбежала в кухню. У Калли пересохло в горле, и она налила стакан воды.

– Будешь. Нарожает Альфи кареглазых детишек, – только человек, который хоть чуть-чуть знаком с генетикой, понял, что от зеленоглазого Альфи никак не получатся кареглазые дети. А вот от Кола могут. – Будешь – Каллистой Блюмстрит. Станешь ходить вместе с Миллиндой на шумные вечеринки, где полно немцев. А меня будешь видеть только по семейным праздникам, – злость, к сожалению, свойственно многим срывать на близких людях. Что и делал Кол, с такой жестокостью. Кол, конечно же, не позволил бы сбыться "гениальному" плану Блюмстритов. Он был невероятно зол, что им и его положением, решили так нагло воспользоваться. Сюжет комичен, но Каллисте было больно.

Калли сидела на полу, закрыв лицо руками, и рыдала. До Кола наконец-то дошло, что он очень жесток с ней. Он встал перед ней на колени и стал поглаживать её по голове.

– Прости меня, я неоправданно жесток с тобой.

– Пошёл к чёрту, Майколсон! – она отодвинулась от него.

– Злись, ругайся, только не обижайся, – он сел на пол и обоими руками придвинул её к себе. Он обнял её руками, и даже ногами. – Я не позволю, чтобы их выдумка сбылась.

– Кол, давай уедем, – она развернулась к нему. – Нам же не впервой менять дом. Давай уедем, чтобы они не смогли к нам придти. Они же не отстанут, – И тут Калли была права, ведь Бёрнс вцеплялся в идею, как питбуль и редко сдавался. – Пожалуйста, Кол.

– Нужно сначала помыть собаку, – Кол поцеловал Калли в лоб и положил её голову к себе на грудь.

Утро. А может, близился уже полдень. Поместье Майколсонов опустело, на воротах замок. Из Флоренции в 13:00 отбыл корабль, на борту был замечен красивый мужчина и загадочная молодая девушка. В доме Блумстритов в вечер этого дня долго не умолкали разговоры.

Эпилог

Думаю, что вы не ожидали этого.

Мой рассказ подошёл к концу. Почему сейчас, когда герои снова в пути и их ждут новые повороты судьбы? Потому что это совсем не нужно. Все диалоги пересказаны, все важные моменты описаны, все акценты расставлены...

Я не люблю повторяться, а повествование развития дальнейших событий это будет на 50% именно повтор. Любовь-инцидент-ссора-трагедия-любовь, вечный цикл, которому суждено было быть. Это любовь. Очень больная, непонятная, но любовь. Любовь свидетелями которой мы стали, не переживай мой друг я расскажу тебе исход этой болезни...

Мы оставили их в тот момент, когда они в спешке покидали Флоренцию. Узнали ли Блюмстриты их тайну? Конечно, нет. Они разнесли по всему светскому обществу весть о том, что Майколсоны уехали по не понятной причине, что обсуждалось довольно долго. Куда же они уехали? В Англию, а потом во Францию, а потом в Китай и так по всему свету. Не волнуйся, они не убегали. Просто Кол, решил показать Калли весь мир. Ведь для неё весь этот мир это прочитанные книги, и рассказанные Майколсонами истории. Но ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Так Калли увидела гигантскую Эйфелеву башню, широкие Елисейские поля, чудеса Лувра – в Париже; старинные храмы, самобыт-

ную культуру Азии – в Китае и Японии и т.д. Калли увидела, что мир велик, но сама она так и осталась в своём маленьком мирке, где был он и она, но не долго...

После отплытия из Флоренции Кол преподнёс Калли коробочку с кольцом на безымянный палец. Это было серебряное старинное кольцо. После этого они обвенчались в церквушке на севере Англии и уехали в Париж. Калли долгие годы помнила, как колышется штора от парижских ветров.

Они жили замкнуто – только он и она, лишь порой навещали друзья и семья.

Их как-то видели у берегов Каспийского моря. С момента отплытия Кола и Каллисты от берегов Италии прошло двенадцать лет. Был очень ветряный и пасмурный. Открытый пляж, с белоснежным песком и тёмным морем. У воды играло трое детей – два мальчика и маленькая девочка. Они запускали змея, для этого погода была замечательной. Самого старшего звали Вильгельм, ему было десять лет. Средним был Тео, ему было восемь лет. Мальчики были очень похожи друг на друга. У обоих были карие глаза, цвета ореха и тёмные волосы, в общем, пошли в отца. За мальчишками ели попевала маленькая рыженькая девочка, с зелёными глазами, ей недавно исполнилось пять лет. Её звали Евой. Дети веселились, бегали, смеялись, и вместе с ними была их мать. Стройная, миниатюрная молодая женщина в чёрном шифоновом платье и шляпе. Но в какой-то момент порыв ветра снял шляпу с головы, и на ветру раскинулась сеть кровавых

волос. Дети наперегонки побежали ловить шляпу, ведь её унесло порывом ветра к воде. Над пляжем нависал песчаный холм, на нём стоял мужчина и курил. Когда шляпу сорвало ветром, он усмехнулся и приказал, сидящему у ног чёрному псу, бежать за шляпой. Он докурил и спустился с корзиной вниз к семье, у них планировался пикник.

Как ты уже поняла, у наших героев появились дети. Совершенно замечательные, красивые и самое главное здоровые дети. Не волнуйся, у них было замечательное детство. За всё своё детство-отрочество-юность они никогда не видели слёз и истерик Каллиста и демона Кола Майколсона. Беременность Калли очень изменила Кола, а вместе с ним и их взаимоотношения. Она для него стала Божеством и то, что внутри неё развивалась жизнь, было каким-то непостижимым таинством, хоть он являлся психиатром, человеком знающим анатомию и физиологию человека, как свои пять пальцев. Когда Калли забеременела впервые, Кол боялся прикасаться к ней – "Ты же такая нежная, я могу сделать тебе больно". Он мог долго лежать и гладить её живот. Когда она могла спать только на боку, он подкладывал подушки к спине, чтобы ей было удобнее. Он сдувал с неё пылинки и помогал надевать носочки с ботинками. Она для него была Богиней. Когда дома отошли околоплодные воды, он запаниковал и не знал, что делать. Тогда Калли вывела его из ступора сумкой полетевшей в лицо. После этого Кол сам отвёз её в больницу и до палаты донёс на руках. А потом? А потом он ушёл

подальше, чтобы не видеть это всё и курить-курить-курить. Так родился Вильгельм. Это было новое чудо света. Когда случилась вторая беременность, Кол попросил Ника написать картину беременной Каллисты, ведь фото для него были ничтожны, а воспоминания стираемы. Картина появилась и весела в гостиной, в дальнейшем дети часто спорили, кто из них у мамы там в животике. Семья была чудесная – Калли хранительница очага, а Кол гора, которая защитит этот очаг. Кол ужасно любил детей, но был строгим отцом. Калли была нежной и доброй, от неё пахло любовью.

И всё прекрасно и пахнет в воздухе весной, но вот я подошёл к итогу.

Это был 2016 год. Мы были на экскурсии по Лондону. Нас водили по улочкам и рассказывали об истории чуть ли не каждого дома. И тут мы остановились около старинного, но величественного здания с высокой оградой. Как оказалось, это была и есть психиатрическая лечебница. Гид рассказала нам историю-легенду, что в этой лечебнице некогда на протяжении десяти лет в этих стенах жил и умер, известный в послевоенное время психиатр, подхвативший недуг своей профессии. У лечебницы находился памятник с цветами и свечками, что являлось якобы доказательством этой истории...

Внезапно к лечебнице подъехал чёрный внедорожник, из которого вышла очень худая, полностью седая женщина в чёрном брючном костюме. В её руках была зажигалка и охап-

ка алых роз. Наши глаза встретились, и я всё понял...

Семейная жизнь Кола и Каллисты была чистой, полной взаимной любви и счастья. Но в момент, когда дети выросли, получили образование и обзавелись семьёй, а Колу уже стукнуло шестьдесят пять лет, прошлое стало стучаться в его двери старости. Он сразу понял, что с ним происходит и в темноте летней веранды рассказал своей навечно малышке – Калли, что он скоро покинет её. Так и случилось, со временем он стал путаться во времени, именах, событиях. Пойдя за продуктами, он забыл дорогу домой. Его рассудок страдал, а Каллиста ничего не могла сделать. Когда его рассудок был чист, он всё время что-то писал в своём кабинете и не давал прочесть Калли. Переломный момент настал, когда Кол стал агрессивным и напал на Каллисту, хоть он был и стар, но всё же был мужчиной сильным. Когда рассудок вернулся, и он увидел, что натворил, то решил лечь в больницу, и никто не мог ему перечить.

Каллиста днями и ночами была там, с ним. Кол выбрал палату в самом дальнем крыле, отдельную от остальных постояльцев, обустроенную по-домашнему. Почему такие барские условия? Потому что он был главой этой лечебницы. Когда санитары и бывшие коллеги говорили Каллисте, что находиться рядом с Колом опасно, то она говорила, что не может его оставить одного, что кроме неё у него никого нет. Кол очень любил, когда она приходила. Он очень любил её, до последнего дня, ведь их связь стала настолько крепкая, что

всё то "юное" было давно забытым, а сейчас осталась или же появилась преданная любовь. Состояние Кола ухудшалось, и он сам говорил, забыть дорогу в палату, но она не слушалась. Когда его рассудок затуманивался, то все совершённые им деяния ранее давили на него. Как-то Калли нашла его стоящим на коленях и плачущим. Бывало, ему казалось, что его заперли тут, и он метался по палате, круша всё. А был момент, когда он ни с кем не разговаривал и просто смотрел исподлобья. Бывало, он нападал на Калли, а потом стоял на коленях и молил о прощении. Бывало, он метался по палате, и кричал, что мёртвые встали из могил. И т.д.

Когда он был в разуме, то был спокоен и полностью хладнокровен, но Каллиста видела, как ему плохо. Был момент, когда она обнаружила его в петле. Он стоял в ванной на чёртовой табуретке с закрытыми глазами. Она с воплем тогда кинулась и схватилась его за ноги. Она рыдала, кричала: «Я не дам тебе упасть», «Я рядом, я с тобой», «Если ты сделаешь это, то и я следом наложу на себя руки». Последнее и послужило причиной того, что он передумал. Диагноз ему не мог поставить никто, и он его оглашать не хотел. Но одно знали все – он обречён.

В 2011 году Кол Майколсон умер. Причиной послужило кровоизлияние в мозг. Его десятилетний кошмар подошёл к концу. Рукопись, которую он писал всё это время, были письма детям и жене. В них он говорил, как он любит, как он жалеет и как нужно жить, чтобы не придти к его исходу. В

них он написал свой диагноз или если быть точнее причину своего недуга: " Пришло в исполнение моё наказание за мою безнаказанность".

2016 год. Каллиста Майколсон испугалась толпы и наши глаза встретились. И именно, тогда я узнал всю эту историю. В её кристально чистых глазах, которые сияли в столь пожилом возрасте, я увидел глубокую печаль. Она была совершенно седой, и ей это нравилось, ведь теперь она была такая как все, не осталось следа этих переливов кровавых волос. Но её душа осталось всё такой же, не увядшей ни на год, ни на месяц. Это всё та же Каллиста, которая пьёт чай с молоком, читает книги и боится людей. Раз в неделю она приходит в лечебницу зажигает свечи, кладёт часть цветов у входа, а другую в палате и сидит некоторое время, там, где в одиночестве умерла её любовь.

Я увидел её глаза и узнал её жизнь. Быть может, когда-нибудь ты будешь проходить мимо какого-то человека, заглянешь в его глаза, и он расскажет тебе свою никому не рассказанную историю.

– А где я могу найти кого-нибудь нормального?

– Нигде, – ответил Кот, – нормальных не бывает. Ведь все такие разные и не похожие. И это, по-моему, нормально.

"Алиса в стране чудес"

В оформлении обложки использована фото-

графия с <https://d2hhj3gz5jljkm.cloudfront.net/9bc/32f3b/c3ea/4155/8c47/b37fea44d1de/original/842771.jpg> по лицензии ССО.